

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭНЗ.

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6

1979

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

6
1979

СОДЕРЖАНИЕ

30-летие Совета Экономической Взаимопомощи . . .	3
<i>Кузьмин А.</i> Боевые действия авиагруппы под командованием А. Н. Витрука в сражениях за освобождение Югославии	8
<i>Мараш И. Я.</i> Владыслав Спасовский — пропагандист ленинских идей в довоенной Польше . . .	19
<i>Валева Е.</i> Борьба демократических сил Европы в защиту болгарских революционеров-политэмигрантов (1925—1929)	29
<i>Харциева Г. Ю.</i> К вопросу о формировании национального самосознания словаков (по материалам газеты «Словенске народне новины» 1845—1847 гг.)	40
<i>Липатов А. В.</i> Теоретическая проблематика стыка литературных эпох (На примере польской литературы)	49
<i>Злыднева Н.</i> Природа и миф в мемориалах архитектора Б. Богдановича	62
<i>Максимова Е. В.</i> Чешские народные песни на общеславянском эпическом фоне	75
<i>Радевич Милорад</i> (СФРЮ) Русский язык в белградских школах до 1878 года	87
<i>Чекман В. Н.</i> К типологии славянской протезы . . .	92

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Вышомирская-Кузьминская Отильда</i> (ПНР) Е. А. Дудзинская. Международные научные связи советских историков	100
<i>Чернявский Г. И.</i> Ю. Мемишев. Участие на болгарските турци в борбата против капитализма и фашизма	102
<i>Струкова К. М.</i> Манолова, Русия и конституционно-то устройство на Източна Румелия	104

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Хееролина В. М. А. А. Улуниа. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия</i>	106
<i>Горина Л. Л. Минкова. Осип Максимович Бодянски и българското възраждане</i>	108
<i>Наумов Е. П. Сербские источники XIV в. в новых югославских публикациях</i>	110
<i>Саливои А. Н. Н. Ф. Колесницкий «Священная Римская империя»: притязания и действительность</i>	112
<i>Жук В. А. Польско-восточнославянские исследования</i>	113
<i>Федорук А. К. «Художественные процессы в русском и польском искусстве XIX — начала XX века»</i>	115
<i>Королюк В. Д. Средневековое искусство Чехии и Моравии</i>	117

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>И. К. В Институте славяноведения и балканистики АН СССР</i>	119
<i>Пименова И. В., Северная О. А. Международная конференция ЮНЕСКО по проблемам современных славянских культур</i>	120
<i>Ляткер Я. Заседание Бюро МАИРСК в г. Киеве (30—31 V 1979 г.)</i>	122
<i>Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1979 г.</i>	124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), Л. Б. ВАЛЕВ, В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 В. Д. КОРОЛЮК, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМЕРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
 Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарева*

30-ЛЕТИЕ СОВЕТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ

В январе 1949 г. по инициативе коммунистических и рабочих партий ряда социалистических стран был создан Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) — первая в мировой истории организация многостороннего экономического сотрудничества братских стран. Руководствуясь идеями марксизма-ленинизма, принципами социалистического интернационализма, СЭВ стал важным фактором экономического и социального прогресса стран социалистического содружества. Итоги его большой плодотворной деятельности за 30 лет были подведены на юбилейной XXXIII сессии СЭВ, состоявшейся 26—28 июня 1979 г. в Москве.

В работе сессии участвовали правительственные делегации стран — членов СЭВ: Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Социалистической Республики Вьетнам, Германской Демократической Республики, Республики Куба, Монгольской Народной Республики, Польской Народной Республики, Социалистической Республики Румынии, Союза Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республики. В соответствии с соглашением между СЭВ и правительством Социалистической Федеративной Республики Югославии в сессии приняла участие делегация СФРЮ. В заседании сессии, посвященном 30-летию СЭВ, приняли участие делегации Народной Республики Анголы, Демократической Республики Афганистан, Иракской Республики, Народной Демократической Республики Йемен, Лаосской Народно-Демократической Республики, Народной Республики Мозамбик, Мексиканских Соединенных Штатов, Финляндской Республики, Социалистической Эфиопии, представители Организации Объединенных Наций.

К участникам сессии от имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства обратился с приветствием Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев. Высоко оценив деятельность СЭВ, Л. И. Брежнев обратил внимание на задачи, стоящие перед организацией экономического сотрудничества социалистических стран. «Предстоит реализовать долгосрочные целевые программы, которые определили стратегию сотрудничества на будущее десятилетие, — указывается в приветствии. — Главная задача теперь, по-видимому, состоит в том, чтобы развернуть долгосрочные программы в систему конкретных соглашений, превратить следующие две пятилетки в период интенсивной производственной и научно-технической кооперации»¹.

В адрес сессии поступили приветствия и от руководителей коммунистических и рабочих партий других стран — членов СЭВ. Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек в своем послании, отметив, что с вступлением братских стран на путь строительства социализма создались объективные предпосылки для нового типа отношений между ними, подчеркнул:

¹ «Правда», 1979, 27 июня.

«Для Народной Польши сотрудничество в рамках СЭВ, в котором главным партнером был и остается Советский Союз, стало одним из основных факторов быстрого восстановления страны после огромных военных разрушений, преодоления отсталости, динамического развития экономики и упрочения социалистических общественных отношений»².

В приветствии Первого секретаря ЦК КПС Председателя Государственного Совета НРБ Т. Живкова и выступлении главы делегации НРБ С. Тодорова указывалось, что летопись социалистической Болгарии неотделима от тридцатилетней деятельности СЭВ, отмечалась особая роль Советского Союза в развитии этой организации³. «За минувшие 30 лет страны — члены СЭВ, — заявил глава делегации СРВ Фам Ван Донг, — при большой и эффективной помощи Советского Союза, в результате сотрудничества добились исторических побед в строительстве социализма и коммунизма»⁴.

Участники сессии с воодушевлением восприняли приветствия руководителей братских партий Совету Экономической Взаимопомощи. В этих приветствиях и выступлениях глав делегаций стран — членов СЭВ на сессии были обстоятельно показаны огромные достижения в социально-экономическом развитии социалистических стран, успехи их сотрудничества в рамках СЭВ и определены задачи по дальнейшему расширению и углублению этого сотрудничества.

Сессия единодушно приняла Заявление о 30-летию Совета Экономической Взаимопомощи. В заявлении⁵ подчеркивается, что народы стран — членов СЭВ за 30 лет под руководством своих коммунистических и рабочих партий, творчески применяющих общие закономерности построения социализма к конкретным условиям, провели коренные социально-экономические преобразования. В странах — членах СЭВ утвердились социалистические производственные отношения, основанные на общественной собственности на средства производства, создается и развивается материально-техническая база социализма и коммунизма, непрерывно повышается материальный и культурный уровень жизни населения. В 1951—1978 гг. темпы роста национального дохода и промышленной продукции стран — членов СЭВ были втрое выше, чем в развитых капиталистических странах. За 30 лет доля стран — членов СЭВ в мировой промышленной продукции увеличилась с 18% примерно до 1/3, а в мировом национальном доходе с 15 до 25%. Эти показатели убедительно свидетельствуют о преимуществах социалистического строя над капитализмом, об огромных созидательных возможностях социализма.

Успехи стран — членов СЭВ в строительстве социализма и коммунизма неразрывно связаны с развитием их сотрудничества. «В деятельности Совета Экономической Взаимопомощи, — говорится в заявлении, — впервые в истории нашли практическое воплощение международные отношения нового типа, основанные на принципах социалистического интернационализма, уважения государственного суверенитета, независимости и национальных интересов, невмешательства во внутренние дела стран, полного равноправия, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи».

Политической основой этих отношений является прочный союз правящих коммунистических и рабочих партий, обусловленный общностью их целей и единством их действий. Благодаря усилиям братских партий сложились новые формы человеческого общежития, основанные на совпа-

² «Трубуна Луду», 27 IV 1979.

³ «Правда», 1979, 27 июня.

⁴ Там же.

⁵ «Правда», 1979, 30 июня.

дении коренных интересов, взаимопонимании, взаимном доверии и добровольном согласии народов.

Деятельность СЭВ была направлена на укрепление братского сотрудничества социалистических стран, обогащение его новыми методами и формами, обеспечивавшими ускоренное строительство социализма и коммунизма. В процессе этого сотрудничества страны — члены СЭВ перешли от согласования взаимных поставок товаров «к более высоким комплексным формам экономического взаимодействия, охватывающим целые отрасли производства, науки и техники». Принятая СЭВ «Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ» открыла новые горизонты в развитии социалистического содружества.

В рамках сотрудничества стран — членов СЭВ успешно осуществлялась специализация и кооперация производства, происходило совместное освоение природных ресурсов, производился обмен современной технологией, техническим опытом и достижениями фундаментальных исследований. Использование преимуществ международного социалистического разделения труда обеспечивалось координацией народнохозяйственных планов, совместным планированием производства, обменом опытом планирования и управления экономикой. Сотрудничество в области планирования в последние годы обогатилось новыми формами и инструментами, такими, как согласованный план многосторонних интеграционных мероприятий, долгосрочные целевые программы сотрудничества.

Ярким свидетельством тесного плодотворного сотрудничества стран — членов СЭВ являются нефтепровод «Дружба» и газопровод «Союз», уникальные по своей мощности и протяженности; объединение национальных электроэнергетических систем европейских стран — членов СЭВ и СССР; разработка и производство электронно-вычислительных машин единой системы «Ряд»; создание Общего парка грузовых вагонов; Институт ядерных исследований в Дубне; сооружение Усть-Илимского целлюлозного завода и Киембаевского асбестового комбината в СССР, медно-молибденового комбината «Эрдэнэт» в МНР, никелевых заводов на Кубе и других объектов, имеющих большое народнохозяйственное значение; успешное выполнение программы «Интеркосмос», полеты штернациональных экипажей в околоземное пространство.

В развитии и углублении взаимного сотрудничества кровно заинтересованы все народы социалистического содружества. «Сотрудничество братских стран, — отмечается в заявлении, — стало непосредственным делом тысяч производственных и научно-технических коллективов, миллионных масс трудящихся. В связи с 30-летием СЭВ в ряде стран развернулось интернациональное социалистическое соревнование между коллективами трудящихся».

Дальнейшее развитие социалистической экономики, повышение ее эффективности предполагает углубление международной специализации и кооперации производства. Важное значение для осуществления этой задачи имеет разработка и реализация целевых программ сотрудничества на период до 1990 г., позволяющих шире использовать преимущества социализма в интересах каждой страны и всех стран — членов СЭВ.

Сессия рассмотрела и одобрила долгосрочные целевые программы сотрудничества по удовлетворению рациональных потребностей стран — членов СЭВ в промышленных товарах народного потребления, по развитию их транспортных связей, а также меры по обеспечению реализации этих программ машинами и оборудованием. «Программа сотрудничества производства товаров народного потребления, — указывается в коммуни-

ке о заседании сессии СЭВ,— ориентирует на повышение их качества, постоянное обновление и расширение ассортимента в соответствии с растущими запросами населения, на объединение усилий по внедрению новых технологических процессов и техники, позволяющих значительно повысить производительность и улучшить условия труда»⁶. В программе сотрудничества в области транспорта предусматривается прежде всего реконструкция и техническое перевооружение 18 железнодорожных магистралей, связывающих страны СЭВ, и расширение транспортных узлов международного значения, намечается значительное увеличение перевозок речным и автомобильным транспортом, расширение контейнерных и других прогрессивных способов перевозок, механизация погрузочно-разгрузочных работ⁷.

На сессии были рассмотрены вопросы о реализации мероприятий, предусмотренных в пяти долгосрочных целевых программах сотрудничества, и о координации народнохозяйственных планов стран — членов СЭВ на 1981—1985 гг. После XXXII сессии СЭВ были заключены 22 соглашения по осуществлению этих программ, в том числе соглашения о кооперации в производстве оборудования для атомных электростанций, в результате которой более чем на $\frac{1}{3}$ увеличится электроэнергетический потенциал европейских стран — членов СЭВ и Кубы, о строительстве в СССР Хмельницкой атомной электростанции и Линии электропередачи 750 кв Хмельницкая АЭС — Жешув (ПНР) для передачи электроэнергии в ВНР, ПНР и ЧССР, о расширении производства в СССР энергоемкой химической продукции (аммиака, метанола, полиэтилена) в обмен на производимую в других странах малотоннажную и менее энергоемкую продукцию (химические средства защиты растений, красители и т. д.), о строительстве совместными усилиями завода по производству кормовых дрожжей из парафинов.

Были подписаны также соглашения о реконструкции и техническом переоснащении важнейших железнодорожных магистралей международного значения, о сооружении двух железнодорожных переходов из СССР в Венгрию и Чехословакию, о развитии единой контейнерной системы, о реконструкции автомобильных дорог по направлениям Москва — Варшава — Берлин и Москва — Бухарест — София, о сотрудничестве в области гражданской авиации, в частности, по развитию международных аэропортов и совместной эксплуатации отдельных международных авиалиний. Сессия предложила ускорить подготовку других соглашений по осуществлению целевых программ и увязке их с координацией народнохозяйственных планов на 1981—1985 гг. Она обратила внимание на необходимость быстрее внедрения в производство, прежде всего в машиностроение, достижений научно-технического прогресса, особенно новой технологии, о дальнейшем развитии кооперации в производстве машин и оборудования.

Долгосрочные целевые программы, принятые на XXXII и XXXIII сессиях СЭВ, представляют собой важный новый этап в развитии и углублении сотрудничества стран — членов СЭВ. Претворение их в жизнь «будет содействовать всестороннему развитию народного хозяйства и повышению эффективности общественного производства стран — членов СЭВ в соответствии с целями и задачами, поставленными коммунистическими партиями этих стран, ускорению процесса постепенного сближения и выравнивания уровней их экономического развития»⁸, обеспечит даль-

⁶ «Правда», 1979, 30 июня.

⁷ «Правда», 1979, 28, 30 июня.

⁸ «Правда», 1979, 30 июня.

нейший подъем экономики и благосостояния народов, упрочит позиции социализма в мире.

Сессия одобрила меры по совершенствованию организации многостороннего сотрудничества стран — членов СЭВ и деятельности Совета и внесла соответствующие изменения в Устав СЭВ. Были приняты решения о распространении на СРВ положений Комплексной программы об ускоренном развитии экономики, об участии НДРЙ в работе СЭВ в качестве наблюдателя. Отмечая расширенное участие Югославии в работе органов СЭВ, сотрудничество с КНДР и ЛНДР, экономические связи с Народной Республикой Ангола и Социалистической Эфиопией, сотрудничество с Ираком, Мексикой и Финляндией, страны — члены СЭВ заявили о своем намерении развивать на многосторонней и двусторонней основе взаимовыгодное сотрудничество со всеми социалистическими государствами, развивающимися и другими странами. Они подтвердили свою готовность заключить соглашение с Европейским экономическим сообществом и странами — членами ЕЭС на основе равноправия сторон, в интересах общеевропейского сотрудничества.

Сессия подчеркнула большое значение миролюбивой политики стран — членов СЭВ, направленной на дальнейшее развитие международного экономического сотрудничества, на прекращение гонки вооружений и разоружение, выдающийся вклад Советского Союза в заключение Договора между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений, в дело разрядки и мира.

Участники сессии выразили твердую решимость и впредь укреплять взаимное сотрудничество, дружбу и сплоченность стран — членов СЭВ на благо своих народов, безопасности и мира во всем мире. Работа сессии, проходившая в обстановке подлинной дружбы, единодушия и интернационализма, убедительно показала нерушимое единство братских стран, плодотворность их сотрудничества, обеспечивающего успешное их продвижение по пути социализма и коммунизма.

Политбюро ЦК КПСС и Совет Министров СССР высоко оценили принятые сессией заявления о 30-лети СЭВ и коммюнике о ее заседании и выразили глубокое удовлетворение результатами ее работы. Политбюро ЦК КПСС и Совет Министров СССР отметили, «что проведенная сессия создала условия для дальнейшей работы по осуществлению обширного комплекса мер, предусмотренных долгосрочными целевыми программами, завершения координации народнохозяйственных планов на 1981—1985 годы, углубления социалистической экономической интеграции, ставшей стабильным фактором всестороннего прогресса каждого из братских государств в отдельности и социалистического содружества в целом». Реализация мероприятий, намеченных XXXIII сессией, будет способствовать расширению и углублению братского сотрудничества стран в решении ими важных задач социалистического и коммунистического строительства»⁹. Высокую оценку и полное одобрение получили решения сессии и в других братских странах.

⁹ «Правда», 1979, 8 июля.

А. КУЗЬМИН

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ АВИАГРУППЫ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ А. Н. ВИТРУКА В СРАЖЕНИЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЮГОСЛАВИИ

20 сентября 1979 г. в нашей стране и в Югославии торжественно отмечалась 35-я годовщина освобождения Белграда совместными героическими усилиями двух братских армий — Советской Армии и Народно-освободительной армии Югославии. О боевом содружестве советских и югославских воинов в годы второй мировой войны имеется уже достаточно обширная советская литература¹. Боевым действиям советских танкистов на югославской земле посвящены воспоминания В. Ф. Толубко и Н. И. Барышева², об участии советских моряков в освобождении Югославии рассказывается в монографиях Н. П. Вьюненко и Р. Н. Мордвинова, И. И. Локтионова³ и других.

В значительно меньшей степени освещена боевая деятельность советской авиации в ходе Белградской операции и особенно после нее — на завершающем этапе освобождения Югославии от фашистских захватчиков⁴. В настоящей статье предпринята попытка на основе архивных материалов показать боевую деятельность авиагруппы под командованием А. Н. Витрука и ее роль в становлении Военно-воздушных сил югославской авиации в конце 1944 — первой половине 1945 гг.

После разгрома немецко-фашистских войск в Ясско-Кишиневской операции Советская Армия в начале сентября 1944 г. вышла к границам

¹ Из общих трудов следует назвать: «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг.». М., 1962, т. 4; «Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. 1944—1945». Под общей редакцией М. В. Захарова. М., 1970; «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне». Под общей редакцией А. А. Гречко. Изд. 2-е. М., 1974. Более подробно совместные боевые действия Советской Армии и НОАЮ в Белградской операции освещены в коллективных работах: «Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение Югославии». Под общей редакцией С. С. Бирюзова. М., 1960; «Белградская операция». Под общей редакцией С. С. Бирюзова и Раде Хамовича. М., 1964, а также в монографиях: А. Н. Ратников. В борьбе с фашизмом. М., 1974; М. М. Минаян. Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М., 1967; М. Е. Онин. Мужество, рожденное в боях. М., 1971; Ю. С. Гиренко. Советский Союз — Югославия: традиционная дружба, всестороннее сотрудничество. М., 1975.

² В. Ф. Толубко, Н. И. Барышев. От Видина до Белграда. М., 1968; и другие. На Южном фланге. М., 1973.

³ Н. П. Вьюненко, Р. Н. Мордвинов. Военные флотилии в Великой Отечественной войне. М., 1957; И. И. Локтионов. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941—1945). М., 1962.

⁴ См. А. Кузьмин. Братская помощь. «Военно-исторический журнал», 1970, № 10.

Югославии. Появилась возможность не только значительно увеличить оказываемую Народно-освободительной армии Югославии материальную помощь, но и оказать непосредственную военную помощь в освобождении страны и ее столицы Белграда. Между советским и югославским командованием была достигнута договоренность о порядке ведения совместных боевых действий в Белградской операции.

Советское правительство удовлетворило просьбу Национального комитета освобождения Югославии и Верховного Штаба НОАЮ о предоставлении в его распоряжение в полном составе двух авиадивизий и одного района авиационного базирования.

В соответствии с распоряжением Ставки Верховного главнокомандования Советской Армии главнокомандующий ВВС образовал авиагруппу для передачи ее в оперативное подчинение Верховного штаба НОАЮ. В эту группу вошли: 10-я гвардейская штурмовая авиационная Воронежско-Киевская Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова дивизия (командир — гв. генерал-майор авиации А. Н. Витрук, начальник политотдела — гв. полковник П. И. Петров, начальник штаба — гв. полковник В. И. Артемьев); 236-я истребительная авиационная Львовская Краснознаменная дивизия (командир — полковник В. Я. Кудряшов, начальник политотдела — полковник Н. И. Иванов, начальник штаба — майор Г. А. Хомец) и 9-й район авиационного базирования (начальник — полковник А. Н. Кривошапко, начальник политотдела — подполковник М. И. Ткаченко, начальник штаба — подполковник Г. И. Плащинский).

Рис. 1. Командир авиагруппы Герой Советского Союза гв. генерал-майор авиации А. Н. Витрук (1944)

Командование этой группой было возложено на Героя Советского Союза гв. генерал-майора авиации Андрея Никифоровича Витрука. Части авиагруппы в таком составе находились в оперативном подчинении Верховного Главнокомандующего НОАЮ с 15 ноября 1944 г. по 15 мая 1945 г. На них возлагались задачи по воздушному обеспечению боевых действий частей и соединений НОАЮ и прикрытию административных центров, военно-промышленных объектов восточной части Югославии, оказанию помощи в создании югославских Военно-воздушных сил, подготовке летно-технического состава к полетам на советских самолетах-штурмовиках «Ил-2» и истребителях «Як-1», ведению на них боевых действий и обслуживанию этой техники.

В период Белградской операции авиагруппа действовала совместно с сухопутными войсками 3-го Украинского фронта и НОАЮ в боях против группировки фашистских войск, находившейся в восточных районах Югославии.

Части авиагруппы, как и вся авиация 17-й воздушной армии, прикрывали переправы через Дунай, районы сосредоточения советских и югославских войск, подавляли зенитную артиллерию противника, уничтожали его пехоту и военную технику.

После завершения Белградской операции основные силы советских

войск передислоцировались на венгерскую территорию. На югославской земле до конца декабря 1944 г. продолжали сражаться с врагом в тесном взаимодействии с НОАЮ соединения советских войск⁵. Все их боевые действия обеспечивались с воздуха, как правило, частями авиагруппы. Взаимодействие авиаторов с сухопутными войсками осуществлялось через штаб 17-й воздушной армии, а также через офицеров связи авиагруппы, находившихся в штабах соединений НОАЮ.

Советские воины, воспитанные Коммунистической партией в духе пролетарского интернационализма, всегда помнили, что дружба наших народов имеет давнюю историю, что с самого начала войны фашистской Германии против СССР героический югославский народ под руководством своей коммунистической партии поднялся против фашистских поработителей и вписал яркие страницы в историю европейского Сопротивления против фашистских агрессоров, приблизил долгожданный день нашей общей победы. Все это вдохновляло советских солдат и офицеров на ратные подвиги. Советские воины — пехотинцы и танкисты, моряки и летчики — самоотверженно сражались за скорейшее освобождение югославской земли от фашистских захватчиков, и порой командирам и политработникам трудно было выделить особо отличившихся в бою.

Летчики авиагруппы действовали дружно, смело и с особым боевым подъемом с первых дней боев на территории Югославии. Вот несколько примеров. 5 октября 1944 г. 22 штурмовика из 166-го и 167-го гвардейских штурмовых авиаполков (ШАП) под командованием Героя Советского Союза ст. лейтенанта А. В. Матвеева, гв. ст. лейтенанта С. В. Голубева, гв. лейтенантов Б. А. Пестрова и А. Ф. Карупина уничтожили скопление барж в дунайском порту Дони-Милановац. В районе порта наши штурмовики встретили ожесточенный зенитный огонь противника, однако, он не нарушил боевого порядка самолетов, которые на высоте 1500 м встали в круг на дистанции 150 м друг от друга, произвели несколько атак, снижаясь при этом до высоты 200 метров, прицельно бомбили с пикирования под углом 30—35° и одновременно вели обстрел целей реактивными снарядами и пушечно-пулеметным огнем. Противнику был нанесен существенный урон⁶. На рассвете 10 октября летчики 165-го гвардейского штурмового авиаполка Герой Советского Союза гв. майор А. А. Добкевич, Л. И. Лизунов, И. Д. Павлов поднялись в воздух и нанесли удар по катерам и баржам противника с живой силой и техникой, следовавшим по Дунаю к Белграду. В результате этого удара была потоплена одна баржа⁷.

14 октября войска двух братских армий развернули бои за освобождение югославской столицы. Авиация оказывала эффективную поддержку частям и соединениям Советской Армии и НОАЮ, которые вели напряженные уличные бои. 16 октября шестерка самолетов «Ил-2», возглавляемая Героем Советского Союза Василием Расщепкиным, преодолев мощный зенитный огонь, нанесла сильный бомбовый удар по огневым средствам противника, установленным в Белградской крепости Калемегдан⁸.

После освобождения столицы Югославии войска НОАЮ продолжили преследование фашистских войск. Части авиагруппы активно поддержива-

⁵ В конце ноября 1944 г. войска 68-го стрелкового корпуса Советской Армии совместно с частями НОАЮ провели наступательную операцию, завершившуюся освобождением г. Кралево. 1—3 декабря части корпуса были передислоцированы в Воеводину, где до конца месяца совместно с частями НОАЮ вели тяжелые бои в районе крепости Илок. См. М. М. М и н а с я н. Там же, с. 443.

⁶ Архив Министерства Обороны СССР (далее — Архив МО СССР), ф. 370, оп. 6548, д. 112, л. 14.

⁷ «Советская авиация», 1957, 20 октября.

⁸ Там же.

ли боевые действия югославских дивизий, значительно пополнившихся новыми бойцами и оснащенными советской боевой техникой и вооружением.

В день 27-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции 24 экипажа штурмовиков «Ил-2» 167-го ШАП под командованием ведущих групп Героя Советского Союза гв. майора Б. И. Гарина, гв. капитана Н. И. Сморгча, гв. ст. лейтенантов С. В. Голубева и В. И. Кривова уничтожили на высоте 173,0 все минометные и артиллерийские батареи противника, препятствовавшие продвижению войск НОАЮ на се-

Рис. 2. Митинг в г. Нови Сад, посвященный 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. (Третий слева — командующий югославской 3-й армией генерал-лейтенант Коста Надж, четвертый — А. Н. Витрук, пятый — начальник политотдела 10-й гв. ШАП полковник П. И. Петров; выступает политкомиссар югославской 42-й ШАП подполковник Л. Момчилович)

вер. Кроме того, был выведен из строя один танк, уничтожено и ранено до 500 солдат и офицеров противника. За отличные боевые действия всем экипажам, участвовавшим в этой операции, командир 6-й Пролетарской дивизии НОАЮ полковник Джока Йованович объявил благодарность⁹.

14 декабря 1944 г. восемь штурмовиков во главе с командиром эскадрильи 167-го ШАП Героем Советского Союза Б. И. Гариним полностью уничтожили железнодорожный эшелон с боеприпасами и живой силой противника, состоявший из 50 вагонов и платформ¹⁰.

Полеты проводились над гористой местностью в сложных метеорологических условиях. Особенно напряженную боевую работу вели летчики

⁹ Архив МО СССР, ф. 370, оп. 6548, д. 112, л. 14.

¹⁰ Личное дело Б. И. Гарина, хранящееся в Киевском облвоенкомате (дело ФА, № 47512, л. 38).

во второй половине января 1945 г. в районе Сотин, Негославци, Оролик, Оток, где противник силами трех пехотных дивизий и одного танкового полка 17 января 1945 г. перешел в наступление против частей НОАЮ, которые, героически отбивая атаки, вынуждены были отходить в восточном направлении¹¹. На помощь отступающим войскам приплы летчики авиагруппы.

Командиры и партийно-политический аппарат соединений и частей авиагруппы ознакомили летный состав со сложившейся обстановкой, мобилизовав его на разгром гитлеровских войск. Несмотря на нелетную погоду, рискуя собственной жизнью, летчики 165-го ШАП Н. Г. Подсадник, А. Г. Иванов, Г. Т. Васев, И. А. Горбатенко по тревоге поднялись в воздух, отыскивали скопление танков и автомашин противника, произвели три захода, в упор расстреливая живую силу врага и уничтожая его технику. По полученным от штабов югославских войск сведениям, они уничтожили в этом бою 4 танка, до 8 автомашин, уничтожили и рассеяли до 50 солдат противника¹²; были отмечены три больших взрыва, 10 очагов пожаров.

С напряженности обстановки в этот период свидетельствует тот факт, что летчики 10-й ШАД совершали до 220 боевых вылетов в день в сложных метеорологических условиях. Боевую работу штурмовиков обеспечивали, как всегда, летчики-истребители 236-й истребительной авиадивизии. В эти дни особенно отличились лейтенанты Н. Д. Конойко и А. П. Алферов (267-й ИАП), ст. лейтенант Т. П. Пархоменко, мл. лейтенанты В. Г. Соколов и И. Н. Дульдер (117-й гвардейский ИАП) и др. Они не допустили истребители противника к нашим штурмовикам, создав последним благоприятные условия для успешного выполнения боевых задач.

В этих январских боях наряду с советскими летчиками впервые приняли участие и пилоты Югославии, к тому времени успешно освоившие в частях авиагруппы полеты на советских истребителях и штурмовиках.

В конце января 1945 г. летчики 165-го ШАП гв. майор А. И. Расмотров, гв. ст. лейтенант Л. И. Лизунов и гв. лейтенант А. Г. Иванов совершили первый совместный боевой вылет с югославскими пилотами Душаном Божовичем, Иваном Илиичем и Борисом Госларом. Шестерка «илюшиных» нанесла мощный штурмовой удар по скоплению войск фашистов у населенного пункта Яня¹³. С тех пор совместные полеты советских и югославских летчиков продолжались до конца войны. В составе только этого полка югославские пилоты совершили в январе 12 боевых вылетов, в феврале — 102, в марте — 35, в апреле — 46¹⁴. В этих полетах зародилось и окрепло боевое братство советских и югославских летчиков. Появление в едином боевом строю с советскими пилотами югославских летчиков вызвало огромную радость у югославских наземных войск и их командования. Воины Югославской армии¹⁵ пристально сле-

¹¹ В наступлении участвовали немецкие 117-я легкая пехотная (егерская), 41-я пехотная дивизии и 7-я дивизия СС «Принц Евгений». Им противостояли войска югославской 1-й армии (сформированной 1 января 1945 г. на базе 1-го Пролетарского корпуса НОАЮ), значительную часть бойцов которой составляло новое пополнение, не имевшее боевого опыта («Ослободilački rat naroda Jugoslavije. 1941—1945», 2. izd., knj. 2. Beograd, 1963, s. 499—500). Эффективную помощь воинам Югославской армии в освоении боевой техники оказывали советские специалисты (артиллеристы, связисты и др.). См. А. Н. Р а т н и к о в. В борьбе с фашизмом. О совместных боевых действиях советских и югославских войск в годы второй мировой войны. М., 1974, с. 112.

¹² Архив МО СССР, ф. 370, оп. 6548, д. 112, л. 9.

¹³ Там же, ф. 165-го гв. ШАП, оп. 559816, д. 3, л. 22.

¹⁴ Там же, л. 42, 58, 84.

¹⁵ Приказом Верховного штаба от 1 марта 1945 г. НОАЮ была реорганизована в Югославскую армию.

дили за совершенствованием мастерства и первыми боевыми успехами своих авиаторов.

В результате героических усилий советских и югославских наземных войск при активной поддержке авиации январское наступление врага было остановлено. В этих боях работа авиагруппы была высоко оценена командующим 1-й армией НОАЮ, генералом П. Дапчевичем, наблюдавшим за ее деятельностью. 19 января 1945 г. он сообщил генералу А. Н. Витруку, что успешными действиями советской авиации противник был парализован и остановлен на всех участках 1-й армии НОАЮ. Работа

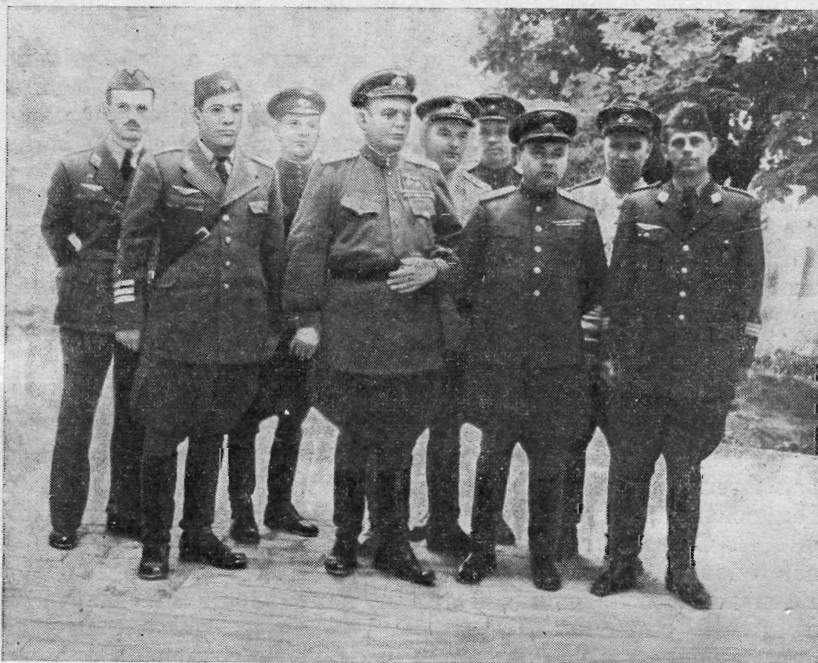

Рис. 3. Группа советских и югославских летчиков. В первом ряду слева начальник штаба ВВС НОАЮ генерал-майор Зденко Улепич, рядом — А. Н. Витрук (1944)

авиации оценена «на отлично»¹⁶. А несколько позже, 30 января 1945 г., генерал Витрук получил следующий документ, который мы приводим полностью:

«Вам, товарищ генерал, Вашим и югославским летчикам, которые с крайним упорством помогают действиям наших дивизий, шлем наш дружеский и братский привет и выражаем теплую благодарность наших бойцов, офицеров и политработников.

Советские и югославские соколы рука об руку на прославленных штурмовиках показывают, как нужно уничтожать ненавистного врага и как нужно любить и защищать свой народ. Наши бойцы с восхищением следят за каждым вылетом ваших самолетов и горят желанием, чтобы после успешно выполненного задания все вернулись на свою базу. Делает нам честь, что сыны нашего народа вместе с сынами Советского Союза летают

¹⁶ Архив МО СССР, ф. 33, личное дело А. Н. Витрука, № 059652, л. 59.

на крепких штурмовиках и сеют убийственный огонь по немецким захватчикам, пробивая путь нашей НОАЮ.

Вы останетесь в памяти бойцов как вечные герои. Вернувшись домой, бойцы НОАЮ будут рассказывать своим матерям, отцам и детям о ваших великих делах, о людях, презrevших смерть, которые мстили за преступления немецких „мессершмиттов“, о героях-соколах, которые окончательно проббили дорогу к полному освобождению нашей замечательной Родины»¹⁷.

Это благодарственное письмо подписано от имени бойцов, офицеров и политработников югославской 1-й армии командующим армией генерал-лейтенантом Пекой Дапчевичем и политкомиссаром армии полковником Миялко Тодоровичем.

Высокая оценка их боевой работы вдохновила авиаторов на новые подвиги. Когда в марте 1945 г. в полосе действий югославской 3-й армии развернулись напряженные бои по ликвидации Дравского плацдарма, части авиагруппы пришли ей на помощь. По несколько раз в день советские и югославские пилоты в одном боевом строю вылетали на боевые задания, в ходе выполнения которых югославские авиаторы, превосходно освоив советские боевые самолеты, проявляли особую находчивость и бесстрашие.

3 марта 1945 г. старший водник 111-го югославского истребительного авиаполка Джордже Джурич на самолете «Як-1» с двух заходов, снижаясь до высоты 500—200 м, пулеметно-пушечным огнем поджег три вражеские автомашины близ населенного пункта Врбана¹⁸.

12 марта летчик-истребитель водник Андрия Браевич пулеметно-пушечным огнем взорвал котел вражеского паровоза в районе Микановци¹⁹.

Свой богатый боевой опыт штурмовки вражеских объектов щедро передавал югославским товарищам по оружию Герой Советского Союза И. А. Домбровский. Он несколько раз водил в бой югославских пилотов — поручика И. Севера, водника Ж. Васича и др.²⁰.

Общая оценка боевой работы авиагруппы в этих боях содержится в письме штаба югославской 3-й армии, направленном 24 марта 1945 г. генералу А. Н. Витруку:

«Во время операции на плацдарме реки Драва севернее Валпово в период с 6 по 20 марта 1945 г. успешно участвовала наша авиация, которая своими активными действиями в большой мере помогла задержать наступление противника и ликвидировать вражеский плацдарм на левом берегу Дравы.

Ваши храбрые авиаторы, выполняя боевые задания, не считались с трудностями, не боясь опасностей со стороны сильной вражеской противозенитной обороны, смело вступали в бой, не жалея своей жизни.

Взаимодействие авиации с нашими частями было очень эффективным, оборона противника была совершенно деморализована, что позволило значительно поднять боевой дух наших войск.

От имени бойцов и руководства 3-й Югославской Армии, мы выражаем свою благодарность и признание всем авиаторам, участникам боев по ликвидации вражеского плацдарма на р. Драва, а также и Вам лично. Выражаем желание, чтобы вы и дальше продолжали ваш славный путь

¹⁷ Там же, ф. 370, оп. 6548, д. 112, л. 13.

¹⁸ Там же, ф. 117-го гв. ИАП, оп. 218609, д. 1, л. 29.

¹⁹ Там же, л. 29, 30.

²⁰ Из записи беседы автора с И. А. Домбровским, состоявшейся 15 января 1973 г. в Харькове.

в совместной координации с остальными видами войск до окончательного уничтожения ненавистного врага — гитлеровской Германии и фашизма.

Слава павшим авиаторам!
Смерть фашизму — свобода народу!

Командующий 3-й ЮА
генерал-лейтенант

Коста Надж
Начальник штаба 3-й ЮА
полковник Суботич»²¹.

В совместных полетах с советскими летчиками югославские пилоты-штурмовики и истребители накапливали боевой опыт, совершенствовались свое мастерство. Вскоре они сами стали ходить ведущими пар, а затем и водить группы самолетов на выполнение боевых задач. Так, 8 апреля 1945 г. две группы по пять самолетов «Ил-2» (ведущие — летчики из незадолго до этого сформированного и оснащенного советскими самолетами югославского 421-го штурмового авиаполка подпоручник Йован Уторник и капитан Божа Илиич при содействии летчиков 165-го ШАП гв. лейтенанта И. А. Горбатенко и гв. мл. лейтенанта Г. Е. Шкодина) успешно выполнили боевое задание по штурмовке вражеских войск, совершавших перегруппировку на участке Нашице, Прибашевцы, Кошка²².

В этот же день пятерка «Илюшиных» из состава 166-го ШАП во главе с югославским летчиком капитаном Трифуном Амиджичем под прикрытием двух истребителей «Як-1», выполняя боевое задание в условиях сильного зенитного огня противника, уничтожила до 30 вагонов вражеского железнодорожного эшелона. Этот подвиг был высоко оценен командованием югославской 2-й армии²³.

В совместных боевых вылетах советские летчики, не жалея сил и самой жизни, передавали свой опыт боевой работы, оказывали помощь югославским братьям по оружию. Этим же отвечали им и югославские пилоты. В период напряженных сражений на югославской земле 2 марта 1945 г. два самолета «Ил-2» 166-го ШАП (ведущий — гв. мл. лейтенант С. Н. Усманов, воздушный стрелок А. А. Пирогов и ведомый самолет с югославским экипажем во главе с пилотом Стеваном Смоличем) вылетели на выполнение боевого задания.

Во время штурмовки цели самолет С. Н. Усманова был подбит зенитным огнем противника и произвел вынужденную посадку на фюзеляж в районе Биелины, занятой врагом. Летчик и воздушный стрелок покинули самолет, заняли оборону и начали отстреливаться от вражеских солдат, бежавших к месту посадки самолета. Все это наблюдал с воздуха экипаж Смолича. Круга над местом нахождения Усманова и Пирогова и огнем своих пушек и пулеметов не подпуская врага к попавшему в беду советскому экипажу, югославские летчики одновременно стремились подыскать подходящую площадку для посадки своего «ИЛ-2», чтобы забрать на борт советских братьев. Но местность не позволила им произвести посадку на колеса, а малый запас горючего лишил возможности дальше находиться в воздухе. С болью в сердце югославский экипаж взял курс на свою базу²⁴.

²¹ Архив МО СССР, ф. 33, личное дело Витрука, л. 60.

²² Там же, ф. 165-го гв. ШАП, оп. 559812, д. 1, л. 32.

²³ Там же, ф. 166-го гв. ШАП, оп. 209384, д. 1, л. 45.

²⁴ Там же, ф. 166-го гв. ШАП, оп. 209388, д. 1, л. 31.

Боевое содружество советских и югославских летчиков в боях за окончательное освобождение югославской земли от фашистских захватчиков все более расширялось. Так, например, летчики только одного югославского 421-го штурмового авиаполка на 18 апреля 1945 г. произвели совместно с советскими инструкторами и самостоятельно 195 боевых самолетовылетов. Наибольшее количество вылетов имели: командир авиаэскадрильи подпоручник Йован Уторник (29), заместитель командира эскадрильи старший водник Душан Поперин (21), командир звена старший водник Салих Хаджиомирович (20), помощник командира полка поручник Драго Рендулич (19), штурман полка капитан Божа Илиич (18), заместитель командира эскадрильи старший водник Богдан Николич (14), командир полка капитан Душан Божович (7) и т. д.²⁵

Совместные боевые вылеты с югославскими пилотами, обученными полетам на советских истребителях, проводились также и летчиками 236-й истребительной авиадивизии. Только в апреле 1945 г. югославские летчики-истребители совершили 285 боевых вылетов, в результате которых было уничтожено или повреждено: 82 автомашины, 9 паровозов, 40 вагонов, 36 повозок, истреблено до 270 солдат и офицеров противника²⁶. Вот несколько боевых эпизодов.

14 апреля 1945 г. четверка самолетов «Як-1», ведомая командиром эскадрильи 117-го ИАП гв. майором Г. А. Шадриним, штурмовала участок железной дороги на отрезке Винковци — Стрижвойка. Там было обнаружено три вражеских железнодорожных эшелона. Успешной штурмовкой у первого был разбит паровоз и обстреляны вагоны, у второго — на станции Воджинци — поврежден паровоз, там возникло два очага пожара, отштурмован был и третий эшелон — у станции Микановцы. Советские и югославские летчики действовали смело и решительно. Они подавили огонь зенитной батареи противника²⁷.

На следующий день Г. А. Шадрин снова повел четверку истребителей на штурмовку — на этот раз колонны полевой артиллерии противника, отступавшей на запад. Под ураганным огнем зенитной артиллерии врага советские и югославские летчики произвели восемь заходов по колонне, превратив ее в свалку, восемь упряжек с орудиями были разбиты²⁸.

До последних дней войны летно-технический состав авиагруппы под командованием генерала А. Н. Витрука самоотверженно выполнял свой интернациональный долг. Известно, что и после капитуляции гитлеровской Германии 8 мая 1945 г. в западных районах Югославии еще продолжались боевые действия. Командование Югославской армии попросило генерала Витрука перебазировать часть боевых самолетов на аэродром близ г. Сараево. Для определения годности аэродрома к приему самолетов были посланы экипажи «Ил-2» Героя Советского Союза майора А. А. Добкевича и капитана А. Т. Артюхина из 165-го ШАП. Самолеты прибыли в Сараево в тот момент, когда в городе создалась напряженная обстановка в связи с появлением в его окрестностях крупных банд усташей. Воспользовавшись прилетом советских самолетов, командир 3-го корпуса Югославской армии поставил боевую задачу экипажам — вылететь немедленно на разгром усташей. Экипажи, несмотря на отсутствие наземного технического персонала, подготовили машины, взлетели и, совершив до десяти заходов на бреющем полете, в упор расстреливали живую силу банд. Противник вынужден был отступить в горы, оставив на поле боя многих убитых и раненых. 9 и 10 мая Добкевич и Артюхин без надлежа-

²⁵ Там же, ф. 165-го гв. ШАП, оп. 209380, д. 20, л. 70.

²⁶ Там же, ф. 10-й гв. ШАП, оп. 20051, д. 30, л. 522.

²⁷ Там же, ф. 117-го гв. ИАП, оп. 218609, д. 1, л. 39, 40.

²⁸ Там же.

щего аэродромного обслуживания и организованного питания произвели по пять боевых вылетов в день, не считаясь с усталостью. В результате штурмовых ударов, по сообщению югославских войск, прямым попаданием бомб в штаб банды усташей были убиты один генерал и до 70 офицеров. На поле боя противник оставил более 2 тыс. трупов²⁹.

О боевых делах летчиков и авиационных специалистов из авиагруппы под командованием А. Н. Витрука свидетельствуют сохранившиеся в архиве следующие сводные данные. За период пребывания в оперативном подчинении командования НОАЮ (с 1 марта 1945 г. — Югославской армии) частями авиагруппы было произведено около 8 тыс. успешных боевых вылетов, в результате которых уничтожено: танков и самоходных орудий — 50, бронетранспортеров — 4, автомашин — 2250, повозок с войсками и грузами — 1600, подавлен огонь 360 орудий полевой артиллерии и 280 орудий зенитной артиллерии, разбито и повреждено 68 паровозов, 540 вагонов. На реках Дунай и Драва потоплено 7 катеров, 23 баржи, 20 понтонов, взорвано 160 складов с горючим и боеприпасами. Убито и ранено свыше 13 тыс. солдат и офицеров противника³⁰. Советские и югославские летчики обрушили на головы врага 4375 т боеприпасов³¹.

Наряду с ведением напряженной боевой работы авиагруппа обучала летно-технические кадры ВВС Югославии в учебных центрах дивизий. За время обучения летного состава произведено 20 546 боевых и связанных с обучением самолетовылетов³². Всего обучено полетам 276 летчиков и подготовлено 3408 авиационно-технических специалистов для обслуживания и обеспечения этой техники. По мере готовности югославских экипажей к ведению самостоятельной боевой работы им передавались советские самолеты.

За короткий срок были сформированы югославские авиационные соединения и части: 42-я штурмовая авиадивизия (командир полковник Божо Лазаревич, политический комиссар подполковник Любо Момчилович) в составе трех штурмовых авиаполков (421-го, 422-го и 423-го ШАП); 11-я истребительная авиадивизия (командир майор Арса Болевич, политический комиссар капитан Любиса Чургуз) в составе трех истребительных авиаполков (111-го, 112-го и 113-го ИАП); 9-я авиационная база (начальник базы полковник Б. Узелян) в составе пяти батальонов аэродромного обслуживания, инженерно-аэродромного батальона, автобатальона и других подразделений и служб.

Части 9-го района авиационного базирования за эти шесть месяцев в общей сложности изыскали площадки и построили 24 аэродрома, восстановили 14 разрушенных аэродромов, отремонтировали или построили 35 км подъездных путей, разминировали 9 аэродромов, бесперебойно обеспечивали авиаполки необходимым авиатехническим имуществом, боеприпасами, горюче-смазочными материалами, продовольствием и обмундированием³³.

Выполнив свою интернациональную миссию, части авиагруппы по распоряжению Советского Верховного Главнокомандования передали НОАЮ всю технику: 197 самолетов, 433 автомобиля, 40 тракторов, а также все имущество связи, вооружение, горюче-смазочные материалы и боеприпасы.

Югославский народ высоко оценил братскую помощь советских авиаторов. За мужество и храбрость, проявленную в сражениях за освобождение

²⁹ Там же, ф. 165-го гв. ШАП, оп. 209379, д. 5, л. 125.

³⁰ Там же, ф. 33, оп. 686196, д. 951, л. 19.

³¹ Там же, ф. 9-го РАБ, оп. 191172, д. 2, л. 117.

³² Там же, ф. 33, оп. 686196, д. 951, л. 19.

³³ Там же, ф. 9-го РАБ, оп. 191172, д. 2, л. 117.

дение Югославии, указом Президиума Антифашистского веча народного освобождения Югославии 177 советских авиаторов были награждены югославскими орденами, а генералу А. Н. Витруку было присвоено звание Народного героя Югославии³⁴.

В Киеве, у Вечного огня, покоится ныне прах Героя Советского Союза, Народного Героя Югославии А. Н. Витрука. А на далекой географически, но близкой сердцу советских людей югославской земле остались могилы отважных советских соколов-«витруковцев» — Героев Советского Союза Василия Расщепкина, Александра Дудкина и многих других их боевых товарищей.

Советские ветераны войны не забывают минувших суровых, но героических дней. Вот уже много лет в день Победы 9 мая летно-технический состав бывшего 166-го гвардейского штурмового авиаполка ежегодно собирается на встречи в селе Большая Александровка под Киевом. Однако с каждым годом все меньше и меньше ветеранов приезжает на такие встречи, поэтому с 1973 г. на них вместо ушедших из жизни бывших воинов прибывают их дети.

Однополчане 167-го гвардейского штурмового полка собираются на такие встречи в Киеве, а в 30-ю годовщину Победы над фашизмом впервые собрались и ветераны бывшей 236-й истребительной авиадивизии во главе со своим командиром полковником В. Я. Кудряшовым.

С чувством большой теплоты и сердечности вспоминают ветераны-«витруковцы» о своих боевых товарищах — югославских летчиках, с которыми они в одном боевом строю сражались в небе Югославии.

---

³⁴ Там же, ф. 167-го гв. ШАП, оп. 209393, д. 6, л. 260.

И. Я. МАРШ

ВЛАДЫСЛАВ СПАСОВСКИЙ—ПРОПАГАНДИСТ ЛЕНИНСКИХ ИДЕЙ В ДОВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ

Исследователи, занимавшиеся изучением большого научного наследия выдающегося польского ученого-марксиста Владыслава Спасовского, касались главным образом его педагогических¹, отчасти философских взглядов².

Между тем В. Спасовский был одним из немногих ученых довоенной Польши, который, глубоко изучив труды классиков марксизма-ленинизма, стал их горячим пропагандистом. Эта сторона деятельности Спасовского почти не изучена ни в польской, ни в советской исторической литературе.

Предлагаемая статья посвящается исследованию вопроса о распространении В. Спасовским ленинских идей в трудных условиях террора и преследований, которым подвергались в буржуазно-помещичьей Польше прогрессивно настроенные люди и, прежде всего, коммунисты. В основу разработки темы положен анализ важнейших трудов польского ученого, написанных им в 30-е годы³, воспоминания активных участников революционного движения.

В. Спасовский родился в Витебской губернии в крестьянской семье. Родители воспитывали его в религиозном духе, мечтали, чтобы он стал ксендзом. Владыслав учился в Витебской гимназии, а после ее окончания поступил на физико-математический факультет Варшавского университета, затем продолжал учебу во Львове, Женеве и Берне. Будучи студентом, он познакомился с социалистическим движением, с различными общественно-политическими течениями того времени. Педагогическая деятельность Спасовского началась в бурном 1905 г. в Варшаве. Социалистические идеи, революционные события начала XX в. оказали большое влияние на формирование мировоззрения В. Спасовского. Он переходит в передовой демократический и в конечном итоге в революционный лагерь.

В 1920 г. его назначают директором учительской семинарии. Деятельность В. Спасовского на этом поприще была очень плодотворной. В духе свободомыслия и передовой педагогики он воспитывает большой отряд учителей, которые по всей стране несли прогрессивные демократические

¹ H. Chylińska. Zagadnienia moralne w pismach Władysława Spasowskiego. Moralność i wychowanie. Warszawa, 1959; W. Wojtyński. Myśl pedagogiczna Władysława Spasowskiego na tle analizy pism i działalności. Warszawa, 1962.

² А. С. Клевченя. Мировоззрение Владыслава Спасовского. Минск, 1969.

³ W. Spasowski. Wyzwolenie człowieka w świetle filozofii, socjologii pracy i wychowania ludzkości. Warszawa, 1963; е г о ж е. ZSRR. Rozbudowa nowego ustroju. Warszawa, 1963; е г о ж е. Zasady samokształcenia. Warszawa, 1959 и др.

идеи своего учителя. Последователи Спасовского получили название «спасовяков».

Вместе с профессором Стефаном Руднянским и другими видными учеными довоенной Польши В. Спасовский отстаивал позиции марксизма-ленинизма по основным вопросам общественной жизни. Он стал пропагандистом ленинских идей, вел борьбу с засилием католической церкви в области культуры и просвещения, был большим другом Советского Союза.

Чтобы пойти по этому пути, нужно было глубоко изучить жизнь и революционную деятельность В. И. Ленина, воспринять его идеи и стать борцом за претворение их в жизнь.

В. Спасовский глубоко изучал произведения В. И. Ленина. Он знакомился с ленинскими идеями еще во время первой мировой войны. Об этом пишет Михал Шулькин, видный деятель КПП и друг В. Спасовского: «Вспоминаю, я принес ему какой-то (видимо первый) том избранных произведений Ленина, которые в 1932—1935 гг. появились в левом издательстве „Том“ (на обложке был указан только главный склад „Дом польской книги“). Я принимал участие, правда скромное, в издании первого польского перевода сочинений Ленина и считал своей обязанностью принести первые экземпляры этого издания профессору. Разрезая перочинным ножиком книгу, В. Спасовский внимательно рассматривал ее, говоря: „Это я знаю уже давно, читал в годы войны“⁴.

Особенно много В. Спасовский занимался изучением произведений классиков марксизма-ленинизма после отстранения в 1929 г. от должности директора государственного педагогического (учительской семинарии). В Сеймовой библиотеке он знакомится с материалами о Советском Союзе, имевшимися там некоторыми работами В. И. Ленина. В 1930 г. он выезжает в Париж, где проводит время главным образом в библиотеках, изучая произведения Маркса, Энгельса и Ленина⁵. С огромным интересом В. Спасовский читает гениальный труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», дает ему высокую оценку и отмечает его большую роль в развитии материалистической философии⁶. Восприняв основные положения книги, польский ученый применяет и популяризирует их в своих произведениях.

Из Франции В. Спасовский вернулся вооруженный глубокими знаниями в области марксизма-ленинизма. С восхищением он говорит о высоком философском уровне работ Ленина, которые там «основательно протудировал»⁷.

Таким образом, с конца 20-х годов в условиях углубляющегося экономического кризиса В. Спасовский, разочарованный в буржуазном демократизме, постепенно эволюционирует в сторону марксизма-ленинизма.

Только в одном своем произведении «Освобождение человека в свете философии, социологии труда и воспитания человечества» В. Спасовский 35 раз обращается к В. И. Ленину, главным образом используя такие его работы, как «Материализм и эмпириокритицизм», «Государство и революция», «Социализм и религия», «Что делать?» и некоторые другие, цитирует их или пересказывает. Интересно отметить, что во всех случаях, когда он касается ленинской мысли, мы встречаем такие слова: «Следует осознать слова Ленина...», «Единственно мудрым, ясным, справедливым

⁴ «Wspomnienia o Władysławie Spasowskim» pod redakcją M. Szulkina. Warszawa, 1961, s. 205.

⁵ Ibid., s. 153.

⁶ H. Chylińska. Władysław Spasowski. Działalność i poglądy. Warszawa, 1964, s. 147.

⁷ Ibid., s. 33.

и последовательным является решение проблемы Лениным...», «Следовало бы всегда соблюдать замечательные и глубокие принципы Ленина...», «Ленин подчеркивает...», «Ленин справедливо говорит...»⁸ и т. д.

Одним из важнейших принципов, из которых исходил В. Спасовский в построении своей педагогической системы, был следующий: «Необходимо обучать и воспитывать молодежь на примерах из жизни Маркса и Ленина»⁹.

Изучение трудов В. И. Ленина, восприятие его важнейших идей, знакомство с его революционной деятельностью и той ролью, которую он сыграл как руководитель Советского государства, дали возможность В. Спасовскому, как и многим другим ученым Польши, составить глубокую характеристику вождя революции.

Он писал о В. И. Ленине: «Это цельная и сильная индивидуальность, политик, общественный деятель, оратор и теоретик с огромными и разносторонними способностями, всесторонне и глубоко образованный мыслитель с ясным и логическим мышлением, видящий далеко вперед, гениальный соединяющий революционную теорию с практикой, выносливый, добросовестный, негибкий и самоотверженный характер, с волей, обращенной к одной цели — к освобождению эксплуатируемого и угнетенного трудящегося класса»¹⁰.

Характеризуя Ленина как крупнейшего теоретика и практика, вождя социалистической революции, польский ученый писал о нем как о великом человеке, подлинном гении, идущем собственным путем. Он подчеркивал плодотворные творческие усилия Ленина, формирующее и воспитывающее влияние ленинских идей не только на современников, но и на последующие поколения людей¹¹.

В. Спасовский видел в Ленине великого продолжателя дела основоположников марксизма. В труде «Освобождение человека...» он отмечал «Ленин, глубоко воодушевленный социально-философской теорией Маркса, закаленный в суровой революционной борьбе, государственный деятель с широким духовным горизонтом и трезвым, реалистическим политическим мышлением, ...наделенный небывалой выдержкой, способностью к труду, силой воли, мужеством, самоотверженностью и творческой инициативой, отбросив оппортунистические и кратковременные паллиативные средства, решил уничтожить сам источник позорной, тяжелой и беспросветной жизни, эксплуатации, унижения трудящихся масс в варварском государстве царей. Он — точно так же как и Маркс — ненавидимый и проклинаемый буржуазией человек, опороченный самой подлой клеветой..., в многолетней борьбе организовал сильную революционно-социалистическую партию и, опираясь не только на нее, а прежде всего на растущую революционную сознательность широких масс рабочих и крестьян, победоносно провел — среди бесчисленных и невероятных трудностей — величайшую в истории человечества революцию»¹².

Говоря о ленинском плане построения социалистического общества, В. Спасовский писал: «Всесторонность и мудрость революционных начинаний Ленина поражает воображение. Во всех неисчислимых делах и проблемах как в теоретической, так и в практической областях, он формулировал причины, высказал взгляды, выдвинул лозунги, благодаря которым построение социалистического общества осуществляется с ясной

⁸ W. S p a s o w s k i. Wyzwolenie człowieka..., s. 252, 346, 333, 343, 253, 549 i in.

⁹ Ibid., s. 446.

¹⁰ W. S p a s o w s k i. Zasady samowyszktałenia. Warszawa, 1959, s. 126.

¹¹ W. S p a s o w s k i. Wyzwolenie człowieka..., s. 467.

¹² Ibid., s. 671.

целью, всесторонне и уверенно, планово и последовательно под руководством партии, верной указаниям своего вождя»¹³.

Об отношении польского ученого к Ленину свидетельствуют также воспоминания одного из учеников В. Спасовского — Яна Каневского. «Однажды, — пишет Каневский, — Спасовский провел анкету, касающуюся взглядов его воспитанников. Вспоминаю один вопрос: „Кого ты считаешь самым выдающимся человеком нашего столетия?“ Я ответил: „Ленина“¹⁴. Во время анализа результатов анкеты Спасовский обратил внимание на некоторые высказывания. При этом он привел мой ответ и сказал, что он свидетельствует о четком, последовательном мировоззрении автора».

По мнению В. Спасовского не случайно признали В. И. Ленина такие выдающиеся деятели культуры на Западе, как Р. Роллан, А. Руссель, Б. Шоу и многие другие. Мужественно начав дело радикального переустройства общества, В. И. Ленин развил революционную энергию широких народных масс, воодушевил их на великие творческие дела. «С беспримерной смелостью мысли, — пишет Спасовский, — он выдвинул далекие цели, широкие перспективы и идеалы, осуществление которых стоит самых больших коллективных усилий и жертв, так как здесь речь идет о благе всего человечества, о фундаменте новой, лучшей, более справедливой, всеобщей социалистической цивилизации и культуры»¹⁵.

Польский ученый утверждал, что в отсталой и нищей стране, какой была царская Россия, где кровавый деспотический режим держал в экономическом и духовном рабстве народные массы, Ленин совершил чудо. Он заложил фундамент нового социалистического строя, создал могучую молодежную организацию, глубоко убежденную в торжестве идей социализма, разбудив сотни тысяч людей, которые под влиянием ленинских идей считают общественный труд делом доблести и героизма¹⁶.

Таким образом, заключает В. Спасовский — Ленин на практике претворял в жизнь план, разработанный Марксом¹⁷.

Можно с полным основанием сказать, что труды В. Спасовского, имеют большое значение для характеристики В. И. Ленина как человека, революционера, корифея науки. В своих трудах В. Спасовский не только выступает как выдающийся популяризатор жизни и революционной деятельности Владимира Ильича, но и пропагандирует важнейшие теоретические положения, разработанные Лениным: о диктатуре пролетариата, о сущности государства и его функциях в разных социально-экономических формациях, о партийности науки и литературы, о реакционной сущности религии, о коммунистической морали.

Следует при этом отметить, что ленинские идеи Спасовский рассматривал в сравнительно-историческом плане. Почти по каждому вопросу, поднимаемому польским ученым, будь то о государстве, будь то о нравственности, буржуазным концепциям он противопоставляет марксистско-ленинскую точку зрения, раскрывая при этом научную несостоятельность, тенденциозность, ошибочность взглядов и теорий ученых — прислужников капитализма. Мысли В. И. Ленина давали В. Спасовскому могучее оружие в борьбе против философов-идеалистов, клерикальных ученых, фальсифицировавших историю.

Много внимания он уделяет пропаганде ленинского учения о государстве. Для того, чтобы подчеркнуть концепцию, он останавливается на

¹³ W. S p a s o w s k i. ZSRR. Rozbudowa nowego ustroju. Warszawa, 1963, s. 64.

¹⁴ «Wspomnienia o Władysławie Spasowskim...», s. 185.

¹⁵ W. S p a s o w s k i. Wyzwolenie człowieka..., s. 672.

¹⁶ W. S p a s o w s k i. Ibid., s. 672.

¹⁷ Ibid., s. 673.

проблеме государства в классовом антагонистическом обществе, где «государственная власть с ее законами полностью является организацией господствующего класса»¹⁸. Это касается как монархического, так и республиканского устройства, государства как при рабовладельческом, так и феодальном и капиталистическом строе. Государство — подчеркивает В. Спасовский — это всегда строй, отвечающий интересам господствующего класса: «государство — это мы, утверждали египетские жрецы..., государство — это я, говорил абсолютный монарх Людовик XIV, государство — это мы, говорит ныне всемогущий класс капиталистов»¹⁹.

Специфическими чертами современного буржуазного государства, — по мнению В. Спасовского, — являются: централизованная публичная власть с огромным бюрократическим административным аппаратом, гражданские и уголовные кодексы, составленные в целях защиты интересов господствующего класса, чрезвычайные законы для охраны частной собственности, налоги, тюрьмы и другие карательные учреждения, государственные долги, зависимость от банкиров, банков и биржи, ... распространение культа власти и бессознательной дисциплины в школах, поддержка силы в противовес закону, политическое насилие, угнетение и эксплуатация, голод и нищета масс, ведущие к забастовкам, убийствам, войнам и революционным вспышкам. Здесь В. Спасовский ссылается на книгу В. И. Ленина «Государство и революция», в которой подчеркивается, что буржуазные государства все больше превращаются «в военнокаторжные тюрьмы для рабочих»²⁰. Такими государствами уже в 30-е годы стали Япония, Италия, Германия и другие.

С ленинских позиций В. Спасовский подвергает резкой критике буржуазное государство, при этом он цитирует Ленина: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»²¹.

Автор «Освобождения человека» выделяет ленинскую мысль о том, что «...наемное рабство есть удел народа и в самой демократической буржуазной республике»²², для которого буржуазия создает только видимость власти, разрешая ему идти за собой и санкционировать свои преступления. Таким путем парламентаризм в качестве буржуазной формы правления, используемый первоначально в политической борьбе с королевской властью, ныне сохранился, чтобы обеспечить господство капиталистов над пролетариатом.

Спасовский делает вывод, что при капиталистическом строе не может быть и речи о подлинной демократии, ибо параллельно с формальным и внешним равноправием граждан развивается всегда глубокое, принципиальное экономическое неравенство²³.

Противопоставляя буржуазному государству и буржуазной демократии пролетарское государство и социалистическую демократию, Спасовский приводит слова В. И. Ленина: «...В капиталистическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства. Диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые даст демократию для народа, для большин-

¹⁸ Ibid., s. 240.

¹⁹ Ibid.

²⁰ W. S p a s o w s k i. Wyzwolenie człowieka..., s. 241—242; см. также: В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 33, с. 3.

²¹ W. S p a s o w s k i. Wyzwolenie człowieka..., s. 251; см. также: В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 23, с. 47.

²² W. S p a s o w s k i. Ibid., s. 253; В. И. Л е н и н. Там же, т. 23, с. 4.

²³ W. S p a s o w s k i. Wyzwolenie człowieka..., s. 253.

ства, наряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплуататоров. Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собою»²⁴. Только с победой коммунизма — делает вывод В. Спасовский — возникает человеческое общество, основанное на труде всех своих членов, спаянное духом сотрудничества. В этом обществе не будет больше насилия, пут, несовместимых с естественным прогрессом человека. Возникнет общество, в котором материальные условия жизни будут урегулированы к общему удовлетворению всех, на истине справедливых условиях. Будет открыта полная свобода для расцвета духовной жизни. Это будет свобода не по образцу мещанского либерализма, не в значении „свободы безделья и паразитического потребления“. Тогда исчезнет нравственно уродливый буржуазный эгоизм, являющийся результатом непланового капиталистического хозяйства, основанного на частной собственности на орудия и средства производства. Новый социалистический строй с подлинной демократией даст возможность каждому члену общества проявить активную общественную позицию, причем этот демократический дух будет основываться на самостоятельности и самоконтроле каждого члена общества²⁵.

Нетрудно себе представить, какое колоссальное влияние оказывали книги Спасовского на людей труда в условиях буржуазно-помещичьей Польши, в годы начавшегося в 1929 г. самого большого кризиса перепроизводства, резкого усиления безработицы и классовых противоречий, в обстановке усиливавшейся фашизации, активизации националистических сил и клерикальных элементов. Спасовский не только критиковал буржуазную демократию, раскрыл ее подлинную сущность, но и рисовал ясные перспективы будущего, говорил о новой жизни, основанной на принципах социализма, показывал огромные преимущества социалистического государства и социалистического строя перед капиталистическим.

Неудивительно, что реакционные силы межвоенной Польши враждебно встретили труд Спасовского, начали настоящую травлю автора, требовали физической расправы над ним.

Правящие круги Польши хорошо знали, что концепции В. Спасовского, основанные на учении Ленина, будут играть революционизирующую роль в польском обществе, в котором борьбу за массы вела испытанная в боях Коммунистическая партия Польши и ее составные части — компартия Западной Белоруссии и Западной Украины. Примером для их деятельности В. Спасовский выдвигал Коммунистическую партию Советского Союза, которая строит фундамент социалистического общества, а «Советское правительство проявляет в этом направлении исключительную энергию, постепенно устраняя частный капитализм, буржуазию, частную собственность на средства производства, клерикализм...»²⁶.

Большой заслугой передовых польских ученых и мыслителей межвоенного 20-летия явилась защита СССР от нападков и клеветы буржуазно-помещичьих кругов, различного рода националистических и клерикальных организаций. В разработку этого вопроса Спасовский внес особый вклад.

Он дал очень высокую оценку Великой Октябрьской социалистической революции, положившей «начало реализации всех условий освобождения и рождения нового человека, обеспечивая прежде всего свободу его развития, полную демократизацию социальных институтов для всех

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 90.

²⁵ W. S p a s o w s k i. Wyzwolenie człowieka..., s. 343—344.

²⁶ Ibid., s. 347.

людей труда»²⁷. В своей книге «СССР. Построение нового общества» польский ученый с большой симпатией пишет об успехах в строительстве социализма, о творчестве масс, о формировании новой социалистической культуры в СССР.

В. Спасовский защищает СССР от нападок империалистов, обосновывает тезис, согласно которому Советский Союз вынужден вооружаться. «Но Советы вооружаются для защиты своего социалистического строя перед возможным, а в сущности неизбежным нападением капиталистических государств»²⁸.

Обобщая опыт строительства социализма в СССР, В. Спасовский пропагандировал преимущества социалистической организации общества над капиталистической. Он подчеркивал, что только при социализме наступит подлинное равенство людей. Всякий гражданин будет пользоваться всеми благами общества. Только при социализме будут созданы условия для всестороннего духовного развития, для подлинной свободы. Эти мысли Спасовского особенно созвучны нашему времени, когда фальсификаторы истории и прислужники буржуазии стремятся опорочить социалистический строй, заявляя о якобы отсутствии демократических прав в странах социалистического содружества.

Выступая против буржуазных защитников так называемого «свободного исследования» в классовом обществе, Спасовский горячо пропагандирует важное положение марксистско-ленинской теории о партийности науки и литературы.

Ссылаясь на Ленина, Спасовский определяет мировоззрение идеалистов, как «мировоззрение без мира». Он считает, что нельзя доверять философским концепциям и выводам буржуазных профессоров (Освальд, Мах, Пуанкаре и др.), хотя они нередко создают ценные труды в специальных областях (химии, физики). Дело в том, — поясняет Спасовский, — что философия, политэкономия и другие общественные науки являются партийными науками. Между тем, «профессора, экономисты являются просто напросто учеными лакеями класса капиталистов, а профессора философии — учеными слугами теологов»²⁹. Таким образом, беспартийность в философии означает только достойное презрения, замаскированное лакейство по отношению к идеализму и фидеизму. Здесь Спасовский цитирует «Материализм и эмпириокритицизм», разоблачая объективизм буржуазных ученых³⁰. Спасовский соглашается с Лениным в том, что философский идеализм является пустоцветом, растущим на живом дереве настоящего, могучего и объективного человеческого познания³¹. Он отмечает, что только наивные люди могут не знать (а другие просто не желают знать), что наука, оставаясь в капиталистическом обществе на службе господствующего класса, формирует свое содержание на основе экономической и технической структуры общества и является классовой, ибо отражает интересы класса, или способ его мышления. Что касается пролетариата, то он, по мнению Спасовского, от технического прогресса получает немного пользы, главным образом в виде усовершенствования методов труда и то в значении негативном — в направлении усиления его эксплуатации³².

²⁷ W. S p a s o w s k i. ZSRR. Rozbudowa nowego ustroju..., s. 111.

²⁸ W. S p a s o w s k i. Wyzwolenie człowieka..., s. 268.

²⁹ Ibid s. 147.

³⁰ Ibid; см. также: В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 18, с. 363—364.

³¹ W. S p a s o w s k i. Wyzwolenie człowieka..., s. 149; см. также: В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 29, с. 322.

³² W. S p a s o w s k i. Wyzwolenie człowieka..., s. 278—279.

Современная наука, утверждает Спасовский, накапливает прежде всего опыт буржуазии, трактует факты и явления в буржуазном духе, ведет к практическим усовершенствованиям, полезным буржуазии, внедряет метафизический яд и религиозную фальшь в педагогику и искусство. Вместе с этим, Спасовский не отвергает всего, что создается буржуазной наукой. Он имеет в виду превосходные произведения науки, литературы и искусства, созданные выдающимися талантами и гениями, глубокие, основанные на гуманизме и правильном понимании сущности человеческого общежития, прекрасные творения искусства, которые радуют сердца людей. Однако, утверждает он, необходимо научиться пользоваться накопленным материалом. Необходимо, как это утверждает Ленин, «... уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов»³³.

Выдающиеся представители польской науки межвоенного периода уделяли много внимания борьбе с клерикализмом и религией. Спасовский, Руднянский, Чарновский и другие были убежденными атеистами, понимали реакционную сущность религии и с позиций марксизма-ленинизма вели с ней борьбу. В этом большую помощь оказывали им труды В. И. Ленина по вопросам истории религии и атеизма. Известно, как отошел от клерикализма Г. Дембинский. С. Руднянский во всех своих трудах проводил ярко выраженную ленинскую материалистическую и атеистическую линию, разоблачал католический клир, антинаучную и антинародную сущность идеологии христианства и особенно католицизма, бичевал монашеские ордена, раскрывая их реакционную роль в исторических судьбах польского народа. Однако наиболее ярко ленинская теория научного атеизма нашла отражение в трудах В. Спасовского. Без преувеличения можно сказать, что под влиянием ленинских идей Спасовский стал ярким пропагандистом научного атеизма в Польше вообще и атеистического воспитания молодого поколения, в частности. При разработке проблем атеистического воспитания молодежи он использовал теоретическое наследие Маркса, Энгельса, Ленина, а также Н. К. Крупской, труды которой высоко ценил.

Выдающийся польский педагог и мыслитель опровергал измышления защитников религии о ее извечности, обращал внимание на то, что люди верят в сверхъестественные силы потому, что явления окружающей природы и социальных отношений им не понятны. Спасовский — педагог требовал воспитания свободного человека, умеющего критически оценивать явления окружающей его жизни, а этому мешает религиозное воспитание, парализующее мысль, проводящее идеи покорности и терпения. По его мнению, религиозное воспитание противоречит элементарным понятиям науки. Он считал, что учителя должны делать атеистические выводы из того материала, который излагался на уроках физики, химии, географии, истории, астрономии и других дисциплин, так как данные науки опровергают библейские представления о Вселенной.

Неудивительно, что в журнале польских иезуитов «Шеглэнд повсехный» и в других католических изданиях 30-х годов появились статьи, требовавшие физической расправы с автором книги. Хотя в обстановке разгула реакции и клерикализма в довоенной Польше правящие круги подвергали Спасовского и его единомышленников травле и преследованиям, это не сломило волю Спасовского. Силы он черпал в сознании правоты своего дела, в поддержке передовых людей.

³³ Ibid., s. 279; см. также: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 364.

Передовые польские педагоги межвоенного времени — В. Спасовский, Я. Корчак, С. Руднянский и другие много внимания уделяли воспитанию молодого поколения, желая видеть его здоровым и счастливым. Спасовский считал, что воспитание должно строиться на примерах из жизни Дарвина, Микельанджело, Леонардо да Винчи, Коперника, Гете, Маркса и Ленина, для которых открытие истины, выработка нового взгляда на жизнь и мир, осуществление социального переворота всегда было связано с тщательной подготовкой, многолетними и интенсивными размышлениями³⁴.

Спасовский отдал много лет своей жизни совершенствованию учебно-воспитательного процесса в школах. Он хотел создать такую школу, которая способствовала бы всестороннему развитию личности школьника. Ссылаясь на Ленина и Крупскую, польский ученый считал, что речь должна идти о воспитании личности активной, подготовленной к трудовой деятельности. Труд этот должен пробуждать интерес. Только тогда он утратит свой принудительный характер³⁵.

Одновременно Спасовский подвергает резкой критике буржуазную общеобразовательную среднюю школу, которая воспитывает слепых защитников капитализма, одурманивает сознание молодых людей. Вместо того, чтобы сеять зерна великих идей, воспитывать целеустремленность, будить светлые мечты, вместо того чтобы использовать знания как орудие для воспитания способностей, развития интеллекта учащихся, реакционная буржуазная педагогическая система навязывает отсталые и неверные взгляды, которые составляют основы школьных программ³⁶.

В тесной связи с проблемами педагогики Спасовский ставит вопросы нравственности. Здесь ему на помощь приходит опять В. И. Ленин и его замечательная речь на III съезде комсомола «О задачах Союзов молодежи», на которую Спасовский делает ссылки.

Прежде всего Спасовский резко выступает против религии и пропагандируемой ею морали. Коммунистическая мораль, по его мнению, ничего общего с религией не имеет. Она опирается прежде всего на понятие солидарности всех людей труда, на понятие необходимости борьбы за уничтожение строя, ведущего к деморализации, лицемерию, эксплуатации и обману, на понятие равенства людей и достоинства в качестве норм поведения, необходимых для победы нового, лучшего и справедливого общественного строя и новой культуры. Так именно, — говорит Спасовский, — понимал мораль В. И. Ленин, утверждая, что «...нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидającego новое общество коммунистов»³⁷.

Передовые польские ученые внимательно изучали ленинские положения о культуре. Они считали, что буржуазная культура является насквозь лживой, националистической и клерикальной. Они верили, что когда рухнет капиталистический строй, тогда, как и предсказывал Ленин, возникнет подлинная демократия, всемирная, социалистическая и коммунистическая культура, элементы которой уже в то время обнаруживались в промышленности, торговле, а также в науке, философии, литературе и искусстве. Только тогда во всех объеме сможет развиваться свободная и независимая культура. Используя мысль Ленина, Спасовский повторяет, что культуру предшествующих эпох не следует уничтожать. На-

³⁴ W. S p a s o w s k i. Wyzwolenie człowieka ..., s. 446.

³⁵ Ibid., s. 546—547.

³⁶ Ibid., s. 549.

³⁷ W. S p a s o w s k i. Ibid., s. 382; см. также: В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 41, с. 311.

оборот, культурное наследие прошлого необходимо использовать умело и целенаправленно в соответствии с требованием диалектического материализма о преемственности культур. При этом помимо социальной и политической революции нужна будет и культурная революция, чтобы воспитать широкие народные массы, сформировать у них новые понятия, привить новые обычаи и таким образом повести их к социализму с его новой культурой.

Мы не случайно подробно остановились на анализе творчества В. Спасовского, так как в его трудах очень ярко и рельефно отражено влияние ленинского теоретического наследия на интеллигенцию Польши межвоенного периода и значение этого влияния на пропаганду ленинских трудов и идей.

Навакуне войны В. Спасовский вступает в антифашистский комитет и после оккупации Польши гитлеровской Германией он становится одним из первых членов конспиративной группы «Общества друзей СССР». В самые тяжелые минуты своей жизни выдающийся мыслитель не терял надежды на избавление европейских народов от фашистского ига, верил в освободительную миссию СССР.

Владислав Спасовский умер 5 июля 1941 г. Накануне смерти в письме к одному из своих товарищей он писал: «Государство рабочих... окончательно разгромит орды убийц и освободит все человечество от фашистской нечисти»³⁸. Эти слова В. Спасовского оказались пророческими. Советская Армия разгромила германский фашизм и рука об руку с частями Войска Польского изгнала иноземных захватчиков с многострадальной польской земли. При активной помощи народов Советского Союза и других стран социалистического содружества трудящиеся Польской Народной Республики своим героическим трудом строят новую жизнь на социалистических началах.

³⁸ S. Skrzyszewski. Posłowie. Władysław Spasowski, Wyzwolenie człowieka w świetle filozofii, socjologii pracy i wychowania ludzkości. Warszawa, 1963, s. 695.

Е. ВАЛЕВА

БОРЬБА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ ЕВРОПЫ В ЗАЩИТУ БОЛГАРСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ-ПОЛИТЭМИГРАНТОВ (1925—1929)

Со времени военно-фашистского переворота 9 июня 1923 г. трудящиеся массы Болгарии во главе с коммунистической партией не прекращали упорной борьбы за восстановление демократических прав и свобод. Своего апогея эта борьба достигла в дни героического Сентябрьского восстания 1923 г., которое было жестоко подавлено силами реакции. Фашистский террор еще больше усилился после взрыва в софийском соборе «Святая Неделя» в апреле 1925 г., использованного правительством в качестве предлога для перехода к массовым репрессиям против коммунистов и других антифашистов. Компартия и левое крыло Болгарского земледельческого народного союза понесли тяжелые потери. Однако уже вскоре БКП оправилась от удара и вновь возглавила борьбу трудящихся против ненавистного режима военно-фашистской диктатуры.

Героическая борьба рабочих и крестьян Болгарии против наступления фашизма и реакции в 20-е годы нашла всестороннюю поддержку трудящихся многих стран мира. Развернулось широкое международное движение в защиту жертв фашистского террора в Болгарии, в котором участвовали коммунисты, социал-демократы, беспартийные рабочие, представители либерально настроенной буржуазии.

Задачей данной статьи является освещение одного из малоизученных аспектов международного движения солидарности с антифашистской борьбой болгарского народа — поддержки болгарских политэмигрантов трудящимися стран Европы¹.

Свирепствовавший в Болгарии террор вынуждал многих антифашистов, прежде всего тех, кому грозила смертная казнь или длительное тюремное заключение, искать спасения за границей. «Революционная борьба, — писал В. И. Ленин, — часто бывает невозможна без эмиграции революционеров»². Они переходили границы соседних с Болгарией государств — Югославии, Греции, Турции, Румынии. Правительства этих стран (за

¹ Вопросы, связанные с пребыванием болгарских политэмигрантов в СССР, не являются в статье предметом специального исследования, так как они довольно полно разработаны в трудах советских историков. См., например, Л. П. Решетников. Дейността на МОПР в СССР за подпомагане на българските политически емигранти (1923—1940). «Исторически преглед», 1972, кн. 6; М. Д. Дихан. Болгари — политэмигранти у социалистичному будівництві на Україні в 1924—1929 рр. Київ, 1973; В. В. Паленко. Солидарность трудящихся Украинской ССР с революционной борьбой рабочих и крестьян Болгарии 1923—1934 гг. Киев, 1977 и др.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 270.

исключением югославского) относились к эмигрантам враждебно. Так, румынское правительство приняло в 1925 г. решение о выдаче болгарской полиции всех коммунистов и членов БЗНС, переходивших границу Румынии³. В связи с этим большинство политэмигрантов стремилось перебраться из границащих с Болгарией государств в Советский Союз или в те западноевропейские страны, где существовали некоторые буржуазно-демократические свободы и можно было на время укрыться от преследований, — в Германию, Австрию, Чехословакию, Францию, Бельгию, Швейцарию.

В отличие от революционеров, эмигрировавших в СССР и нашедших там свою вторую родину⁴, эмигранты в капиталистических странах не могли чувствовать себя в полной безопасности. Помимо трудностей, связанных с устройством на работу и с жильем, над ними постоянно висела угроза высылки и передачи в руки болгарской полиции. До первой мировой войны традиционное право политического убежища, зафиксированное в ряде постановлений и актов международного характера, обычно соблюдалось буржуазными правительствами. В годы послевоенного революционного подъема и в дальнейшем это право стало все чаще нарушаться как в странах с реакционными режимами, так и в буржуазно-демократических государствах. Власти преследовали политэмигрантов, выдавали полиции их страны. В качестве предлогов для нарушения права убежища использовались отсутствие документов (что было вполне естественным для революционера, нелегально покинувшего свою страну), участие в политической жизни, отсутствие работы (некоторые правительства разрешали эмигрантам пребывание в своей стране лишь в том случае, если они работали). Найти же работу иностранцам, часто с подорванным в тюрьме здоровьем, было не так просто.

В этих условиях поистине неоценимой была поддержка, которую оказывал политэмигрантам международный пролетариат. Борьба за право убежища для политэмигрантов, оказание им моральной, материальной и юридической помощи являлись важной задачей компартий и национальных секций МОПР, особенно в тех странах, куда направлялся основной поток политэмигрантов. Вопросы, связанные с работой среди политэмигрантов, неоднократно обсуждались в Исполкоме Коминтерна и Исполкоме МОПР. По решению I международной конференции МОПР (1924) при ИК МОПР был создан Комитет по делам политэмигрантов, в задачи которого входили легитимация беженцев, назначение им мест пребывания, устройство на работу и т. д.⁵ Специальные отделы помощи политэмигрантам были созданы в мопровских организациях Германии, Австрии и некоторых других стран. II международная конференция МОПР (1927) обязала все секции всемерно поддерживать революционеров-эмигрантов, вести борьбу за законодательное закрепление и обеспечение права убежища, вовлекая в эту борьбу все демократические силы⁶. Проходивший в 1928 г. VI конгресс Коммунистического Интернационала также призвал МОПР обратить особое внимание на борьбу за право убежища для антифашистов⁷. Резолюции с требованием соблюде-

³ «Известия», 1925, 26 апреля.

⁴ Болгарским антифашистам, эмигрировавшим в Советский Союз, непосредственную поддержку оказывал МОПР СССР. Они получали жилье, работу; нетрудоспособные и больные — пособия и медицинскую помощь.

⁵ Л. Г. Б а б и ч е н к о, Р. А. Е р м о л а е в а, М. Н. С м о л и н а. Из истории Международной организации помощи борцам революции. «Новая и новейшая история», 1972, № 6, с. 74.

⁶ «Вторая международная конференция МОПР», М., 1927, с. 59.

⁷ Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932». М., 1933, с. 873.

ния буржуазными правительствами права убежища были приняты на Международном антифашистском конгрессе (1929) и на Международной юридической конференции (1929)⁸. Из сказанного видно, что задачи помощи и защиты революционной эмиграции, в которой в рассматриваемый период значительный процент составляли болгарские политэмигранты, постоянно находились в центре внимания международного пролетариата и всех демократических сил.

В результате двух волн массовой эмиграции из Болгарии — после подавления Сентябрьского восстания 1923 г. и после апрельских событий 1925 г. — за пределами страны оказалось около трех тысяч антифашистов⁹. Численность болгарских политэмигрантов в различных странах установить весьма трудно ввиду того, что на протяжении рассматриваемого периода она постоянно менялась¹⁰. В связи с изменениями политической обстановки в Европе эмигранты были вынуждены переезжать из одной страны в другую. Соответственно, то одна, то другая страна играла роль важнейшего центра сосредоточения болгарской политэмиграции.

В середине двадцатых годов таким центром была Югославия. Концентрации болгарских эмигрантов в Югославии способствовали два обстоятельства: близость границы и позиция югославского правительства, которое крайне враждебно встретило известие о свержении правительства А. Стамболийского, много сделавшего для улучшения болгаро-югославских отношений. Военно-фашистский переворот 9 июня 1923 г. был расценен великосербской буржуазией как победа рваншистских сил в Болгарии, как угроза Нейсскому договору, послевоенному status quo. Югославское правительство опасалось возобновления споров из-за Вардарской Македонии и использования болгарскими властями в своих целях македонского национально-освободительного движения. Поэтому правящие круги Югославии стремились поддержать любую силу, готовую бороться за свержение нового болгарского правительства и за восстановление режима БЗНС. Югославия оказала радушный прием эмигрировавшим после июньского переворота 1923 г. членам БЗНС. После поражения Сентябрьского восстания югославское правительство позволило остаться в своей стране его участникам, перешедшим границу, хотя в дни восстания отношение правительства Пашича к событиям в Болгарии изменилось. На территории страны было образовано три крупных эмигрантских лагеря — в городах Ниш, Пожаревац и Горни Милановац. После апрельских событий 1925 г. к югославской границе устремился новый поток эмигрантов.

По данным МОПР, в конце 1925 — начале 1926 г. в Югославии находилось 839 болгарских эмигрантов, в числе которых было 549 коммунистов и комсомольцев, 170 членов БЗНС, 40 анархистов. Около 250 человек являлись безработными или нетрудоспособными¹¹. Компартия Югославии

⁸ Централен партиен архив при ЦК на БКП (дальше — ЦПА при ЦК на БКП), ф. 3, оп. 5, д. 46, л. 15; А. И. А в р у с. МОПР в борьбе против террора и фашизма 1922—1939. Саратов, 1976, с. 125.

⁹ «МОПР», 1926, № 3, с. 19—20.

¹⁰ В газете «Новини» приводились данные о числе болгарских политэмигрантов в Европе в 1928 г.: из общего числа 1800 человек в Югославии находилось около 800, в Австрии — 250, во Франции — 370, в Чехословакии — 41, в Германии — 25, в Швейцарии — 35, в Турции и Греции — 150, в СССР — 130 («Новини», 12 II 1928). С этими данными, однако, нельзя согласиться. В ряде более достоверных источников приводятся другие цифры о числе болгарских политэмигрантов в Югославии в 1928 г.: в начале года — 325 человек (ЦПА при ЦК на БКП, ф. 3, оп. 5, д. 37, л. 25), осенью — 248 человек (там же, д. 36, л. 60). Число болгарских эмигрантов в СССР было, наоборот, значительно большим — свыше 1200 человек (ЦГАОР СССР, ф. 8265, оп. 1, д. 16, л. 45). Однако и эти данные являются лишь приблизительными.

¹¹ «МОПР», 1926, № 3, с. 39—40.

и югославская секция МОПР оказывали болгарским политэмигрантам моральную и материальную поддержку, помогали устраиваться на работу. Однако эта помощь была довольно ограниченной, поскольку КПЮ и секция МОПР действовали в условиях глубокого подполья. Основная часть средств для поддержки болгарской политэмиграции в Югославии поступала из Исполкома МОПР. В 1925 г. субсидии ИК МОПР болгарским эмигрантам в Югославии составляли от 3250 до 3700 долларов в месяц¹².

Важно отметить, что материальная помощь оказывалась всем болгарским антифашистам, пострадавшим от репрессий, независимо от их партийной принадлежности. Г. Димитров, лично контролировавший распределение болгарским Заграничным комитетом помощи в Вене полученных от Исполкома МОПР средств, неоднократно подчеркивал, что оказание поддержки не только коммунистам, но и членам БЗНС и другим антифашистам имеет большое значение для расширения единого фронта¹³.

Так как со временем части политэмигрантов удалось устроиться на работу, ИК МОПР стал выделять средства лишь на содержание больных и безработных — 1000—1500 долларов в месяц¹⁴.

Тем не менее положение болгарских политэмигрантов в Югославии было очень тяжелым в связи с царившей в стране безработицей, а также ухудшением отношения к ним со стороны югославского правительства. Все чаще раздавались обвинения в адрес болгарских коммунистов в подготовке революции на Балканах. Наиболее видных революционеров арестовывали, увольняли с работы. Опасаясь вооруженных выступлений болгар с территории Югославии, которые могли бы повлечь за собой серьезные осложнения с болгарским правительством, югославские власти переселили их из прежних эмигрантских центров подальше от болгаро-югославской границы, в Воеводину. В небольших воеводинских городах (Суботица, Велики Бечкерек, Выршец, Инджия, Велика Кикинда, Нови Бечей) возникли новые лагеря болгарских политэмигрантов¹⁵. Устроиться на работу там было еще труднее.

Если в 1923—1925 гг. концентрация политэмигрантов в Югославии имела смысл с учетом планов БКП на новое вооруженное восстание, то после снятия Московским совещанием БКП курса на новое восстание она не могла больше себя оправдать. Необходимо было вновь сделать революционную эмиграцию полезной для антифашистского движения. В европейских капиталистических странах с относительно демократическим режимом она могла бы участвовать в политической жизни, вести разъяснительную и агитационно-пропагандистскую работу в целях расширения международного движения протеста против фашистского террора в Болгарии. В Советском Союзе болгарские эмигранты имели бы возможность повышать свое образование в высших учебных заведениях.

Учитывая это, ЦК БКП принял весной 1926 г. решение о перемещении части политэмигрантов из Югославии в другие страны и обратился в Исполком МОПР с просьбой о содействии¹⁶. Просьба была удовлетворена. Часть политэмигрантов получила разрешение приехать в Советский Союз. В эту группу вошли больные и старики, молодые революцио-

¹² ЦПА при ЦК на БКП, микрофильм 109, кадр 55.

¹³ «МОПР», 1926, № 4, с. 5; Д. Шарланов. Помощното движение в България. София, 1971, с. 69.

¹⁴ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 162, оп. 2, д. 7, л. 1.

¹⁵ И. Крекманов. Записки на политэмигранта. София, 1962, с. 107; З. Мичева. Българската революционна емиграция в Югославия (септември 1923 — декември 1925). «Векове», кн. 5. София, 1973, с. 36.

¹⁶ Перемещение отдельных групп болгарских политэмигрантов из Югославии в СССР и некоторые другие страны происходило и в предшествующие годы. (Д. Шарланов. Там же, с. 36, 70.)

неры, изъявившие желание учиться в советских вузах, а также те, для кого пребывание в любой капиталистической стране было небезопасным в связи с занимаемым положением в партии. Остальные политэмигранты составили две группы — амнистированные и неамнистированные. Первые должны были вернуться в Болгарию с тем, чтобы снова занять свое место в рядах борцов. Неамнистированным предстояло переселиться в Францию, Австрию и некоторые другие капиталистические страны, где имелась возможность получить работу и где они могли быть использованы партией в соответствии с ее нуждами. На расходы по перемещению политэмигрантов из Югославии в другие страны ИК МОПР выделил 4000 долларов, а на переезд амнистированных эмигрантов в Болгарию — 1000 долларов¹⁷. Таким образом, в конце 1926 г. в Югославии осталось около 350 болгарских антифашистов¹⁸. Исполком МОПР продолжал оказывать им материальную поддержку, поскольку большинство эмигрантов не имело работы.

В последующие годы линия БКП на сокращение числа болгарских политэмигрантов в Югославии продолжалась. В сентябре 1928 г. Г. Димитров обратился от имени ЦК БКП в ИК МОПР с письмом, в котором сообщал о необходимости скорейшего выезда из Югославии оставшихся там эмигрантов в связи с принятием Англией и Францией курса на примирение между Софией и Белградом. Одним из условий этого примирения, писал Димитров, несомненно будет выдача болгарских политэмигрантов софийскому правительству¹⁹. Благодаря предоставленным Исполкомом МОПР субсидиям на транспортные расходы значительное число эмигрантов получило вскоре возможность выехать из Югославии. После военно-монархического переворота 6 января 1929 г. в Югославии положение болгарских политэмигрантов резко ухудшилось, поэтому в середине 1929 г. большинство из них было переправлено в Германию, Францию и другие страны²⁰. В Югославии осталось лишь несколько десятков эмигрантов.

Значительная часть болгарских политэмигрантов в середине двадцатых годов сосредоточилась в Австрии. Благодаря своему географическому положению (соседство со странами с реакционными режимами — Венгрией, Италией, относительная близость к Болгарии и Румынии), Австрия являлась одной из тех стран, куда в первую очередь устремлялись политэмигранты (главным образом венгры, болгары и румыны). Поэтому перед компартией Австрии и австрийской Красной помощью²¹ в качестве одной из важнейших стояла задача оказания им моральной и материальной помощи.

На материальную поддержку эмигрантов Красная помощь Австрии расходовала до 70% всех своих средств²². В 1928 г. материальная помощь была оказана 76 болгарским политэмигрантам²³. Многие из них были устроены на работу. Моральная помощь КПА, Красной помощи и всех прогрессивных сил страны выражалась в содействии деятельности болгарских эмигрантов по разоблачению фашистского террора в Болгарии (участие в митингах, сборах подписей под воззваниями протеста, предоставление левыми газетами своих страниц для публикации протестов и т. д.) и в борьбе за право убежища.

¹⁷ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 146, оп. 2, д. 1574, л. 5.

¹⁸ Там же, ф. 162, оп. 2, д. 7, л. 8.

¹⁹ Там же, ф. 3, оп. 5, д. 36, л. 60—61.

²⁰ Там же, оп. 4, д. 257, л. 56—57.

²¹ Так чаще называли МОПР за рубежом.

²² А. И. А в р у с. Там же, с. 125—126.

²³ «Бюллетень ЦК МОПР СССР», 1929, № 13, с. 17.

Борьба против выдачи и высылки политэмигрантов постоянно находилась в центре внимания Красной помощи Австрии в связи с тем, что австрийская полиция систематически нарушала право убежища. Стремясь выдать революционеров-эмигрантов правительству их страны, австрийские власти нередко объявляли их уголовными преступниками. Красная помощь делала все возможное для того, чтобы добиться у австрийских властей признания иностранных революционеров политэмигрантами. С этой целью она постоянно оказывала эмигрантам юридическую помощь. По поручению Красной помощи видные прогрессивные юристы (О. Рихтер, Б. Шенфельд, В. Розенфельд и др.) брали на себя защиту болгарских коммунистов.

С 1 января по 1 февраля 1927 г. в Вене по инициативе Красной помощи проводилась кампания по сбору подписей за принятие специального закона о праве политического убежища. К началу февраля было собрано более 20 000 подписей²⁴.

Блестящего успеха добились прогрессивные силы Австрии и всего мира в борьбе против выдачи болгарскому правительству члена ЦК БКП Николы Кофарджиева²⁵. Н. Кофарджиев, направлявшийся в Москву на V конгресс КИМ, был задержан 20 июля 1928 г. на австрийской границе из-за поддельного удостоверения личности. Во время допроса арестованный назвал себя эмигрантом Иваном Костовым. За подделку паспорта он был приговорен к месяцу тюрьмы и высылке из Австрии. Однако болгарское правительство, узнав об аресте Кофарджиева в Вене, потребовало его выдачи. Опасаясь, что нарушение права убежища вызовет негодование мировой общественности, австрийская полиция решила выдать Кофарджиева Болгарии через венгерское фашистское правительство Хорти. С этой целью была сочинена криминальная история о разыскиваемом венгерской полицией садовнике Иване Костове, совершившем в 1921 г. убийство в Венгрии. В этой ситуации Кофарджиев решает назвать свое настоящее имя. Как политэмигрант он, согласно международному праву, должен быть освобожден, в крайнем случае он может быть выслан за пределы Австрии. Но венский суд устанавливает с помощью лжесвидетелей «идентичность» Кофарджиева и Костова и принимает решение о его выдаче венгерским властям. Над болгарским коммунистом нависла смертельная опасность.

Однако благодаря мощному движению протеста, развернувшемуся во всем мире, планы реакции были сорваны. КПА и австрийская Красная помощь привлекли адвокатов О. Рихтера и Б. Шенфельда к защите Н. Кофарджиева во время судебного процесса²⁶. По поручению Г. Димитрова О. Рихтер поехал в Болгарию, где собрал нужные документы, удостоверившие личность Кофарджиева, которые представил венскому суду²⁷. Австрийской полиции пришлось освободить болгарского политэмигранта. Случай с Н. Кофарджиевым еще раз подтвердил, что единственным надежным средством в борьбе против объединенных действий международной реакции является интернациональная солидарность трудящихся.

²⁴ «Kerker und Flüchtling», 1927, № 2, S. 2.

²⁵ Никола Георгиев Кофарджиев (1904—1931) — видный деятель БКП и БКСМ. В 1925 г. эмигрировал в Югославию, а оттуда — в СССР. В 1926 г. нелегально возвращается в Болгарию, избирается членом ЦК БКП и секретарем ЦК БКСМ. С 1928 по 1930 гг. работает в Исполкоме КИМ. С конца 1930 г. — секретарь ЦК БКП. Погиб в перестрелке с полицией в Софии.

²⁶ «Rote Hilfe — Pressedienst», 1928, № 127, S. 4; «Der Rote Helfer», 1928, № 11, S. 3.

²⁷ Г. Йорданов, П. Петров. Никола Кофарджиев. (Биографичен очерк.) София, 1962, с. 94—95.

Подобные кампании были организованы и в защиту других болгарских политэмигрантов, которым угрожала выдача фашистскому правительству Болгарии. Тем не менее, положение революционных эмигрантов в Австрии не было надежным. Подавление в июле 1927 г. антифашистского вооруженного выступления австрийского пролетариата явилось началом наступления реакции и усиления фашизма в Австрии²⁸. В этих условиях австрийским коммунистам, против которых в первую очередь были направлены репрессии правительства, было все труднее бороться за право убежища для иностранных революционеров. В конце двадцатых годов значительное число болгарских политэмигрантов покидает Австрию и переселяется в Советский Союз, а также во Францию, Бельгию, Швейцарию.

Многие болгарские антифашисты эмигрировали в 1925—1929 гг. в Германию. Отдел помощи политэмигрантам при ЦК Красной помощи Германии занимался размещением их на квартирах, помогал получить разрешение на жительство, устроиться на работу. Нуждавшиеся эмигранты получали еженедельное денежное пособие, одежду, обувь²⁹.

Германская компартия и Красная помощь всемерно поддерживали деятельность болгарских революционеров-эмигрантов по разоблачению фашистского правительства Болгарии. Большое содействие в этом оказывал им орган КПГ «Роте Фане». Коммунист Д. Илиев, привлеченный редакцией газеты в качестве помощника заведующего внешнеполитическим отделом, систематически информировал и консультировал сотрудников редакции по вопросам политического и экономического положения в Болгарии³⁰. Прогрессивная германская интеллигенция также оказывала моральную поддержку болгарским эмигрантам. Большую помощь, в частности, оказала им Германская лига защиты прав человека и гражданина (левобуржуазная пацифистская организация) при организации в 1929 г. в Берлине антифашистской выставки «Кровавый поток в Болгарии»³¹. Выставка, на которой были представлены документальные материалы, статистические данные, фотографии, картины, обличавшие фашистский режим в Болгарии, способствовала вовлечению более широких кругов мировой общественности в движение солидарности с болгарскими антифашистами. Вместе с КПГ и Красной помощью демократическая интеллигенция Германии чутко реагировала на каждый случай преследования эмигрантов, решительно защищала право политического убежища.

В связи с усилением в конце двадцатых годов фашистских тенденций в Германии, эта страна, как и Австрия, постепенно перестает быть центром болгарской политэмиграции. Все большее число болгарских антифашистов стремится выехать оттуда в Советский Союз или в капиталистические страны с более демократичным режимом, в первую очередь во Францию. Во Францию же переезжает значительная часть болгарской эмиграции из Югославии. Помимо относительно демократичного режима их привлекает возможность устройства там на работу (в южных районах страны испытывалась нужда в сельскохозяйственных рабочих, и французское правительство согласилось предоставить убежище и работу болгарским эмигрантам)³².

Во второй половине двадцатых годов Париж являлся одним из центров борьбы против фашизма и реакции во всем мире. В столице Франции развернули активную деятельность Комитет защиты жертв белого террора в Болгарии и на Балканах и Международный антифашистский комитет.

²⁸ В. М. Турок. Очерки истории Австрии. 1918—1929. М., 1955, с. 438.

²⁹ ЦПА при ЦК на БКП. Спомени на Д. Илиев, л. 35.

³⁰ Там же, л. 37.

³¹ Централен държавен исторически архив, ф. 316, оп. 1, д. 68, л. 1—6.

³² «МОПР», 1926, № 3, с. 41.

Комитет защиты жертв белого террора в Болгарии и на Балканах возник в октябре 1925 г. в Париже по инициативе группы французских коммунистов. Возглавленный выдающимся писателем-гуманистом А. Барбюсом, комитет вскоре объединил вокруг себя широкую демократическую общественность страны. Комитет действовал в тесном контакте с компартией, Красной помощью, поддерживал связь с Исполкомом МОПР и пользовался его всесторонней поддержкой, в том числе и материальной³³. Международный антифашистский комитет возник в конце 1926 г. в Париже. Решающая роль в его создании принадлежала Р. Роллану и А. Барбюсу. Со временем в комитет вошли видные представители демократической интеллигенции разных стран: Ж. Лонге, Ж.-Р. Блок, Л. Верноше, А. Эйнштейн, Г. Манн, К. Кольвитц, Г. Лансбери, С. Цвейг, Э. Синклер и др. Комитет издавал еженедельный информационный бюллетень, выступал с протестами против актов произвола и репрессий в странах с реакционными режимами³⁴. Вместе с Французской коммунистической партией и секцией Красной помощи эти организации оказывали болгарским политэмигрантам постоянную поддержку. Во Франции, где подавляющее большинство болгар получило работу, основной стала моральная поддержка, выражавшаяся, главным образом, в содействии деятельности эмигрантов по активизации движения в защиту жертв фашистского террора в Болгарии. Французские коммунисты, активисты МОПР, члены Комитета защиты жертв белого террора неоднократно принимали участие в собраниях болгарских политэмигрантов. С другой стороны, эмигранты нередко выступали на митингах, организованных французскими демократическими организациями в знак протеста против фашистских репрессий в Болгарии³⁵. Болгарские коммунисты-эмигранты поддерживали регулярную связь с ЦК ФКП, с редакцией «Юманите» и французской секцией Красной помощи³⁶. «Юманите» не раз предоставляла свои страницы для публикации заявлений и воззваний болгарских эмигрантов.

В то же время ФКП и Красная помощь Франции вовлекали болгарских политэмигрантов в движение против террора в других балканских странах, в Италии и Польше, в движение солидарности с бастующими английскими горняками, в кампанию протеста против судебного процесса над Н. Сакко и Б. Ванцетти, в революционную борьбу французского пролетариата³⁷. Это имело немаловажное значение для поддержания боевого духа эмигрантов, а также для укрепления в них чувства интернационализма.

В рассматриваемый период немалое число болгарских антифашистов находилось в Чехословакии. Эта славянская страна с богатой культурой всегда привлекала болгар, стремившихся получить образование. В 1920 г. в Праге и Брно по указанию ЦК БКП были организованы болгарские коммунистические студенческие группы. Многие молодые болгарские коммунисты, эмигрировавшие в Чехословакию в 1923—1925 гг., также вошли в состав этих групп. Болгарские студенты-коммунисты находились в постоянном контакте с ЦК КПЧ. По воспоминаниям болгарской коммуни-

³³ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 146, оп. 2, д. 1574, л. 5. Подробно о деятельности Комитета см. Е. Л. В а л е в а. Комитети за защита на българските антифашисти в Западна Европа (1925—1929). «Исторически преглед», 1978, № 1, с. 45—55.

³⁴ ЦГАОР СССР, ф. 8265, оп. I, д. 15, л. 58; «Bulletin d'information du Comité de défense des victimes du fascisme», 1928, № 3, р. 1.

³⁵ «Коммунистическо знаме», 1926, кн. 13—14, с. 40; «La fédération balkanique», 1926, № 37, р. 541; № 39, р. 582; «L'Humanité», 1 III 1927.

³⁶ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 3, оп. 4, д. 82, л. 35; Спомени на И. Андреев, л. 8—10.

³⁷ Тр. А н г е л о в а. Из дейността на българите-политемигранти и студенти във Франция, Белгия и Швейцария. (1925—1933). «Известия на Института по история на БКП», т. 33, 1976, с. 53.

стки М. Генчевой, учившейся в то время в Праге, не было митинга или собрания, в котором бы они не принимали участия ³⁸.

В Чехословакии неоднократно бывал Г. Димитров. С октября 1927 г. по апрель 1928 г. (с перерывами) он жил в г. Бржеславе (Южная Моравия). Чешские коммунисты укрывали Димитрова от полиции, помогали в его работе — печатали воззвания в местной типографии, а затем переправляли их в Болгарию ³⁹.

В двадцатые годы в Чехословакии была сосредоточена значительная часть болгарской «земледельческой» эмиграции, прежде всего потому, что в Праге находилось Заграничное бюро БЗНС. В столице Чехословакии работало также Международное аграрное бюро. Большим политическим влиянием в стране пользовалась аграрная партия. Поэтому члены БЗНС не без основания полагали, что найдут в Чехословакии дружеский прием и поддержку. Международное аграрное бюро и чешская аграрная партия действительно оказывали болгарским эмигрантам финансовую и моральную помощь ⁴⁰. Характерно, что в отличие от Красной помощи, помогавшей всем антифашистам независимо от их политических убеждений, вышеуказанные организации поддерживали только членов БЗНС.

Международный пролетариат проявлял особую заботу о детях жертв фашистского террора. По сведениям болгарской секции МОПР, в начале 1926 г. в Болгарии насчитывалось свыше 105 тысяч детей казенных и заключенных революционеров ⁴¹. Положение детей-сирот было крайне тяжелым, поскольку правительство запрещало населению оказывать им помощь. Имелись случаи смерти детей от голода. Иногда детей держали в тюрьмах вместе с арестованными матерями, подвергали пыткам с тем, чтобы вырвать признания у их родителей.

По инициативе Коммунистического Интернационала молодежи и Международной организации помощи борцам революции в начале 1926 г. была проведена кампания помощи детям антифашистов Болгарии. Основными ее лозунгами были: освобождение заключенных отцов и матерей, государственная помощь детям погибших революционеров, свобода оказания помощи детям жертв террора, разрешение выезда из Болгарии и устройства сирот и детей политзаключенных в детских домах за границей ⁴². В международной коммунистической и мопровской прессе, а также в органах компартий и организаций Красной помощи многих стран были опубликованы статьи, статистические данные и другие материалы о преследованиях детей революционеров в Болгарии.

Характерно, что в кампанию были вовлечены не только трудящиеся разных стран, но и их дети. Исполком КИМ и Международное детское бюро при ИК КИМ обратились к детям рабочих всего мира с призывом принять участие в собраниях протеста против тяжелого положения детей болгарских антифашистов, требовать разрешения оказать им помощь и амнистии их родителям ⁴³. Детские коммунистические группы многих стран живо откликнулись на призыв КИМ. Детский митинг протеста состоялся 18 марта 1926 г. в Париже. Он был организован французской секцией МОПР и Союзом рабочих и крестьянских детей во Франции. На ми-

³⁸ М. Генчева. Эмигранты в Чехословакия. В сб. В борба на братска земя. (Спомени на български комунисти и антифашисти в Чехословакия.) София, 1976, с. 23—24.

³⁹ Зд. Бетик. Георги Димитров в Южна Моравия. В сб. В борба на братска земя, с. 32—33.

⁴⁰ J. K o l á g. Bulharská zemedelská emigrace v Československu v letech 1923—1926. «Slovansky prehled», 1974, № 3, s. 219.

⁴¹ «Правда», 1926, 26 февраля.

⁴² «Комунистическо знаме», 1926, кн. 9—12, с. 123; «Internationale Presse—Korrespondenz» (далее — «Inprekorr»), 1926, № 26, S. 375.

⁴³ «Inprekorr», 1926, № 20, S. 277—278; «КИМ», 1926, № 1—2, с. 36.

тингге выступил французский коммунист Д. Рену, была показана кинолента об ужасах террора в Болгарии. Детский коммунистический союз Германии дал указание своим группам организовать по всей стране собрания протеста, а в Берлине — провести демонстрацию перед болгарским посольством. Однако демонстрация была запрещена германскими властями. В печатном органе союза «Юный спартаковец» были помещены материалы о преследованиях в Болгарии детей революционеров. Издания детских коммунистических организаций Финляндии и Швеции целиком посвятили свои номера за февраль 1926 г. кампании в защиту болгарских детей⁴⁴. Аналогичные кампании были проведены и в других странах, где существовали детские коммунистические группы.

Помимо моральной, болгарским детям оказывалась материальная поддержка — часть субсидий Исполкома МОПР для болгарской секции передавалась семьям жертв террора, в том числе и детям. К сожалению, мы не располагаем конкретными данными о размерах этой помощи и о числе детей, ее получивших. Очевидно, однако, что оказание материальной поддержки детям через болгарскую секцию МОПР было весьма затруднено, как и вся деятельность этой организации в условиях фашистской диктатуры. Другие же формы помощи детям, успешно использовавшиеся в других странах, — сбор продовольствия и одежды среди населения, размещение детей революционеров в крестьянских семьях на временный отдых, создание детских домов — были в Болгарии вообще невозможны. Фактически единственный надежный способ спасения от преследований и голодной смерти детей погибших или заключенных на длительный срок антифашистов состоял в отправке их за границу и устройстве там в детские дома. Значительное число болгарских детей было переправлено в Советский Союз, где они нашли вторую родину. Однако отдельные группы детей, прежде чем попасть в СССР, провели по несколько месяцев в детских домах, организованных мопровскими организациями Германии и Австрии.

Мопровские детские дома в капиталистических странах создавались с целью оказания поддержки нуждающимся многодетным семьям революционеров. В этих домах дети не только поправляли и укрепляли здоровье благодаря хорошему питанию и медицинской помощи, но и получали трудовое, революционное воспитание. Поскольку условия для организации детдомов существовали не в каждой стране, в апреле 1925 г. в германском курортном городке Эльгерсбург (Тюрингия) был создан международный детский дом «МОПР», в котором должны были пребывать дети не только немецких революционеров, но и революционеров тех стран, где свирепствовала реакция. Значительную часть средств на оборудование дома Красная помощь Германии получила от Исполкома МОПР и мопровских организаций других стран.

Первыми иностранными гостями в детдоме «МОПР» были болгары. В августе 1926 г. из Болгарии была вывезена группа в семь человек — дети коммунистов А. и Г. Карастояновых, Т. Титоренкова, Л. и Р. Канчевых, Ж. Димитрова. Некоторое время дети находились в детском доме в Вене, а в сентябре прибыли в Эльгерсбург⁴⁵. В течение сентября — октября в Германию было направлено еще две группы детей — всего девять человек⁴⁶. В Эльгерсбурге они пробыли до конца апреля 1927 г., а затем были перевезены в Москву⁴⁷.

⁴⁴ «Комунистическо знаме», 1926, кн. 9—12, с. 123—124.

⁴⁵ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 162, оп. 2, д. 9, л. 6; «Rote Hilfe» (Berlin), 1926, № 9, S. 12.

⁴⁶ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 162, оп. 2, д. 9, л. 6; ф. 3, оп. 5, д. 28, л. 3.

⁴⁷ «Der Rote Helfer», 1927. № 6, S. 6.

В сентябре 1927 г. из Болгарии было вывезено еще 25 детей погибших и заключенных антифашистов. Они были размещены в детском доме отдыха в Вене, где пробыли с 20 сентября по 12 декабря 1927 г.⁴⁸ Оттуда дети переехали в Эльгерсбург, в детдом «МОПР», где находились до 16 апреля 1928 г., а затем выехали в Советский Союз⁴⁹. Все дорожные расходы взял на себя Исполком МОПР — в 1926 г. они составили 1317 долларов, а в 1928 г. — 1220 долларов. На содержание 25 детей в течение двух с половиной месяцев в детдоме в Вене ИК МОПР выделил 1186 долларов⁵⁰.

В нашем распоряжении нет каких-либо сведений о пребывании детей болгарских антифашистов в Австрии. Зато описание их жизни в Эльгерсбурге содержится во многих документах. Отчет одного из работников детдома «МОПР» свидетельствует о том, что в детдоме были созданы все условия для того, чтобы дети выросли достойной сменой своих родителей-революционеров. Учебные занятия и повседневный труд (им занимались в течение одного часа в день только старшие дети) сочетались с политическим воспитанием (участие в революционных праздниках, беседы на темы о жизни и борьбе рабочего класса, о международной Красной помощи и интернациональной пролетарской солидарности и т. д.). В детском доме существовала система самоуправления: дети выбирали совет из пяти человек, который следил за дисциплиной и проводил общие собрания, созывавшиеся каждую неделю⁵¹. Жизнь коммунной болгарских и немецких ребят способствовала интернациональному воспитанию подрастающего поколения обеих стран.

Благодаря вниманию и заботе, которыми были окружены в Эльгерсбурге дети болгарских антифашистов, они почувствовали значение международной пролетарской солидарности. В своих письмах Красной помощи Германии они выражали ей глубокую благодарность и обещали быть достойными борцами за дело пролетариата⁵². Сердечную признательность Исполкому МОПР и германской Красной помощи выразили и их родители⁵³. «Нет матери, которая, видя ваши заботы о наших детях, не испытывала бы не только чувство благодарности, но и готовности служить по мере сил и возможностей делу освобождения пролетариата», — говорилось в письме болгарских политзаключенных Красной помощи Германии⁵⁴.

Помощь международного пролетариата детям жертв фашистского террора в Болгарии, революционное воспитание их в детских домах, подготовка достойной смены борцов за дело рабочего класса — еще одна яркая страница в истории интернациональной солидарности с болгарскими антифашистами.

В движении в защиту болгарских политэмигрантов проявилось глубокое понимание трудящимися капиталистических стран своего интернационального долга. Моральная, материальная и юридическая помощь, которую оказывали эмигрантам международный пролетариат и демократическая общественность, имела огромное значение для сохранения сил и боеспособности сотен революционных борцов. В то же время поддержка болгарской антифашистской эмиграции стала школой воспитания самих трудящихся европейских стран в духе пролетарского интернационализма и международной солидарности.

⁴⁸ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 162, оп. 2, д. 8, л. 16-а; ф. 3, оп. 5, д. 37, л. 3.

⁴⁹ «Der Rote Helfer», 1928, № 5, S. 13; «Путь МОПРа», 1928, № 10, с. 15.

⁵⁰ ЦПА при ЦК на БКП, ф. 162, оп. 2, д. 6, л. 20; ф. 3, оп. 5, д. 37, л. 3, 25.

⁵¹ Там же, ф. 3, оп. 4, д. 171, л. 56.

⁵² Там же, л. 51—55.

⁵³ Там же, д. 202, л. 2—5, 8—9, 11.

⁵⁴ Там же, л. 11.

Г. Ю. ХАРЦИЕВА

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ СЛОВАКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «СЛОВЕНСКЕ НАРОДНЕ НОВИНЫ» 1845—1847 гг.)

В 40-х годах XIX в. кризис феодально-абсолютистской системы в Австрийской империи достиг крайней степени обострения. В Словакии, входившей в состав Венгерского королевства, этот кризис усугублялся тем, что ее народные массы испытывали двойной национальный гнет (австрийский и мадьярский), совпадавший с социальным, так как дворянство в большинстве своем было мадьяризованным или мадьярским, а собственной национальной буржуазии у словаков еще фактически не было. Поэтому национально-освободительное движение является неотъемлемой составной частью движения антифеодального.

В этот период немногочисленная словацкая интеллигенция мелкобуржуазного происхождения¹ играла руководящую роль в борьбе против феодализма и за национальное освобождение. Однако формировавшаяся словацкая буржуазная нация была разделена на два конфессиональных лагеря, не имела литературного языка и программы, поэтому достижение национального единства стало одной из важнейших задач прогрессивных кругов интеллигенции. В этих условиях и ввиду отсутствия собственных политических и просветительских организаций возникла необходимость организации национальной газеты.

После длительной и упорной борьбы ведущие представители словацкой интеллигенции во главе с Людовитом Штуром добились в 1845 г. разрешения на выпуск первой и единственной в это время в Словакии политической газеты, причем она должна была выходить на формировавшемся постепенно, начиная с 1843 г., словацком литературном языке. Это была газета «Словенске народне новины» с литературным приложением «Орол Татранский», издававшаяся в течение трех с половиной лет. Много сложностей ожидало ее с первого же дня существования (цензура, материальные трудности и т. д.), однако, в канун буржуазной революции 1848—1849 гг. в Австрийской империи, она оставалась важнейшей и почти единственной трибуной словацкого национального движения².

¹ Из двух млн в основном крестьянского населения Словакии лишь 10 000 семейств относились к интеллигенции. «K počiatkom slovenského národného obrodenia». Bratislava, 1964, s. 34.

² С 1846 по 1852 г. в Скалице Й. М. Гурбан выпускал журнал «Slovenskje pohľadi na vedi, umeňja a literaturu», который, однако, не мог заменить собой политической газеты.

Газета информировала своих читателей о событиях в стране и за рубежом, рассказывала о тяжелом положении народных масс, об основных проблемах, волновавших словацкое общество. На ее страницах была сформулирована сложившаяся программа словацкого национального движения, антифеодалная и буржуазно-демократическая по своему содержанию.

В состав редакции «Новин» входили Людовит Штур и его сторонники, принесшие в это движение передовую для того времени концепцию самобытности словацкого народа, такого же равноправного представителя славянских народов, как русские, поляки, чехи и т. д. Эта концепция пришла на смену изжившей себя теории Яна Коллара, ориентированной, с одной стороны, на общеславянскую солидарность, а, с другой — на существование искусственного понятия о «чехословацком народе». Поэтому одной из своих задач редакция считала развитие национального самосознания у разных слоев народа и много сделала для этого, продолжая лучшие традиции предшествовавших газете литературных и научно-популярных альманахов бернолаковцев, Ю. Палковича и др. Особенно важна роль газеты в этом отношении на первом этапе ее деятельности (1845—1847). После начала революции в марте 1848 г. газета все больше приходила в упадок. Хотя ее редакция еще смогла принять участие в подготовке и публикации петиций, составленных представителями словацкой интеллигенции и содержавших программные социально-экономические и национально-политические требования, однако, это были уже ее последние шаги. В июне 1848 г. издание газеты пришлось прекратить. Основными причинами этого были политические трудности (объявление венгерским правительством военного положения в словацких районах и преследование мадьярскими националистическими кругами лидеров словацкого национального движения) и финансовые, порожденные введением по новому закону о «свободе» печати слишком высокого залога, вносимого издателями газет и журналов. Вообще, период с марта по июнь 1848 г., кризисный для существования газеты, внес в ее деятельность свою специфику, так же как и в жизнь всего государства, и должен рассматриваться особо. Поэтому хронологически статья сознательно ограничена 1845—1847 гг.

Цель статьи — показать, как печать, в данном случае газета и ее литературное приложение, служили воспитанию национального самосознания. Для осуществления этой задачи необходим был единый литературный словацкий язык. Поэтому его формированию уделялось особое внимание. Еще до основания газеты, в 1844 г., в национально-просветительском обществе «Татрин», явившимся предшественником Матицы Словацкой, был признан штуровский вариант словацкого литературного языка, основанный на среднесловацком диалекте. Для словацкого народа вопрос о собственном литературном языке был, возможно, даже важнее, чем для других народов, населявших Венгрию: слишком слабым и разобщенным был он во всех отношениях, и «именно литературный язык мог послужить основным элементом, цементирующим словацкую нацию»³.

В этой важной и необходимой борьбе за словацкий литературный язык⁴ Людовит Штур и его сторонники столкнулись не только с такими непримиримыми противниками, какими были пропагандисты мадьяризации,

³ Л. А. Обушенкова, В. И. Фрейдзон: О влиянии национально-освободительного движения славянских народов на развитие их национального самосознания (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). В кн. VII международный съезд славистов (Варшава, авг. 1973). М., 1973, с. 149.

⁴ В. М а т у л а. Людовит Штур и формирование словацкой национальной идеологии. В кн. Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970, с. 101—104.

но и со многими представителями самого словацкого национального движения, которые либо придерживались концепции Яна Коллара о едином «чехословацком племени» и потому искренне считали эти устремления шууровцев сепаратистскими и вредными для словацко-чешских отношений и для самих словаков, либо были сторонниками бернолаковского варианта словацкого литературного языка, в основу которого был положен западно-словацкий диалект; на этом языке издавалась просветительская литература в начале XIX в., но широкого распространения он не получил, им пользовались лишь представители бернолаковцев (католической интеллигенции). С последними шууровцы неуклонно шли на сближение, стремясь, где ценой уступок, а где пылкой и убедительной агитацией склонить их на свою сторону. Труднее обстояло дело с Яном Колларом и его сторонниками в чешских и словацких кругах. Коллар, помогавший добиться разрешения на выпуск газеты, вскоре повел борьбу против нее из-за расхождений со шууровцами в вопросе о литературном языке. Эта борьба нашла отражение и в переписке Л. Штура и в самой газете. Коллар написал Г. Фейерпатаки, видному деятелю словацкого национального движения, который внес за газету залог в размере 4000 золотых, «грозное» письмо против М. Годжи, Халупки и самого Штура, в котором убеждал своего адресата взять залог обратно, что означало бы закрытие газеты⁵.

Особенно яростная полемика разгорелась на страницах «Новин» после выхода сборника статей «Голоса о необходимости единого литературного языка для чехов, моравян и словаков»⁶ в мае 1846 г. Составленный Колларом из статей современных ему и более ранних авторов, посвященных проблеме общего литературного языка чехов и словаков, сборник вместе с тем содержал нападки на словацкий литературный язык, в первую очередь, со стороны самого Коллара.

В это же время, используя разногласия в словацком лагере, промадьярские круги стали добиваться закрытия созданной Штуром в Братиславе Славянской читальни, где в 1845—1846 гг. проходили собрания сербских и словацких студентов. Закрыть читальню не удалось, но студентам пришлось перенести свои встречи в другое место⁷. Из писем Штура видно, что он прекрасно сознавал трудности начавшейся борьбы, которая разъединяла силы словацкого лагеря, играла на руку мадьярским националистическим кругам. Штура, однако, не покидала уверенность в своей правоте: «Итак — бой начат; я твердо верю, что бог дарует нам победу»⁸.

Газета в рубрике «Отечественный дневник» начала систематически публиковать заметки, многие из которых были непосредственным ответом на сборник «Голоса...». Часто это были коллективные письма и под ними можно было встретить, например, такие подписи: «Вся молодежь Быстрицкой духовной семинарии», «От имени словацкой молодежи Пештского университета — Ян Страка-Годор и Густав Зехентер» или просто по несколько подписей духовных и светских лиц (часто учителей). Но больше всего писем было от молодежи.

В большинстве писем сквозит твердое убеждение, что в словацком языке «вся жизнь племени словацкого». Присланные в газету из Братиславы и Белой Горы, из Жилины, Нитры и многих других мест, эти корреспонденции были подписаны и интеллигенцией, и представителями зажи-

⁵ «Listy L. Stúra». Bratislava, 1956, d. II, № 220.

⁶ «Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Moravany a Slováky». Praha, 1846.

⁷ «Listy L. Stúra», № 238.

⁸ Ibid.

точного крестьянства, и горожанами. В них видна любовь к родному языку и возмущение позицией Коллара ⁹.

Несколько откликов на сборник «Голоса...» было опубликовано в «Орле Татранском». Это в первую очередь обобщающая статья самого Штура «Голос против „Голосов“ и „Устройство и организмы словацкого языка“» ¹⁰. «Главную силу своих доводов против словацкого языка, — писал Штур, — наши противники черпают в том, что, превращая его в литературный, мы якобы нарушаем согласие» (с чехами. — Г. Х.) ¹¹. Но, как подчеркивает далее Штур, он и его сторонники сделали этот шаг после очень долгих размышлений о положении народа и его насущных нуждах, стремясь не к разрушению, а созданию качественно более высокого, чем просто языковое, единства чехов и словаков.

Выбирая основу для словацкого литературного языка, Штур следовал за бернолаковцами, считая, что ею может быть в первую очередь народный язык, так как никакой другой, в том числе и чешский, не сможет стать родным и близким широким народным массам ¹². Он писал о том, что многие просвещенные словаки, сознательно или нет, но уже давно употребляют словацкие слова в статьях и переписке, следовательно, их уже не удовлетворяет чешский литературный язык в чистом виде, применяемый протестантской интеллигенцией.

Штур и его соратники стремились сделать свой литературный язык достоянием более широких кругов словацкого населения; газета, выходящая дважды в неделю, представляла в этот период наиболее широкие возможности для формирования языка и его закрепления в литературе и журналистике. Посредством этого языка газета стремилась воспитывать в народных массах национальное самосознание. Этому служили и заметки корреспондентов с мест, и передовые статьи, особенно такие, где освещались проблемы обучения и просвещения словацкого народа. Просвещению, воспитанию и обучению народных масс на родном языке посвящено множество статей. Как правило, их авторы не отрицают возможности и даже необходимости использования венгерского языка в качестве официального ¹³, но в то же время подчеркивают необходимость обучения словацкого народа на родном ему языке, так как непонятный ему венгерский является препятствием для овладения знаниями хотя бы на начальном этапе обучения. Один из авторов рекомендует также собирать в каком-нибудь большом доме жителей маленьких городов и деревень и читать им словацкую газету или книги о земледелии, ремеслах и изобретениях ¹⁴. Об этих проблемах и об активной роли подлинного просвещения на родном языке говорится в обширной статье Штура «Образование и просвещение» ¹⁵.

Затрагивается также и вопрос о воспитании словацких девушек в духе национальной культуры и о получении ими образования на родном языке, ибо они — будущие матери и первые воспитательницы маленьких словаков ¹⁶.

Интересный материал для сопоставления взглядов на нацию и национальный вопрос у представителей венгерских либералов и штуровцев дает рубрика «Обзор журналов». Чаще всего — это полемика с тем или иным венгерским периодическим органом (в основном с «Пешти хирлап», причем

⁹ «Slovenskje národnje novini» (далее — SNN). Bratislava, 1956, d. I, № 100.

¹⁰ «Orol Tatranski». Bratislava, 1956, № 35, 36, 39, 40.

¹¹ Ibid., № 35, s. 275.

¹² Ibid., № 39, s. 307.

¹³ SNN, d. I, № 69.

¹⁴ Ibid., № 40.

¹⁵ Ibid., № 74—77.

¹⁶ Ibid., № 70.

оттуда приводятся обширные цитаты)¹⁷ или опровержения необоснованных обвинений в панславизме.

Важную роль в развитии словацкого литературного языка и в воспитании национального самосознания играло литературное приложение к газете «Словенске народне новины» — «Орол Татранский». Он выходил сравнительно часто: до конца 1845 г. — раз в неделю, по пятницам, а с начала 1846 г. — раз в десять дней. Каждый номер состоял из восьми газетных полос и имел, например, следующее содержание: стихотворение словацкого или другого славянского автора; статья исторического характера; словацкая или инославянская повесть или роман, иногда — какие-либо путевые заметки (чаще описание путешествия по славянским землям); заметка или небольшая статья с советами по ведению хозяйства; объявления о выходе книг по словацкой или общеславянской проблематике. Среди стихов, опубликованных в «Орле» в первое полугодие его существования (с августа 1845 г. по январь 1846 г.), преобладали посвящения самой газете и ее приложению. И известные поэты и общественные деятели (Я. Краль, А. Сладкович, Б. Гробонь, Б. Носак) и многие менее известные выражали удовлетворение по поводу выхода в свет словацкого периодического органа и мечтали о светлом будущем словаков: «Когда „Орол“ полетит в дальние уголки Словакии, то ее сыны увидят среди туч сияющие звезды надежды»¹⁸. А. Сладкович в стихотворении «Не хулите народ мой» писал:

Не хулите народ мой за то,
Что у него нет истории —
Хранилища его минувшей славы!
Он цветет еще прекрасной надеждой,
Будущее несет в себе его сокровища¹⁹.

Об «Орле» говорилось, что он призван воодушевлять словаков, которые до сих пор «жили бесславно», научить их «летать», способствовать созданию «словацкого единства», т. е. будить их национальное самосознание и делать все возможное для объединения. «Орол» возвещал о «воскресении Татр», т. е. Словакии, из мертвых²⁰.

Естественно, что большинство стихов посвящено словацкому народу, его тяжелому национальному и социально-экономическому положению. В то же время в них воспеваются достоинства словаков.

Часто надежды на лучшее будущее связываются с «дорогим, милым сердцу словацким языком», в частности, стихотворение П. Гостинского «Дума в Татрах», специально посвящено словацкому языку. М. Догнани в стихотворении «К роду моему» призывает свой народ «объединиться в звуках народной речи, принять ее сердцем, как клад драгоценный», и тогда настанет новый, прекрасный день.

Для многих стихов, опубликованных на втором году издания и особенно в 1847 г., характерны большая смелость и четкость идейной позиции, в них уточняется понятие родины и отношение к народу. Если раньше словацкие поэты часто называли себя «сынами Татр» (т. е. преобладало чисто географическое представление о себе как о народе), то теперь можно встретить такие определения, как «я сын Славы, сын словака», где под термином «сын Славы», восходящим к поэме Коллара «Дочь Славы», подразумевается родство со всеми остальными славянами, а оба термина в од-

¹⁷ Ibid., № 64.

¹⁸ «Orol Tatranski», № 1.

¹⁹ Ibid., № 5.

²⁰ Ibid., № 25.

ной фразе — осознание принадлежности и ко всему славянскому миру, и к словацкому народу.

Все чаще встречаются мысли о «золотой свободе», о вольности, хотя, конечно, нет прямых призывов к борьбе за нее. Выше всех достоинств ставится такая любовь к народу, которую ничто не может побороть²¹.

Иногда в стихах наряду с радужными надеждами на будущее выражается и горечь, вызванная малочисленностью сознательных и болеющих за свой народ словаков («Мало нас, мало; ну и что ж из того, ведь и без ста ласточек будет лето»)²².

Знакомясь с содержанием стихов, можно сделать следующий вывод: почти в каждом из них, будь то отрывок из поэмы или подражание народной песне, прямо или косвенно затрагивается тема родины и патриотизма и, наверное, каждому из авторов близки слова С. Халушки, проникнутые активной любовью к родине («Сын войны»):

Не умру в покое,
Воин я от рода,
Я умру в священной
Битве для народа²³.

Пожалуй, гораздо труднее, чем поэтический, охарактеризовать другие жанры, представленные в «Орле Татранском». Среди огромного литературного материала, опубликованного на его страницах в течение двух лет, есть несколько крупных повестей таких авторов, как Я. Калинчак, Б. Гробонь, Б. Носак и др., путевые заметки, литературно-критические статьи и рецензии, аннотации и объявления о выходе в свет книг и брошюр самого различного, но в первую очередь национально-просветительского характера, сообщения о деятельности словацкого народного театра и т. д.

Повести написаны в духе романтизма и посвящены историческому прошлому словаков. Стремясь просвещать своих читателей и воспитывать в них национальное самосознание, редакция журнала предпочитала жанр исторической повести. Однако воспитание на историческом прошлом, на ярких примерах из него имело для словаков свои трудности. В течение долгих веков Словакия входила в состав венгерского государства; Венгрия в смысле государственном была отечеством и для словаков. В то же время в период словацкого национального Возрождения и усиливавшейся мадьяризаторской политики со стороны венгерских правящих классов по отношению к словацкому народу необходимо было выявить какую-то свою, словацкую, традицию или же доказать, что словаки много сделали для своего венгерского отечества, при этом трудно было не поддаться искушению идеализировать свое прошлое, в частности, великоморавскую традицию или отдельных венгерских королей и феодалов, иногда объективно способствовавших развитию земель, населенных преимущественно словаками. Великоморавская традиция поднималась на щит словацкой интеллигенцией потому, что только в период существования Великоморавской державы формирующаяся словацкая народность имела свою государственность в союзе с другими славянами.

Во многих повестях Я. Калинчака («Милкова могила», «Рука брата», «Путь любви») показаны прекрасные и цельные характеры словаков и словачек. Это любящие, нежные, но и сильные духом женщины, готовые пойти

²¹ Ibid., № 50.

²² Ibid., № 67.

²³ Ibid., № 30.

на подвиг ради любви («Путь любви») или, наоборот, пожертвовать своим счастьем и любовью, когда родине угрожает смертельная опасность («Милкова могила»). Это смелые мужчины, преданные своему (венгерскому) королю, борющемуся с междоусобицами феодалов за объединение всех перед лицом турецкой опасности. Впрочем сам король-венгр Матиш Хуньяди остается в тени, а на сцене действуют в основном отважные и самоотверженные словацкие (не успевшие мадьяризоваться) дворяне, такие, как Милко Панкрац, пожертвовавший и своими землями и личным счастьем, чтобы привлечь из среды эгоистических феодалов союзников королю, защищавшему отечество от турецкого нашествия.

Повесть Калинчака «Молодец словацкий» (1847), еще в большей степени отражает мечты и идеалы шуруповского поколения, хотя и описывает события IX в. Словацкое братство, которое должно было сохранить свободу словацких земель после распада Великоморавской державы, и юноша Станко, поклявшийся пожертвовать ради родины жизнью, для шуруповцев — самые современные герои. Им самим свойственна постоянная готовность жертвовать ради народа всем.

В повести Б. Носака «Лаборец» (1845) нарисованы картины борьбы закарпатских украинцев против мадьяр в IX в. В этой борьбе они должны объединиться со словаками. Однако, по мнению автора, беспечность, из-за которой славяне не успели вовремя объединиться, помешала отразить нашествие врагов.

Некоторые прозаические произведения имеют своим источником словацкий народный фольклор и подражают ему с целью донести до читателя прелесть народного языка и народных образов. Различные путевые дневники знакомят читателей в первую очередь со славянскими землями, нравами, обычаями. Из материалов такого рода особенно интересны «Письма из незнакомой земли» Б. Носака, в которых с любовью описывается земля и природа Закарпатья, приводятся отрывки из чудесных народных песен закарпатских украинцев, рассказывается об их истории, обычаях.

«Орол Татранский» помешал большое количество критических статей, авторами которых были Л. Штур, Й. М. Гурбан, Я. Францисци-Римавский и др. Штур, в частности, писал рецензии на «Словацкие повести» Я. Ф. Римавского, на сказки А. Г. Шкультеты и И. Заборского. Оценка литературных произведений, журналов, учебников для детей и т. д. непременно включает в себя такой критерий, как степень служения того или иного произведения интересам просвещения народа, воспитания в нем словацкого национального самосознания.

Аннотации и объявления, пропагандируя статьи, книги, проповеди, учебники для детей и т. д. также ни на минуту не забывают об этом основном критерии, причем имеются в виду самые широкие народные массы, и просвещать их предполагается не только с помощью литературы, а всеми возможными средствами²⁴ (имеются в виду и воскресные школы, различные кружки и общества, носящие национальный характер, создание славянских и словацких читален и т. д.). Цели воспитания национального самосознания у самых различных слоев словацкого населения должны были, по замыслам шуруповцев, служить и научно-популярные статьи исторического характера. Наиболее значительные исторические статьи написаны в этот период Л. Штуром. Это «Древнейшие события на земле Венгерской и ее основы» (опубликованная в пяти номерах «Орла Татранского») и «Жизнь народов». В первой из них автор, кратко излагая события, происходившие на территории Венгрии, начиная с IV в. до н. э. и до периода распада Великоморавской державы в X в., прежде всего доказывает,

²⁴ «Orol Tatranski», № 1.

ссылаясь на римских авторов и позже древнерусского летописца Нестора, что «нет на земле Венгерской народа более древнего, чем наш, словацкий».

Несмотря на то, что Штур и его современники не располагали, например, таким богатыми археологическими данными, какие имеют в своем распоряжении современные словацкие историки, он был прав в том, что словаки — один из древнейших народов, когда-либо населявших территорию Венгрии. Во всяком случае, по данным письменных источников, они появились на нижнем Дунае в VI в. до н. э., намного раньше авар и венгров²⁵. Хотя до славян эти земли были населены какими-то другими «древними, в основном анонимными этническими группами» и археологи доказали влияние предыдущих культур (в основном кельтской и римской) на славянскую словацкую культуру, «однако словаки всегда, от своего прихода и до сих пор, имели численный перевес над остальными народностями, населяющими Словакию; они — вопреки неблагоприятным политическим условиям в старой Венгрии — мирным путем ассимилировали небольшие группы и придали земле, на которой они поселились, словацкий характер»²⁶.

Большое внимание Штур уделяет Великоморавской державе как первому и единственному для словаков государственному образованию, в которое они входили на равных правах с другими славянскими племенами. Говоря о приходе венгров (мадьяр) на эти славянские земли, Штур придерживается распространенной среди словацкой интеллигенции «концепции договора» словаков с мадьярами²⁷, т. е. добровольного вхождения словаков в венгерское государство на основе равноправного договора, отмечая в то же время благоприятное влияние миролюбивых словаков на мадьяр. Действительно, оседлые словацкие племена с развитым земледелием не могли не оказать положительного влияния на воинственные кочевые племена.

Важность этой статьи Штура в том, что он впервые давал возможность довольно широким кругам словацких читателей ознакомиться с историей словацкого народа, стараясь внушить им оптимистическую веру в его будущее. Обосновывая эту веру и в другой своей статье историко-политического характера — «Жизнь народов», Штур рассуждал как диалектик (хотя и не всегда последовательный), видя в истории не простую смену одних событий другими, а диалектическое развитие от низших форм к высшим, более прогрессивным, а также преемственность и взаимовлияние культуры разных народов. Хотя автор статей, не располагая в достаточной мере историческими фактами и не избавившись до конца от просветительских иллюзий, не мог достаточно полно показать роль народа в исторических событиях, в то же время он недвусмысленно подчеркивал, что словаки — это «один единственный народ, который все эти бури и нашествия народов пережил, выстоял, древнейшие события на земле Дунайской видел и новейшие еще увидит...»²⁸.

На страницах журнала «Орол Татранский» много интересных небольших статей. Под рубрикой «Словацкая жизнь» печатались статьи и заметки о нравах и обычаях словаков, о работе воскресных школ, об обществах трезвости и т. д. Рубрика «Славянские известия», гораздо более обширная и разнообразная, содержала заметки о литературе и театре у других славянских народов, о выдающихся полководцах, писателях и т. д.

Таким образом, как мы видим, газета придавала большое значение

²⁵ «Slovensko. Dejiny». Bratislava, 1971, s. 156.

²⁶ Ibid.

²⁷ Эта концепция зародилась в начале XVIII в. в период формирования идеологии словацкой феодальной народности в противовес венгерской «теории завоевания».

²⁸ «Orol Tatranski», № 5.

проблеме воспитания национального самосознания у широких масс словацкого народа, его обучению на родном языке, его просвещению.

Однако не следует забывать о том, что редакторы газеты и, в первую очередь, сам Штур, хотя и не освободились полностью от просветительских иллюзий, связывали важную проблему воспитания национального самосознания с борьбой за национально-политические права словаков и за освобождение народных масс от гнета феодализма, за наделение их экономическими и политическими правами в рамках буржуазно-демократических требований. Добиться всего этого они надеялись мирным путем, в первую очередь через венгерское государственное собрание (сейм), заседания которого возобновились 12 ноября 1847 г. Об этом писали и П. Кельнер-Гостинский, и Л. Штур почти в каждой своей программной статье, особенно начиная с лета 1846 г. Но это уже другая тема, выходящая за рамки данной статьи.

Появление первой словацкой политической газеты знаменовало собой новый этап в словацком национальном движении — окончательный переход от ориентации на общеславянскую солидарность к ориентации на самобытный словацкий народ, на формирующуюся нацию. И хотя сам Штур и многие его сторонники были далеки от революционного насилия (за что с самого начала существования газеты они подверглись критике со стороны представителей формировавшегося тогда радикального крыла — Я. Краля, и Я. Францисци и некоторых других), объективно газета через развитие национального самосознания у широких слоев народа, прежде всего у крестьянства, должна была способствовать все более сознательной борьбе их за свои права как национальные, так и социальные.

А. В. ЛИПАТОВ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА СТЫКА ЛИТЕРАТУРНЫХ ЭПОХ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Проблема рубежа эпох в литературоведении представляет особую сложность как с точки зрения историко-хронологической, так и собственно теоретической. Развитие литературы, связанное с общими судьбами определенного общества, в то же время обуславливается своими внутренними закономерностями. Отсюда и отмеченное в свое время К. Марксом (во «Введении к „Критике политической экономии“») несовпадение в развитии общества и эволюции искусства.

В данной работе объектом исследования является литературный процесс на стыке литературных эпох и взаимосвязанная с этим литературно-теоретическая проблематика понятия (и явления) литературного перелома¹.

Во времена романтизма, например, развивается принципиально иной тип литературоведения², являющего собой первый этап новой истории литературной эстетики. Завершается эпоха школьных поэтик с их нормативностью, дидактизмом, приматом этического над эстетическим³. Литературная эстетика выделяется как самостоятельная наука, оперирующая собственными категориями и руководствующаяся лишь ей присущими законами, обуславливающими метод познания художественного творчества. Радикально изменяются сами функции теории, которая теперь утрачивает не только характер программирующей доктрины, — она уже не рассматривается и как комплекс обязующих или рекомендуемых норм (это логическое следствие концепции саморазвивающегося искусства, создаваемого гением художника, а не калькуляцией теоретика). Теория выступает как руководство, комплекс приемов и средств научного анализа.

Перестав быть регламентирующей и обязующей, наука о литературе утрачивает цельность школьных поэтик, она как бы раздваивается, выступая как средство познания и анализа (литературоведческая наука) и как полемика с предшествующими тенденциями (теоретическими концепциями, вкусами, модами, диктуемыми и обуславливаемыми типом культуры),

¹ В разработке отечественным литературоведением этой проблематики, важной как в историко-литературном, так и в теоретическом отношении, следует особо выделить вклад академиков А. Н. Пыпина и Н. С. Тихошрава.

² Его истоки восходят к эпохе Просвещения и связаны с теорией сентиментализма, а особенно — рококо. В Польше времен Просвещения эта концепция в своем скристаллизованном виде впервые выступает в труде М. Фиалковского «О гении, вкусе, красноречии и переводе» (1790), отдельные же ее тенденции ранее проявляются в теоретических выступлениях Б. Шимановского, И. Хрентовича, Ф. Карпиньского и Ф. Н. Голяньского.

³ Это и отражение процесса секуляризации литературы и литературоведения.

а одновременно и как утверждение новых воззрений в литературной жизни, — то есть принимая функции литературной критики в современном объеме этого понятия.

Стремительно развиваясь в спорах и самоутверждении, романтическая наука о литературе и критика вводят новые категории, термины, понятия. Именно к этому периоду истории литературной мысли относится и возникновение концепции литературного перелома.

До этого времени этапы истории литературы отождествлялись с общественно-историческими эпохами или политическими периодами. Особенно распространенная схема — отождествление этапов литературной истории с периодами правления отдельных монархов. Примеры из хронологически близких романтизму эпох: литература времен Людовика XIV — во Франции; литература петровских и екатерининских времен — в России; станиславская литература — в Польше. Уже в самом типе этой хронологии, равно как и в названиях литературных периодов, довольно ясно проступают критерии концепции: разделение на периоды, противопоставление предшествующему осуществлялось прежде всего в категориях меценатства и культурной политики, а не в свете факторов, отражающих и воплощающих собственно историю литературы, литературных направлений и литературной эстетики; периодизация литературы проводилась лишь в сфере общественно-политических, а не художественных идей. Такой подход к литературе отнюдь не ограничивался проблемами литературной хронологии, распространяясь на литературу в целом. Пример: литературная критика польского Просвещения полемизировала с предшествующими временами «сарматизма» (по определению самих просветителей) в категориях прежде всего идеологии, политики и этики. Собственно эстетическое отступило на второй план или могло вообще отсутствовать. Ценность литературных произведений определялась прежде всего их идейным звучанием, то есть их ролью в конкретной социально-политической реальности. Ощущение перелома, столь характерное для эпохи Просвещения, выражалось прежде всего в категориях философии, истории, идеологии, политики, права, этики, экономики. Романтическое литературоведение, заимствуя в своем развитии термины из других областей, придает понятию перелома собственно литературное, эстетическое значение⁴ — как перелом в сфере художественного мировосприятия и связанного с ним самого акта и облика художественного творчества. В трактовке романтиков это новое — непримиримое, резко противопоставленное предшествующему литературному этапу — свершило переворот в умах и вкусах, низвергнув, подобно девятому валу, все прежние и до недавна общепринятые художественные представления, что и обусловило перелом в истории литературного процесса.

Эта концепция перелома сохранилась и применяется в литературоведении вплоть до наших дней, имея (как, впрочем, и значительная часть романтического наследия в области литературной эстетики) довольно значительный вес и сферу распространения⁵.

⁴ Впрочем, это понятие распространялось также и на сферу литературной культуры.

⁵ Это особенно характерно для Польши, где романтическое наследие играет особую роль в национальной истории и в национальном самосознании, что обусловлено самой спецификой социально-политических судеб польского общества: национальный подъем эпохи Просвещения был приглушен, а в некоторых сферах действительности подавлен уничтожением польской государственности. Романтизм — эпоха, когда складываются не только формы национального самоутверждения в условиях иноземного гнета, но и идея вооруженной борьбы за независимость. Этим факторам будет принадлежать главенствующая роль в процессе развития польской нации, национальной идеологии и культуры вплоть до обретения собственной государственности, да и позже, в периоды социально-политических и общенациональных потрясений.

Многое из того, что тяготело над литературоведением последующих (после романтизма) периодов пересмотрено. Некоторое — в сравнительно недавнее время. Например, оценка и отношение к Просвещению, в частности, к классицизму и литературным традициям предшествующих романтизму периодов.

Перспектива времени и развитие литературоведческой науки не только способствуют такого рода ревизиям, но и в ряде случаев ставят перед их необходимостью в целях решения как вопросов литературной истории прошлого, так и актуальных проблем нашего настоящего. В этой связи представляется целесообразным рационализировать унаследованное от романтизма понятие литературного перелома. Логичным с точки зрения поисков возможных путей рассмотрения было бы сопоставление данного литературоведческого понятия прежде всего с конкретной художественно-литературной реальностью самой эпохи его возникновения⁶.

Но сперва необходимые уточнения.

Для рассмотрения историко-литературных фактов с целью выяснения сущности явления, которое они составляют, необходима их классификация. Принцип классификации обуславливается внутренней спецификой самого явления.

В традиционной интерпретации перелом — это резкая перемена, скачок в истории литературного процесса, развитие которого трактуется прежде всего в категориях революционного, скачкообразного (а не эволюционного, постепенного) развития. В данной связи следует отметить, что литературные явления, составляющие перелом, в силу своей специфики проявляются и дают о себе знать в качественном и в количественном отношениях. Появление нового качества, которому сопутствует количественный взрыв, разрушая «старое», опрокидывая его, возносит «новое» на гребень литературной волны⁷.

Наблюдается ли такая ситуация после выхода в свет I тома «Поэзии» Мицкевича в 1822 г. — т. е. после общепринятой даты романтического перелома в Польше? Обратимся к конкретным фактам.

В литературе, художественном мировосприятии и литературной культуре продолжают явно преобладать прежние, просветительские тенден-

⁶ Ср. слова К. Маркса: «Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 7). В этой связи весьма плодотворной представляется статья Э. Стефановской «O przełomowości i przełomie», где, указывая на то, что 1822 год как дата литературного перелома была воспринята из литературоведческой мысли эпохи романтизма, автор подвергает сомнению целесообразность заимствования концепции и типа аргументации времен романтического прошлого в наше время, когда изменились не только литературоведческие представления, исследовательская техника, но и само видение истории, «в связи с чем необходимо соблюдать дистанцию по отношению к давним представлениям и тщательно проверять их истинность». Такая исследовательская позиция представляется вполне оправданной, равно как и вытекающее отсюда предложение автора: «Поэтому стоило бы также критически переосмыслить понятие романтического перелома» («Teksty», 1972, № 5, s. 29).

⁷ В свете такого рода литературоведческой концепции художественные явления рассматриваются по аналогии с общественными. В плане методологическом наиболее законченное воплощение эта концепция обретает во времена позитивизма. Именно в эти времена К. Маркс подчеркивал необходимость особого подхода к явлениям базиса и надстройки, с учетом их внутренней специфики. Ср., например, следующее суждение: «С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 7).

ции. Семь лет спустя после даты, квалифицируемой литературоведами как перелом, сам Мицкевич в статье «О критиках и рецензентах варшавских» (1829) писал о засилии прежних вкусов и прежних художественных тенденций в литературе и литературной жизни. Рожденные эпохой Просвещения классицизм, сентиментализм, рококо и возникшие еще в XVIII в. на их стыке предромантические тенденции⁸ являются количественно ведущими вплоть до начала 30-х годов⁹. В самом же очаге польского романтизма — Вильне — эти явления после разгрома филоматов не только преобладали, но оказались и единственно существующими как в литературной жизни и критике, так и в университетском литературоведении. Знаменательна для ситуации романтизма характеристика польской литературы в сопоставлении с русской, данная Мицкевичем в письме к Лелевелю (12 VI 1829): «Может быть в других науках у вас там имеются хорошие работы, но в литературе отставание на полвека даже от России!»¹⁰.

В количественном отношении польский романтизм постепенно вытесняет просветительские направления и течения, начиная с 30-х годов, что, однако, и теперь не означает их абсолютного исчезновения¹¹. Эти тенденции — уже в качестве явлений второго плана — продолжают существовать и в следующем десятилетии, постепенно исчезая в период, когда и романтизм медленно, но неуклонно начинает сходить на второй план, уступая место реалистическому направлению.

Причем можно отметить факт не только их существования, но и развития. Польская классицистическая драматургия достигает своих вершин в творчестве А. Фредро. Лучшие его комедии были созданы именно в 30-е годы; поздние же, которые, по верному замечанию К. Выки, являются «вступлением к современной польской комедии», были написаны в 50—60-х годах. Отражая характерные художественные и социальные изменения своего времени, они предстают как своего рода переходное звено к реалистической драматургии времен варшавского позитивизма.

Нередко в историко-литературных работах можно встретить трактовку классицистического творчества этого крупнейшего польского драматурга первой половины XIX в. как некий своего рода парадокс на фоне романтизма. Между тем, если принять во внимание, что параллельно с романтизмом продолжали существовать и литературные направления эпохи Просвещения — творчество Фредро перестает казаться исторически парадоксальным либо лишь психологически обусловленным казусом (увлечение молодого Фредро Мольером), являясь отражением одной из характерных и распространенных литературных тенденций, существующей одновременно с романтизмом, но отнюдь не в его рамках.

Итак, факты, истории литературы не подтверждают наличия количественного скачка, свидетельствующего о переломе в 1822 г. Налицо не скачок, а постепенное накопление количества. В этом отношении показательно и развитие творчества самого Мицкевича. Классицизм, сенти-

⁸ Ср. А. В. Л и п а т о в. У истоков польского предромантизма (национальное и общеевропейское). Славянские литературы. VII международный съезд славистов. М., 1973; е г о ж е. Предромантизм на Западе и в Польше XVIII века. (Опыт дефиниции и сопоставления). Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.

⁹ Аналогичная картина наблюдается и в русской литературе, где и после выступления Пушкина продолжают преобладать литературные тенденции Просвещения, а формирование романтизма завершается в 30-е годы (из новых исследований, анализирующих эту проблематику, см. А. М. Г у р е в и ч. На подступах к романтизму. Проблемы романтизма, вып. 1. М., 1967).

¹⁰ A. Mickiewicz. Dzieła, t. 14, s. 445. Warszawa, 1953.

¹¹ Следует отметить, что данный процесс охватил преимущественно Варшаву, которая сыграла роль литературного центра и средоточия новых идей также и в предшествующей романтизму эпохе Просвещения.

ментализм, рококо в его юношеской поэзии лишь постепенно насыщаются предромантическими веяниями. Однако, даже программная «Ода к молодости» (1820) — типично классицистическое произведение уже по самому жанру. Это своеобразный манифест нового, новых воззрений, которые еще не обрели адекватную им, новую форму. В этом отношении «Баллады и романсы» — естественная, очередная и последовательная ступень в развитии художественного видения поэта. Этот первый период его творчества отражает общелитературное развитие, с которым он (период) был органично связан и закономерностями которого обусловлен. И здесь количественное рассмотрение фактов необходимо восполнить качественным их анализом.

Ранее уже говорилось о формировании нового отношения к литературе и о новой трактовке литературоведения как науки во времена Просвещения, что обретает завершенность в романтическую эпоху. В художественной практике новые, предромантические тенденции появляются в тот же период с начала 80-х годов XVIII в., постепенно развиваясь и усиливаясь во времена первых поэтических опытов Мицкевича. Творчество и авторитет Ю. У. Немцевича, К. Бродзиньского — «родоначальника романтической школы в Польше» (по определению Мицкевича), поэзия Я. П. Воронича, В. Реклевского, А. Бродзиньского, эволюция художественной прозы, увлечение фольклором и его влияние на историко-культурные и философско-эстетические концепции, — все это продолжение и развитие тенденций, зародившихся в «станиславские времена».

Количественное накопление — это одновременно и назревание, постепенная кристаллизация и рождение нового качества. Качество формируется в процессе количественного развития, оно скрыто в нем и не может существовать вне его. Именно количество, достигая определенной «критической массы», переходит в качество, порождает новое. Предромантизм — период зарождения, формирования и количественного нарастания отдельных элементов — их, своего рода, механическая сумма. Романтизм — их интеграция, которая приводит к появлению качественно иной суммы, чьи составляющие элементы — внутренне взаимосвязанные и взаимобусловленные — функционировали уже как единая система.

Новые ценности, привнесенные в литературный процесс предромантизмом, существовали разрозненно и несамостоятельно в рамках разных направлений (внутри и на стыке которых возникло предромантическое течение). Процесс интеграции этих ценностей, выделение их из разных направлений (где они были явлениями периферийными) в особую, самостоятельную структуру — это переход от достигшего своей «критической массы» количества в новое качество: от предромантизма к романтизму. Завершение этого процесса означало появление романтизма как направления.

Итак, предромантизм — не первый этап романтизма, а своего рода подготавливающая его появления стадия. Суть в том, что многие элементы, составляющие романтизм, были созданы ранее — во времена предромантизма¹². Романтизм объединил их в систему, используя как готовый либо частично готовый материал для постройки. Этот материал романтизм отнюдь не всегда создавал сам. И, можно сказать, что именно в такой перспективе целесообразно рассматривать значение и роль предромантических течений в последующей истории литературного процесса. Как явление переходное, предромантизм знаменует стык литературных эпох, неуклонно подготавливая постепенную смену литературных направлений.

¹² Точно так же как и некоторые другие элементы, используемые романтизмом, восходили к античности, Средневековью, Возрождению и Барокко.

А перелом? А резкая смена в мировосприятии, сознании, литературном процессе, культуре? Такого рода концепция могла возникнуть в пылу полемики «романтиков с классиками», когда самоутверждающееся новое отвергало все, что этим новым не было. Такая концепция могла возникнуть и в непосредственно последующем периоде победившего романтизма, когда исследователи смотрели на минувшее с перспективы своего времени, не используя, однако, тех преимуществ, которые дает эта перспектива: выхватывали лишь те явления, которые им были ближе идейно, художественно, психологически; те явления, которые знаменовали романтизм, отражали ступени его кристаллизации, означали вехи его развития. Иначе: видели только новое — то, в атмосфере чего прошло их детство и молодость; то, что стало существеннейшей частью новой национальной традиции в эпоху потери государственной независимости.

Так возникла литературоведческая схема, которая в позднейшие времена стала традиционной. Впрочем, ее использование и в наши дни объясняется, по-видимому, не только приверженностью к традиции и авторитетами предшественников. Вероятно, не менее важную роль играют и факторы методологического характера. Речь идет о двух противостоящих друг другу концепциях литературного развития — эволюционной (постепенной) и революционной (скачкообразной). Первая, рассматривая историю литературы как естественное развитие в результате постепенного зарождения и нарастания новых художественных идей и форм, исключает явление (и понятие) перелома. Вторая, рассматривая литературное развитие как постоянную борьбу утверждающегося нового с отживающим, но не желающим уходить старым, оперирует понятием перелома как стержневым в своей трактовке истории литературного процесса¹³.

При остранинном рассмотрении этих взаимоисключающих концепций вспоминается древняя истина: правда находится посередине.

Суть в том, что первая концепция опирается на диахронное рассмотрение литературной истории, отмечая только историческую последовательность развития явлений, а вторая — на синхронное, отмечая только то принципиально новое, что возникает в каждой отдельной, вычленимой из целого (литературного процесса) эпохе и свойственно только ей. Преодоление¹⁴ этого дуализма — как показывает литературоведческая практика — этап отнюдь не пройденный.

Между тем, для того чтобы на основе имеющихся фактов воссоздать схему, структуру, модель художественной реальности, важно учитывать в литературном процессе постоянное и изменяющееся, конструктивное и деструктивное, эволюционное и революционное, которым в плане аналитическом соответствует взаимосочетание (а не взаимоисключение), варьирование аспектов синхронии и диахронии, использование углов зрения описательной и исторической поэтик.

История литературного процесса в целом являет собой развитие философско-эстетических мировосприятий, жанров, стилевых форм, хронологически отражающих изменение, углубление и расширение художественного видения и воспроизведения действительности. Однако понятие развития следует трактовать диалектически — с учетом как эволюционных, так и революционных, как конструктивных, так и деструктивных мо-

¹³ Ср. М. Ж м и г р о д з к а я. Романтический перелом и выбор литературной традиции. В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973.

¹⁴ В этом отношении весьма конструктивной и научно-плодотворной представляется концепция Я. Славиньского, а если речь идет о жанрах — М. Гловиньского. См. J. S ł a w i ń s k i. Synchronia i diachronia w procesie historyczno — literackim; M. G ł o w i ń s k i. Gatunek literacki i problemy poetyki historycznej. In: Proces historyczny w literaturze i sztuce. Warszawa, 1967.

ментов, его составляющих; как отмирание одних концепций и появление новых¹⁵. Причем каждое новое, противопоставляясь старому, в то же время немислимо без него, ибо старое является фундаментом, точкой опоры и одновременно точкой отталкивания для нового. Новое, опираясь на открытия старого, устремляется в ином направлении, когда «старое» исчерпывает себя, т. е. использует до конца все философско-эстетические возможности того направления, в котором оно развивалось, будучи некогда новым и противопоставляясь предшествующему ему старому. Теперь очередное новое появляется, ищет и открывает иные пути именно благодаря тому, что прежние пройдены. В этом заслуга старого и его роль как бы опорного пункта для поисков иного рода и в иных направлениях.

Итак, развитие литературы прерывно с точки зрения отмирания одних тенденций и появления других, но в то же время непрерывно в силу как отмеченной диалектичности взаимосвязей на стыке отмирающего старого и рождающегося нового, так и преемственности определенных, более давних традиций, к которым обращается «новое» как бы через голову непосредственно предшествующего ему «старого», минуя его¹⁶.

Учитывая такого рода закономерности, однозначное понятие перелома представляется весьма проблематичным. Целесообразно дифференцировать это понятие с учетом качественного и количественного аспектов диалектического по своей сущности развития литературного процесса.

Попытаемся это сделать на «классическом» для понятия перелома примере.

Выше здесь уже отмечался амбивалентный характер связи предромантизма и романтизма. Суть в том, что на стыке направлений эпохи Просвещения (классицизм, сентиментализм, рококо) возникает неоднородная (в категориях стиля, направления) предромантическая тенденция. Ее развитие создавало первоэлементы, из которых потом возникает принципиально новая — в качественном отношении — структура (романтизм). Ее появление — качественный скачок, где эволюционная линия (накапливание количества) переходит в революционную (появление нового качества). Этот скачок можно назвать переломом. Однако с точки зрения фактов литературной истории такой скачок в развитии литературы был растянут во времени, являя собой процесс, состоящий из ряда скачков: «Баллады и романсы» не означали завершения процесса формирования романтизма, а лишь его начальную стадию. Сам же процесс в его реальности — художественной и литературно-критической практике — довольно длителен (его можно проследить на примере таких основоположников нового, как Пушкин в России и Мицкевич в Польше). Следовательно, в аспекте истории развития определенного литературного направления понятие перелома обретает условное значение — тут, может быть, целе-

¹⁵ Примером блестящего практического решения вопросов, связанных с этим кругом проблем при одновременном глубоком их теоретическом переосмыслении на основе материалов одного жанра одной литературной эпохи является книга польского ученого М. Гловиньского «Роман Молодой Польши. Исследование из области исторической поэтики» (Об этой монографии см. А. В. Л и п а т о в. Роман Молодой Польши в аспекте исторической поэтики. «Советское славяноведение», 1973, № 2).

¹⁶ В этом отношении можно наблюдать своеобразную цикличность периодического возрождения в новом старом «старого»: отвергнутая Средневековьем античность возрождается в Ренессансе, отвергающем Средневековье; отвергающее Ренессанс Барокко обращается к Средневековью; отвергающее Барокко Просвещение обращается к Ренессансу; отвергающий Просвещение Романтизм обращается к Барокко, реализм, отвергающий романтизм, обращается к Просвещению. Такого рода преемственность можно проследить вплоть до наших дней. Это своего рода генеральные тенденции, которые отнюдь не означают, что не было разного рода непосредственных взаимодействий двух соседних, сталкивающихся и противоборствующих литературных эпох (что, впрочем, здесь уже отмечалось).

сообразнее оперировать понятием переломов как очередных этапов формирования целостной структуры в ее зрелом, завершенном виде.

Само появление новой структуры как результат качественного скачка (перелома) отнюдь не означает смены направлений, господства новой тенденции (количественный аспект), а следовательно перелома в действительности (художественной практике) литературного процесса, то есть не означает начала нового этапа в литературной жизни и литературной культуре, когда исключается ведущая роль или даже само наличие других явлений, связанных с предшествующей эпохой. Именно в этой связи следует особо подчеркнуть и ограничить лишь качественным аспектом понятие перелома. В количественном же отношении процесс накопления нового всегда растягивается во времени, что обусловлено не только определенной общественно-исторической и собственно литературной ситуацией, но и сугубо психологическими факторами: новое нужно понять, к новому нужно привыкнуть¹⁷. Поэтому между появлением нового направления и его преобладанием всегда лежит определенная полоса времени.

По меньшей мере, проблематично говорить о переломе там, где возможно лишь постепенное распространение нового в мировосприятии, литературе, литературной культуре.

Исследователи, оперирующие понятием перелома в периодизации истории литературы, фактически искусственно вычлениают «свой» (т. е. тот, которым они занимаются) период — например, романтизм — из общего русла литературного процесса и абстрагируют его как от собственно литературной реальности исследуемого периода, так и от литературной культуры. Может быть, схема такого рода помогает изучению данного явления самого по себе. Однако с точки зрения литературного процесса в целом, предшествующей и последующей истории литературы, такой своего рода кантианский подход к литературной эпохе как к «вещи в себе», как к явлению внутренне однородному, адекватному лишь одному из существующих на данном отрезке времени направлений, кажется проблематичным. Проблематичным, ибо он упрощает (сужает) литературную реальность, а особенно первый этап существования «нового» в облики «старого», «нового» перед лицом «старого», «нового» вопреки «старому» и связанные с этим особенности литературной жизни и закономерности литературного развития.

Рассматривая смежные «старую» и «новую» структуры в истории литературного процесса, следует учитывать диалектичность связи (а не абсолютизировать ту или иную из составляющих ее противоположностей).

¹⁷ Так же и поэтому проведение аналогии между собственно литературным и социальным процессом весьма рискованно. В социальных процессах возможны — и характерны — в разные периоды истории не только эволюции (постепенное обретение нового качества), но и революции (скачкообразное развитие). Причем эволюционное и революционное здесь может проявляться (и проявляется) в своем «чистом» виде. В литературе в силу самой специфики этих явлений (что было рассмотрено здесь ранее) такое не наблюдается. Так называемое ускоренное развитие, например, чешской, словацкой, южнославянских литератур периода национального возрождения (конец XVIII — середина XIX в.) отнюдь не аналогично перелому: это более интенсивное развитие, своего рода наверстывание упущенного (в сопоставлении с ведущими литературами Европы) в краткие исторические сроки. В этом отношении, если речь идет о Польше (а во многом аналогичная ситуация была и в России), подобный процесс наблюдается во времена Просвещения, когда польская литература в поистине бурном темпе осваивает новые ценности и достигает зрелости в течение двух-трех десятилетий, тогда как в ведущих литературах Западной Европы история аналогичных художественных тенденций (классицизм) насчитывала уже свыше ста лет. Естественно, следует учитывать, что это стало возможным благодаря вековому развитию классицизма в европейской литературе, частью которой является литература польская. Польские художники обращались к свершениям Западной Европы в их зрелом, развитом виде, используя это и одновременно опираясь на развитые национальные традиции.

Новое — результат количественного (в рамках старого) нарастания, достигшего «критической массы». С этой точки зрения развитие творчества Мицкевича от первых юношеских стихов до «Баллад и романсов» является собой звенья эволюции, приведшей к качественному перелому. «Баллады и романсы» — не разрыв звеньев истории литературного процесса, а появление качественно иного звена, посредством которого прошлое не отсекается от литературного будущего — открывающейся новой перспективы развития, а по-новому подсоединяется к нему. Это особо следует принимать во внимание, ибо традиционная концепция перелома фактически снимала проблемы взаимодействия качественно разных структур непосредственно предшествующего «старого» и возникающего «нового». Расщепляя на составные части диалектику конструктивного и деструктивного, эволюционного и революционного в развитии литературного процесса, редуцируя ее до деструктивности по отношению к «старому» и революционности по отношению к литературному процессу, поборники этой исследовательской тенденции констатировали лишь простую смену направлений, рассматривая их как взаимонепроницаемые. Однако литературная действительность сложнее этой схемы, которая не учитывает как хронологию историко-литературных явлений «старого», так и связанную с ней диалектику взаимодействия разных направлений, их изменения, взаимообогащение, а в этой связи и своеобразное возрождение старого в новом и нового в старом. Плодотворность этого взаимопереплетения отражена в шедеврах Гете, Байрона, Пушкина, Мицкевича. Просветительский классицизм и романтизм в своем взаимодействии породили здесь эпохальные для европейской литературы явления, которые до сих пор приковывают внимание исследователей и отнюдь еще не исчерпаны в плане научно-аналитическом, не говоря уже об их жизненности и близости разным поколениям читателей на протяжении вот уже полутора столетий.

Итак, в свете фактов истории литературы проблематика стыка литературных эпох оказывается несравненно богаче и сложнее, нежели она предстает в категориях традиционно трактуемого перелома. Упрощая особенности развития собственно литературного процесса, такого рода концепция упрощает и проблематику связи литературы с общественной действительностью, ибо аналогизирует качественно разные явления¹⁸. Общественно-политическая история, действительно, характерна резкими сдвигами, потрясениями, переворотами. И литература не только отражает их в сфере идейной, тематической — они сами влияют на судьбы литературы и ее роль в духовной жизни. Однако их воздействие опосредованно и уже по этой причине не сиюминутно¹⁹. Потрясение, вызванное восстанием 1863 г., и последовавшие после его подавления социально-политические перемены, несомненно, отразились на литературе. Но тогда ли произошел перелом? И был ли он? Новые художественные тенденции, равно как и перемещения в жанровой иерархии (выдвижение на первый план прозаич-

¹⁸ Развитие литературы, связанное с общими историческими судьбами определенного общества, в то же время обуславливается своими внутренними закономерностями. Отсюда и отмеченное в свое время К. Марксом несовпадение в эволюции общества и искусства: «Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета не находятся ни в каком соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 736). Ср. также суждение Ф. Энгельса, который, отмечая общий упадок Германии времен континентальной блокады, в то же время констатировал: «Эта полоса наиболее униженной внешней зависимости совпадает с блестящим периодом в области литературы и философии и с наивысшим расцветом музыки в лице Бетховена» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. т. X, с. 348).

¹⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 7.

ческих жанров и прежде всего — романа) зарождаются задолго до 1863 г. и представлены целым рядом имен, среди которых степенью таланта и ролью в литературе выделяются Ю. Коженевский, З. Качковский, Т. Т. Еж, Ю. Дзежковский, а прежде всего — Ю. И. Крашевский, которого Прус, Сенкевич, Ожешко, Конопницкая — новое поколение, представляющее новый литературный период, — считало своим предтечей. «Как ветви от дерева, так и мы берем от него начало», — писала Ожешко²⁰. Крашевский был крупнейшим представителем реалистических тенденций, развивающихся в Польше (как и в европейской литературе) параллельно, во взаимодействии с романтизмом, а одновременно и в противопоставлении ему. Это ощущали продолжатели тенденций ранней реалистической прозы, последователи философско-эстетических устремлений, получивших наиболее совершенное воплощение в творчестве Крашевского. С их именами связано создание классических образцов польской реалистической литературы. Для теоретического и историко-литературного самосознания этой плеяды и ее отношения к предшествующей реалистической традиции (современной романтизму и противопоставляющейся ему), знаменательны суждения Ожешко: «Крашевский видится нам как проводник, способный смотреть далеко вперед и чувствовать надвигающиеся шорохи будущего... Вырвавшись из тисков интеллектуальной и общественной рутин, ... именно Крашевский создал широчайшие и прочнейшие основы современного польского романа. В те времена, после кратковременных колебаний он смело и решительно обратился лицом к природе и правде, к действительной жизни природы и людей. Отсюда он полными пригоршнями начал черпать для своих романов фон, персонажи и идеи. Он разглядел и доказал, что не переносясь в зачарованные края сверхъестественных и невероятных явлений, в каждом месте реального мира можно найти красоту природы, а в груди и доле каждого, даже обыкновеннейшего человека открыть драму и жизненный урок.

Юзеф Игнаций Крашевский несомненно является создателем современного польского романа... Что же касается нас..., то прежде чем начать писать, мы учились читать и мыслить по книгам, написанным Крашевским... Приходя, мы уже обрели часть литературы, *им* взлелеянную и в высшей степени усовершенствованную; общество, для которого мы желали работать, *им* приученное прислушиваться к нам; мы встретились с уважением к умственным работникам, *им* заработанное, и склонность общества терпеливо выслушивать новых людей и вещи новые, склонность, которую в широких кругах *он* выработал»²¹.

Эти суждения представляют интерес не только как отношение благодарных учеников к мэтру, но и последователей к предшественникам, представителей эпохи зрелого реализма к тем, кто, преодолевая воздействие романтических авторитетов и сформированных ими читательских вкусов, прокладывал пути новой литературной школе, обращался к иным темам, мотивам, проблемам, вводя новые аспекты художественного видения действительности, а одновременно перевоспитывая читательскую аудиторию, создавая основы новой литературной культуры. Эти суждения интересны и тем, что в них уже содержится оценка того, что было сделано — в ли-

²⁰ «Książka jubileuszowa dla uczczenia pięćdziesięcioletniej działalności literackiej J. I. Kraszewskiego». Warszawa, 1880, s. 43.

²¹ Ibid. (Подчеркнуто Ожешко). К этому следует добавить, что приблизительно в те же годы можно было встретиться с мнением, согласно которому первым представителем реализма в Польше был Т. Т. Еж. Ср. H. B i e g e l e i s e n. Teoria i technika powieści. «Prawda», 1883, № 38. «На нашей буйно разросшейся романтической ниве не ощущается недостатка в талантах. Реалистическое направление, начатое Ежем, приносит все более и более зрелые плоды, которыми мы можем похвалиться... даже за границей».

тературе и обществе — ранними реалистами одновременно с романтизмом и вопреки ему.

Нет оснований говорить и о младопольском переломе, учитывая, что и после 1890 г. продолжают творить как крупнейшие представители польской реалистической школы (по-прежнему пользующиеся литературным и общественным интересом), так и их последователи, что не могло оставаться без последствий также и в сфере литературной культуры.

Младопольские тенденции постепенно — с начала XX века — становятся количественно преобладающими. Но в связи с этим может ли 1918 г. при всей условности его трактовки как даты, не означающей моментальную перемену, считаться концом младопольского периода?

Создание независимого польского государства — значительнейшая веха в социально-политической истории и духовной жизни, что естественно, нашло отражение и в художественной литературе. Однако качественные и количественные изменения в литературном процессе и литературной культуре наступают гораздо позднее.

Говорить об относительном весе — не преобладании — новых и новаторских тенденций (прежде всего в поэзии), можно лишь начиная с 30-х годов. Младопольские же тенденции после 1918 г. не только отмирали, но и развивались как в творчестве писателей старшего поколения во главе с Жеромским, так и молодых, например, Ивашкевича²².

С определенным основанием можно говорить о присутствии Молодой Польши в течение всего межвоенного двадцатилетия, причем речь идет как о литературе, так и о литературной культуре, сфере читательских вкусов. Особый вопрос — влияние, трансформация, развитие на иной основе некоторых тенденций или отдельных элементов, характерных для младопольского периода, в творчестве литературных группировок (например, Скамандр) или направлений (экспрессионизм). Что же касается присутствия Молодой Польши в ее «чистом виде», то здесь можно отметить постепенное количественное ослабление с 30-х годов.

Итак, литература и литературная жизнь «послепереломного» периода (после рождения новых явлений) не нечто целое: это (если обратиться к примеру межвоенного двадцатилетия) сосуществование во времени разных тенденций, из которых одни — новые — характерны своим динамизмом (наиболее яркий пример — Краковский авангард), другие, вспыхнув, сравнительно быстро исчезают или контаминируются с другими тенденциями (футуризм, сюрреализм), иные, как Молодая Польша — медленно и постепенно увядают, в то же время питая отдельными своими свершениями другие течения.

В новом своем качестве выступает реализм, который в классическом, свойственном литературе XIX в., образе продолжал существовать и во времена Молодой Польши (а также и во взаимодействии с ней: наиболее яркий пример — поздняя проза Ожешко). Теперь же его эволюция с одной стороны была связана с продолжением и углублением национальных традиций, критического реализма (высшие свершения периода межвоенного двадцатилетия — творчество М. Домбровской), а с другой — тяготение к документальному фиксированию социально-значимых явлений действительности. В польской критике эта тенденция получила название «аутентизм» и была связана в области жанров прозы с творчеством группы «Предместье», а в поэзии — с художниками, группирующимися вокруг издаваемого С. Черником журнала «Округа поэтов». Явление особого плана — революционная струя в литературе, связанная с развитием и рас-

²² Ср. R. Przybylski. Eros i Tanatos. Proza Jaroslawa Iwaszkiewicza. 1916—1938. Warszawa, 1970.

пространением новых идей в польском обществе, стремлениями к его радикальному преобразованию.

Тем самым можно констатировать параллелизм, сосуществование, взаимодействие и борьбу разных литературных тенденций (что, естественно, способствует изменениям и в сфере рецепции, в литературной культуре), а не перелом, означающий резкую смену «старого» новым.

Смена литературных направлений, составляющих литературную эпоху (этап литературного процесса) происходит постепенно, по мере качественного развития и количественного нарастания нового, вытесняющего старое. Поэтому определенная дата перелома в периодизации может рассматриваться лишь весьма условно. Применение же самого этого фактора в периодизационной схеме представляется весьма проблематичным, не только ввиду традиционной его трактовки, но и в силу самой его специфики (явление революционное в своем качестве, но эволюционное в количественном отношении). Поэтому представляется целесообразным оперировать понятием переходного (или, учитывая внутреннюю сущность, совмещенного) периода, что более наглядно отражает сочетание революционного (качество) и эволюционного (количество). Снятие категории перелома в его традиционной трактовке и оперирование понятием совмещенного периода означает не только приближение рабочей исследовательской схемы к реальным фактам литературной истории, но и, в связи с этим, исследование литературных направлений как 1) сосуществующих во времени и как 2) взаимопроницающих и взаимодействующих, а не существующих изолированно.

В определенных фрагментах литературного процесса развивающееся новое существует одновременно с отмирающим старым. Это характерная черта переходного периода, являющегося заключительной стадией старого, а одновременно вступительной фазой распространяющегося нового. Количественное нарастание нового постепенно приводит к его преобладанию, что знаменует уже наступление следующего этапа, когда новое является ведущим не только в качественном отношении, но и в количественном.

Здесь мы уже вступили в круг вопросов, связанных с периодизацией²³. Проблема периодизации — это не только вопросы упорядочения фактов реальности, но и сам характер их рассмотрения, предлагаемые пути исследования и тип синтеза эпохи. Поэтому периодизационная схема — и отражение, и конечный результат определенного методологического подхода к литературной истории, а в то же время — в силу действия законов обратной связи — детерминант, предопределяющий логику исследования и саму специфику исследовательского подхода в процессе использования данной конкретной схемы.

Каждая периодизация условна, ибо связана с тем или иным аспектом рассмотрения действительности: например, литература как отражение социально-исторических идей и процессов; литература как продукт меценатства или культурной политики; литература как явление культуры; литература как художественный процесс. Суть проблемы в том, чтобы схема в возможно наиболее максимальной степени приблизилась к образу одной из выбранных в качестве объекта исследований граней действительности и отражала ее специфику. Если исследовать литературу как таковую т. е. как особое, специфическое явление культуры, то такой действитель-

²³ Этим проблемам посвящены статьи: A. W. Lipatow. Kalendarze literatury (O periodyzacji historycznoliterackiej). «Teksty», 1973, № 3; е го же. Проблемы периодизации литературы польского Просвещения. «Советское славяноведение», 1971, № 3; е го же. Периодизация литературы польского Просвещения. Там же. 1972, № 6.

ностью, а следовательно — объектом литературоведческого изучения — является литературный процесс²⁴, внутренние закономерности которого обуславливают его эволюцию — развитие художественного видения, художественного мировосприятия, рождение новых поэтик, направлений и школ, рождение новых жанров, сюжетных типов, их развитие и изменение соотношений и роли в общей эволюции литературы, изменения и развитие системы литературного языка, сопровождающиеся изменениями во внутреннем соотношении, роли и значении отдельных художественных элементов, их экспрессивных и философско-познавательных функций. Познавание сущности этих явлений, их взаимосвязей и развития означает познание истории и специфики развития литературного процесса. Следовательно, именно эти явления должны выступать как основные факторы и критерии литературоведческой периодизации — периодизации, отражающей в аспекте исторической поэтики²⁵ внутреннюю сущность литературного процесса²⁶.

²⁴ Ср. А. И. Белецкий. Проблемы периодизации литературного процесса. В кн. А. И. Белецкий. Избранные труды по истории литературы. М., 1964; с. 427; Н. Магкиевич. Przekroje i zbliżenia. Warszawa, 1967, s. 11 i n.

²⁵ В этом отношении особый интерес представляет работа М. Гłowinski. Powieść młodopolska. Studium z poetyki historycznej. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1969. Об этой книге см. А. Липатов. Роман Молодой Польши в аспекте исторической поэтики. «Советское славяноведение», 1973, № 2.

²⁶ В основу этой статьи положены материалы моего доклада на польско-советской конференции, проходившей в Варшаве в 1974 г. См. «Literatura polska i rosyjska przełomu XIX/XX wieku». Warszawa, 1978.

Н. ЗЛЫДНЕВА

ПРИРОДА И МИФ В МЕМОРИАЛАХ АРХИТЕКТОРА Б. БОГДАНОВИЧА

Традиция воздвижения памятников погибшим героям в наши дни приобрела идеологическое звучание. Искусство мемориального ансамбля — архитектурно-скульптурного жанра, призванного донести до потомков грозное дыхание героической антифашистской борьбы в годы второй мировой войны — не утрачивает своей глубокой актуальности и сегодня. Неустанные поиски новых форм художественного воплощения этой великой темы в последнее десятилетие развиваются особенно плодотворно. Наиболее значительный вклад внесен художниками Советского Союза и европейских стран социализма, а среди них — Югославии. На этой земле, где события кровопролитных боев с оккупантами переплелись с судьбами победоносной социалистической революции, многовековая традиция борьбы народов за свое национальное и социальное освобождение определила памятнику, мемориалу-кургану, монументу на могиле героя одно из центральных мест в общей структуре жанров.

Современный монументализм Югославии богат и разнообразен. Заслуженное признание получили произведения известного загребского скульптора Душана Джамони: памятник на горе Козара, ансамбль в честь Сремского Фронта и другие. Интересные решения мемориалов были предложены хорватским архитектором Зденко Колацио, скульптором из Белграда Миодрагом Живковичем, мастерами Словении — Стояном Батичем, Славко Тихецом. На фоне многоголосия концепций и направлений особого внимания заслуживает творчество одного из ведущих в Югославии архитекторов-мемориалистов Богдана Богдановича. Родившийся в Белграде в 1922 г. в семье известного в Сербии литературного критика Милана Богдановича, Б. Богданович ныне — профессор кафедры градостроительства Белградского университета. Педагогическую деятельность он успешно сочетает с практикой сооружения мемориалов. Продуктивность архитектора в сфере мемориального зодчества очень велика: за четверть века им было воздвигнуто 17 памятников — обширных ансамблей и единичных монументов. Велико и общественное признание мастера: Богданович — член сербской Академии наук и искусств, обладатель многих отечественных и зарубежных наград за работы в области архитектуры, почетный гражданин ряда городов Югославии.

К творчеству этого мастера обращались известные искусствоведы Югославии — Миодраг Б. Протич, Катарина Амброзич, Шофка Цобель, Душан Джокич, в статьях которых содержится критический анализ мемориалов архитектора. Отдельные произведения Богдановича были описаны и в советской периодике: мы имеем в виду прежде всего работы

И. Азизян, О. Швидковского, В. Белоусова. Однако целостного рассмотрения искусства югославского архитектора сделано до сих пор не было.

Произведения Богдановича представляют большой интерес для исследователя. Они глубоко оригинальны по концепции, обладают необычной выразительностью формы. Отличительной особенностью творческого видения художника является стремление философски осмыслить события истории: это и дань времени, бег которого стирает остроту факта ради высветления общих процессов развития человечества, это и характерное для самого склада личности архитектора тяготение к «вечным» образцам жизни духа, к поискам этических основ существования. Произведения мастера лежат на стыке различных видов изобразительного искусства — скульптуры, графики, архитектуры — и представляют собой особую, насыщенную символами среду. Расположенные вдали от шумных городов и транспортных магистралей, эти ансамбли напоминают японские философские сады, они подобны греческим священным рощам, где житель душных полисов искал прохлады и предавался размышлениям. Идея торжества жизнетворного начала над смертью опирается на образ циклического становления мира, образ естественной природы, слитый с символической преемственности культурной истории человечества, что выражено в свободном слиянии элементов стилей древних эпох. Раскрыть глубинный импульс творческой индивидуальности этого художника — значит показать своеобразие путей мифологизации истории и очеловечивания природы, определяющих «ткань» мемориалов.

Б. Богданович принадлежит к типу художников-мыслителей, архитекторов интеллектуального склада. Зодчество для него существует прежде всего в своем глубоком духовном значении. Архитектура — это специфический способ освоения мира, образ мышления, метод определения пространственно-временных и нравственных координат человеческой жизни. Эстетико-философские взгляды Богдановича ясно проявились в его литературном и научном творчестве — художественно-критических эссе по вопросам современной архитектуры, исследованиях по истории градостроительства. Однако областью, где архитектор способен наиболее полно выразить свою систему миропонимания, комплекс художественных и нравственно-философских идей, для Богдановича является мемориальное зодчество.

Созданные произведения сложно преломляют в себе воззрения Богдановича, порой вступая с ними в напряженный диалог. «Мои памятники, — признавался зодчий, — были для меня самого моделями познания, а их строительство всегда обладало качеством ритуала, ритуала пробужденного сознания»¹. «Пробуждение сознания» современного зрителя — главная задача художника. Залог ее выполнения архитектор видит в возрождении духовных корней древнего искусства, увековечивающего славу погибших героев.

Богданович трактует памятник прежде всего как атрибут и пространство некоего символического действия, своего рода «тайнства», опирающегося на систему славянской народной обрядности. Ориентация художника на пласты нерегламентированной культуры древности — язычество и так называемое «антихристианство»² — вызвана его общим пантеистическим мировосприятием, близостью к течению неоромантизма в искусстве современности.

¹ Из интервью, взятого критиком Д. Джокичем. См. D. Đokić. *Povodi za jedan razgovor o značenju arhitekture*. «Umetnost», 1970, № 37, Beograd, s. 36.

² См. Н. И. Голстой, С. М. Голстая. К реконструкции древнеславянской духовной культуры. В сб. *Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов*. М., 1978, с. 364—365.

Коль скоро интонация обрядовости определяет сущность мемориального образа в творчестве Богдановича, высший уровень восприятия его произведений предполагает прочтение символики изначальных категорий человеческого бытия, времени, культурного наследия. Тему памяти героев-антифашистов автор стремится раскрыть в ее архетипическом звучании. Природа — «богиня памяти» — и некие устойчивые формы человеческого сознания, проявляющиеся в мифологизации мира — составляют двуединую сущность мемориального символа в понимании Богдановича. Эти слои образной структуры мемориалов наглядно проявляются в семантике произведений.

Все многообразие природных связей в мемориалах Богдановича выражено в системе значений пространственно-пластической организации. Структуру их художественной формы определяет принцип органичности. Рассмотрим это на конкретных примерах.

Решения планировочной композиции ансамблей многообразны: здесь и мемориалы с доминантой главного монумента (такие, как памятник Революции на Косовской Митровице, ансамбль на месте бывшего фашистского концлагеря в Ясеноваце 1966 г.), и мемориалы небольших размеров, состоящие из группы подобных пластических элементов (например, партизанский некрополь в Прилепе 1961 г., некрополь жертв фашизма в Травнике 1971 г., памятник народно-освободительному движению в городе Бела Црква 1971 г. и др.). Особую группу составляют ансамбли широкого пространственного охвата, своего рода симфонии в камне: партизанский некрополь в городе Мостар (1965), партизанское кладбище в Штипе (1974), памятник истории борьбы за освобождение Сербии в 1804—1945 гг. в Княжеваде (1971). Общий принцип планировочной композиции в различных мемориалах — живописная свобода, стремление к сохранению и подчеркиванию природного рельефа местности. В этом отношении интересен метод работы архитектора: руководствуясь лишь общими эскизами, он вместе со своими помощниками производит расстановку скульптуры непосредственно на месте. Такой прием способствует усилению функциональной пластичности внутренней структуры, придает живую лабильность графике движения.

Ведущая роль в организации художественной формы мемориалов Богдановича принадлежит пространству. Ансамблям присущи открытость, слитность и непрерывная текучесть пространства. Распахнутые миру и сами представляющие как бы сгусток среды, в которой они находятся, мемориалы вбирают в себя все стихии окружающей природы: небо, землю, воду, горы. Между внутренним и внешним пространством ансамбля образуется настолько нерасторжимая и вместе с тем подвижная связь, что памятники сами становятся неким творением органического мира, живым существом в пейзаже. Так, напоенные солнечным светом, чистым горным воздухом и простором символические урны мемориала в Прилепе словно рождены самой природой. Взаимосвязь архитектурной среды с природным окружением — это главный мотив и мемориала и всего творчества Богдановича.

Однородное, свободно перетекающее пространство ансамблей лишено статичности. Интересно решение полного динамики партизанского некрополя в Мостаре (рис. 1).

Он расположен на склоне холма, подобно амфитеатру, обращенного к городу, и состоит из нескольких террас, связанных между собой пешеходными дорожками в виде серпантина. На террасах размещены символические партизанские захоронения и более 12 000 профилированных каменных деталей, декоративных люнет и консолей. Комплекс включает в себя систему гидротехнических сооружений: большой фонтан у подно-

жия памятника, водоотводные каналы вдоль пешеходных дорожек и так называемый водный орган — широкий канал с ребристым дном, который озвучивает струящийся по нему поток воды. Противопоставление бегущего вниз ручейка движению зрителя, поднимающегося вверх, задает первоначальный импульс энергии, которая сообщается всему ансамблю. Его подхватывает и развивает ритм вертикально профилированных стенок и

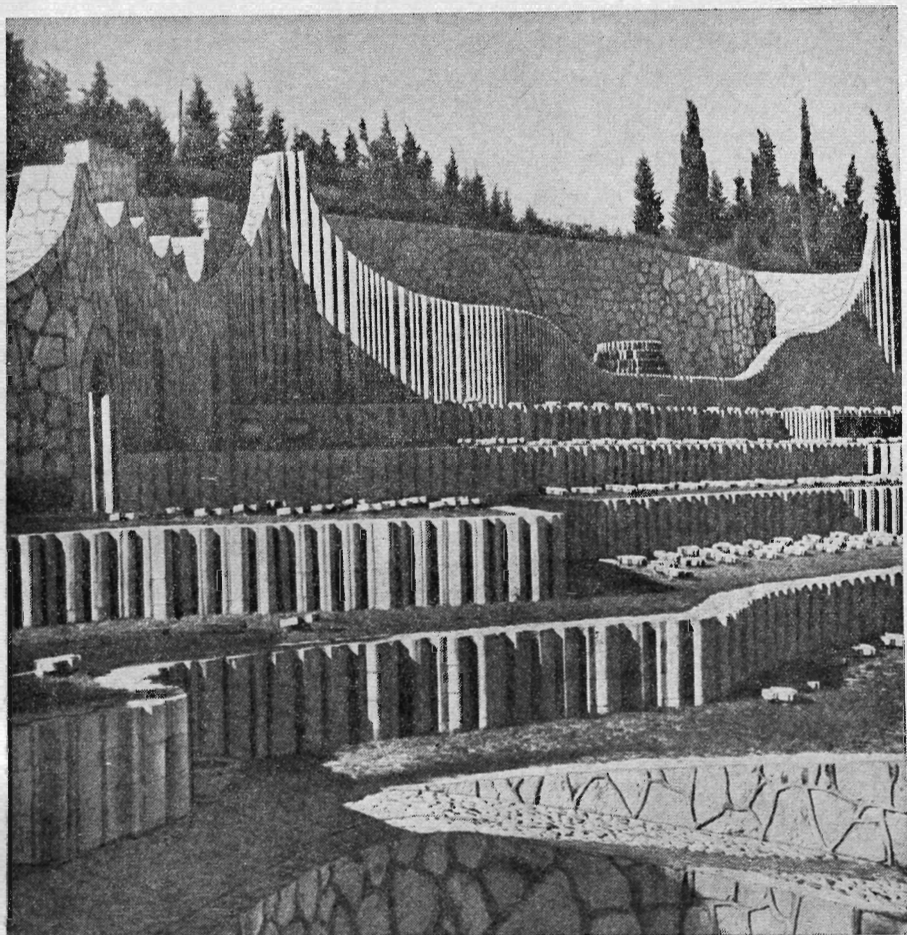

Рис. 1 Партизанский некрополь в Мостаре. 1965

бордюров террас. Многоосевое по своей направленности, замедленное и растекающееся у подножия холма пространство получает все большую организованность, однозначность и динамику по мере подъема и, наконец, наверху сжимается в прочных оковах каменных стен (рис. 2). С вершины монумента, где расположены кенотафы, широкой панорамой открывается вид на весь склон: слои террас членят ансамбль по горизонтали, противопоставленной ритму вертикальных каннелюр и ступеней, а плавный бег серпантина, очертания водоемов своими округлыми формами придают всей композиции мягкую пластичность. Множество неожиданных ракурсов, которыми изобилует подъем, создает пульсацию пространства. Текучая эластичность его структуры сродни пластике, с которой простран-

ство на всем протяжении пути вступает в сложную игру, порой сливаясь с нею в нерасторжимое целое. Это взаимопроникновение двух организующих начал в ансамбле заставляет вспомнить характер интерьеров барокко и вызывает несомненные ассоциации со стилистикой архитектуры Сецессии. По замечанию И. А. Азизян и И. В. Ивановой, «мемориальное кладбище-парк партизан в Мостаре — пример пластического единства всех моделирующих пространство форм, удивительной гармонии воды и кам-

Рис. 2 Партизанский некрополь в Мостаре. Фрагмент

ня, природы и особой эмоциональной среды, созданной архитектором-скульптором»³.

Наряду с типичным для Богдановича принципом соответствия ансамбля природе, мы встречаем здесь также характерную тенденцию уподобления памятника городу. Верхние террасы ансамбля представляют собой лабиринт узких улочек среди высоких и глухих стен, прорезанных строгими остроугольными порталами. Все это рождает атмосферу средневекового приморского городка, каких немало можно найти и теперь на побережье

³ И. А. Азизян, И. В. Иванова. Памятники вечной славы. М., 1976, с. 174.

Адриатики. По мере возвращения вниз стены мифической крепости постепенно тают, и она превращается в мемориальный парк, наполненный блеском журчащей воды, зеленью травы и белизной каменных гробниц. Желание связать образ мемориала с темой городского ансамбля ощутимо и в решениях других произведений, например, в памятнике в Княжеваце, который задуман в виде группы известняковых стел-саркофагов, трактованных как пластические идеограммы дома, жилища мертвых (рис. 3).

Очевидно, архитектор стремится к подаче каждого мемориала как микроструктуры определенного культурного амбиента — среды, вырванной

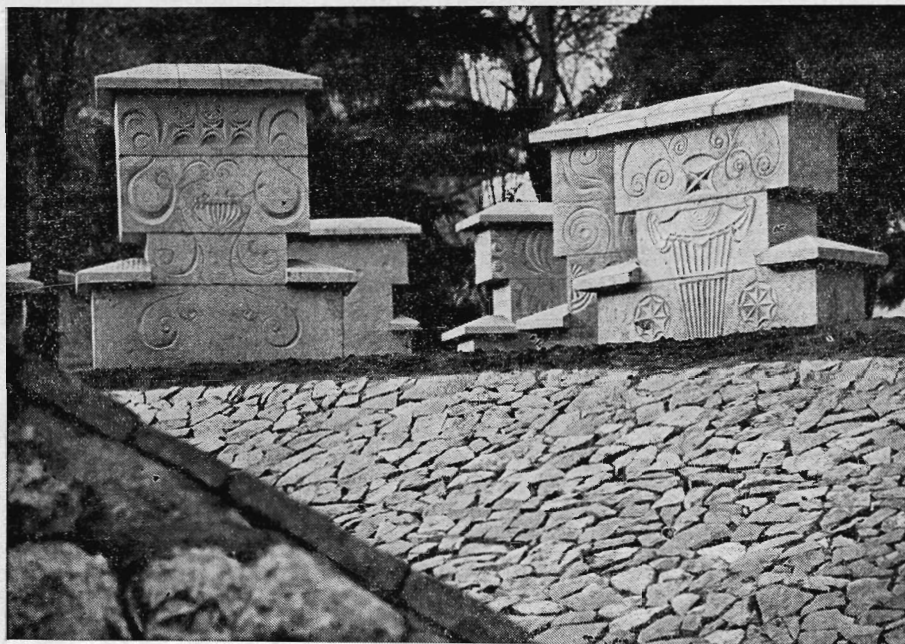

Рис. 3 Памятник истории борьбы за освобождение Сербии в 1804—1945 гг. в Княжеваце. 1974

из привычного горожанину урбанистического контекста и создающей новую, последовательную и гармоничную систему пространственных отношений. Обладающая органической связью с окружающей природой, мягкой эластичностью композиционной структуры, слитностью текучего пространства, эта система обращена к личности, обретающей себя в союзе с природой.

Пластика мемориалов Богдановича совмещает в себе мемориальную скульптуру и архитектуру малых форм традиционных надгробий. Она отвлеченна по форме: в памятниках отсутствуют элементы повествования о событии, произошедшем на данном месте, здесь нет ни документальных фрагментов, ни фигуративных композиций. Вместе с тем, скульптура лишена абстрактной неопределенности. Богданович создает особую художественную реальность памятника, опираясь на ассоциативно-метафорические основы изобразительных форм.

Чаще всего мастер заполняет поле ансамбля идентичными или подобными пластическими элементами, развивая и многократно повторяя тем самым главный изобразительный мотив памятника. Например, в ансамбле

Прилепа пространство заполнено одинаковыми белокаменными скульптурами в рост человека, напоминающими мемориальные урны. Мультипликативная композиция создает в восприятии зрителя акцент не на тактильно-пластических свойствах каждого из элементов, но на их иконографии. Мотив повтора знаменателен и в другом отношении: в визуальной форме он фиксирует обязательное для обряда условие «заговора»: ряд однородных элементов — это перенесение архитектором в физическое бытие мемориала одного из «грамматических правил» обряда и отражает народные поверия, согласно которым магическую силу обряду придает многократность действия в его вербальном или акционарном выражении.

Выбор формы пластических объектов обусловлен прежде всего типом природной и культурной среды, в которую помещен мемориал. Стремление к гармоничной связи с окружением, художественному оформлению и истолкованию амбиента средствами пластики определяет главные усилия архитектора при построении ансамбля. По мнению автора, памятник должен «уходить корнями» в родную почву, вырастать из нее. Лишь при учете морфологии среды он из временного сооружения может превратиться в вечный символ. Народной, земледельческой культурой крестьян, например, вдохновлен мемориал в городе Бела Црква, «выросший» на плодородной черноземной почве Сербии. Он состоит из грубо обработанных гранитных столбиков, доходящих человеку до пояса. Эти блоки, ассоциирующиеся с фигурами воинов, украшены условно обозначенными пилотками с чуть заметной на них орнаментикой (изображены цветки, которые по народному обычаю новобранцы прикалывали к шапке). Интимные размеры и упрощенность форм пластики соответствуют быту и всему незатейливому миру поселка, на территории которого размещен мемориал: в памяти встают придорожные столбики и нехитрые стелы сельских кладбищ, типичные для этих мест.

Низкий рельеф (например, в мемориалах Лесковаца, Травника, Княжеваца), способ обработки поверхности камня по типу деревянной резьбы, общие закономерности построения силуэта пластического тела образуют самостоятельную область деятельности Богдановича — своеобразную архитектурную графику.

В пластике ансамблей Богдановича, при всем многообразии ее видов, материала и характера размещения в пространственной среде, всегда ясно проявляется архитектурный способ мышления. В логике формообразования доминируют пространственные категории, а типичные для традиционной скульптуры принципы лепки массой отодвигаются на второй план. Главные функции пластики выражаются в структуре организации пространства ансамбля. Доминирует система отношения масс, в то время как пластические качества самих объектов обозначены значительно слабее, проявляется тенденция к подчеркиванию графичной плоскости блока. Пластику составляющих ансамбль скульптурных элементов вытесняет пластика пространства. В Ясеноваце — мемориале из одной скульптуры — эти особенности архитектурного видения Богдановича проявились наиболее определенно.

Комплекс в Ясеноваце, сооруженный в 1964—1966 гг. на месте крупнейшего в Югославии фашистского концентрационного лагеря, расположен на большой равнине площадью около 35 га (пейзаж под защитой — 50 га). Он включает в себя главный монумент — огромный «цветок» из напряженного бетона (рис. 4), подводящую дорожку, два озера и искусственные насыпи — курганы. Монумент состоит из крипты — внутренней части кургана, на котором воздвигнут памятник (в ней находятся бассейны и шесть ниш с вечно горящим огнем), а также ствола, несущего шесть лепестков-крыльев. В широких равнинных просторах памятник активно

фиксирует внимание зрителя. Он — точка отсчета, начало и конец движения.

Выразительная по пластике, хотя и не лишенная некоторой манерности фигура гигантского цветка является плодом сложных математических расчетов архитектора. Сам скульптор видит в ней готический свод, обращенный основанием в небо⁴. Откровенностью своей конструкции, нарочитой шершавой грубоватостью поверхности, где сохранились следы опалубков, монумент обнаруживает воздействие на архитектора стилистики

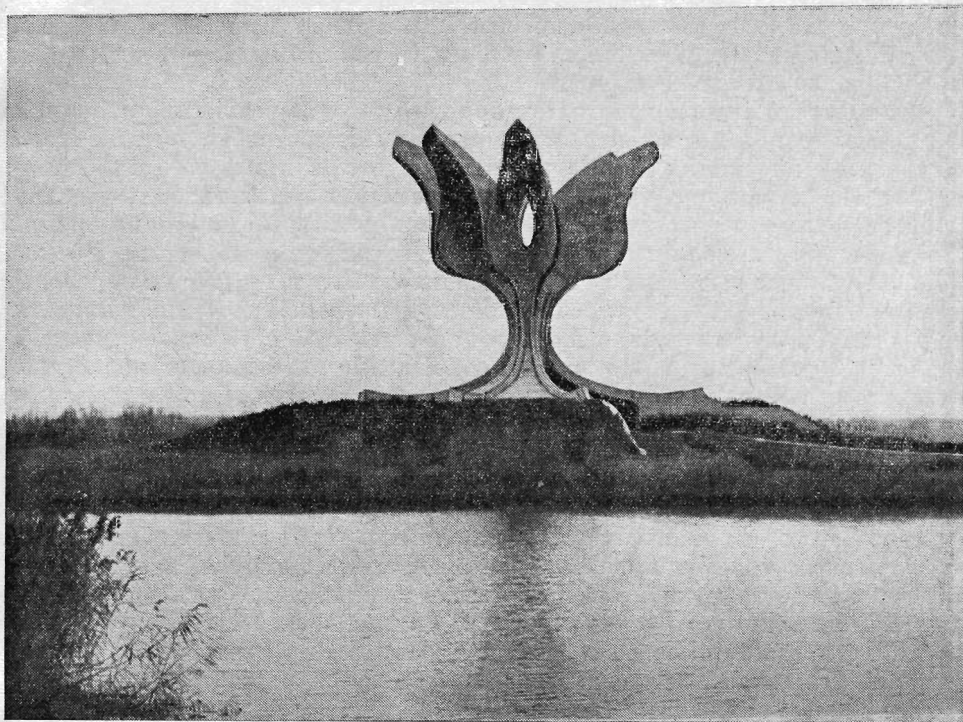

Рис. 4 Мемориал на месте бывшего фашистского концлагеря в Ясеноваце. 1966

«Нового брутализма». Вдохновленный формами растительного мира, мастер создал своего рода храм во славу жизнеутверждающей природы. Цветок Ясеноваца является удачной попыткой совместить структурную расчлененность внутреннего пространства скульптуры с единством формы.

На основе расширения представлений о границах традиционных видов искусства (скульптуры и архитектуры) Богданович создает в своих мемориалах целостный пространственно-пластический организм, новую среду обитания. Это — система замкнутых форм, где ведущая роль принадлежит не их пластическому инварианту, массе, но связке, отношению между элементами. Пространство и пластика слиты в таком органическом единстве, что следует говорить даже не о синтезе — а о тотальном синкретизме формальной структуры ансамблей. Органическое начало, столь ясно проявившееся в творческом почерке Богдановича — это, по сути дела, мир природы, увиденный глазом архитектора. Использование мотивов растений и животных, своеобразный bestiary скульптурного репертуара форм,

⁴ Высказано в личной беседе с автором статьи.

текущая пластичность пространства, склонность к живописной свободе планировки и обостренное чувство природной среды выявляют внутреннее родство зодчего с традициями романтического пантеизма. Эту систему визуальных значений следует сопоставить с семантической системой разного плана и определить меру их взаимного соответствия.

Символические поля мемориалов Богдановича, с одной стороны, обладают четко выраженной заданностью эстетической программы мастера, а с другой — содержат тенденции к предельному расширению идейно-смысловых горизонтов, размытости «сюжетного» силуэта. Для образной структуры этих памятников характерна семантическая насыщенность, интенсивность ассоциативно-игровой комбинаторики значимых элементов. Важнейшее значение для понимания искусства Богдановича имеет сам набор изобразительных форм.

Ансамбли югославского архитектора требуют от зрителя напряженной работы фантазии и интеллекта, мобилизации сотворческого усилия. Хотя фигурация в ансамблях полностью отсутствует, скульптура — изобразительна. По характеру членений, пластическим деталям большинство объектов вызывает ассоциации зооморфного и антропоморфного плана. Так, подчеркнута «зоологична» центральная фигура мемориала в Лесковаце, увенчанная волютами-рогами. Несомненной жизненностью наделены странные двуликие существа, «пасущиеся» на зеленой лужайке ансамбля в Травнике. Древних богинь плодородия напоминают каменные урны в Прилепе, а монумент в Ясеноваце совершенно однозначно уподоблен гигантскому цветку. Большинство произведений связывается с женским началом, символизирующим идею животворного обновления мира.

Вторую иконографическую струю мемориалов Богдановича образуют мотивы архитектуры. Иногда автор прибегает к прямому архитектурному цитированию (например, памятник на Косовской Митровице эмблематически передает формы дорического храма), однако гораздо чаще встречается метафорически трактованное включение в ткань мемориала отдельных «примет» зодчества древности. Источником вдохновения явилась античная архаика: мощные дорические волюты употреблены в самых различных сочетаниях (Прилеп, Лесковац, Косовска Митровица), встречается мотив меандра (Лесковац). Реже архитектор обращается к готике (Ясеновац). Но, пожалуй, сильнейший творческий импульс Богданович получает от зодчества языческого святилища. Желание уподобить свои ансамбли древним менгирам ощущуто в композиции партизанского некрополя в Прилепе, в памятниках народно-освободительной борьбы в Лесковаце и Сремской Митровице, в некрополе в Травнике и других, с их четким метрическим ритмом вертикальных каменных столбов.

Наконец, третью группу изобразительных мотивов питает народное искусство. Любовь Богдановича к фольклору очень велика и раскрывает тягу художника к выражению самого естества человеческой природы, к ее вольным творческим силам. Фрагменты национального сербского орнамента, народные символы, знаки славянской демонологии в изобилии рассыпаны по всем мемориалам. В структуре образа они несут едва ли не главную семантическую нагрузку. Важнейшее значение имеет уже сама конкретизация национального амбиента посредством элементов народного искусства. Кроме того, демонологические обозначения славянских обрядов и поверий образуют атмосферу таинственной игры. Такие изображения, как змея — символ домашнего очага, фигура воина, цветок и т. п., согласно народным поверьям, выполняют роль оберегов, но в контексте мемориала служат и косвенным указанием на тему, которой посвящен памятник — тему пограничной жизненной ситуации. В структуре образа фольклор занимает центральное место: он выступает как бы коррелятом реальности в безбреж-

ных символических просторах, и потому представляется важным остановиться на нем подробнее.

Народными представлениями проникнута уже общая трактовка мемориала: типичные для Богдановича композиции, образованные повторением в пределах единого пространства сходных или идентичных пластических объемов, помимо того, что было уже сказано по этому поводу, закономерно вызывают аналогии с сельским кладбищем, состоящим из множества самодельных каменных надгробий. Немало таких кладбищ можно встретить в окрестностях сел и провинциальных городков центральной и восточной Югославии. Непосредственная связь с национальными традициями становится очевидной, если учесть близость скульптуры этих мемориалов к древним стечакам — национальной форме надгробий, особенно распространенным на территории Боснии, Герцеговины и южной Сербии. Например, скульптура мемориала в Сремской Митровице, Лесковаце напоминает тип стечаков в виде столбов и крестов⁵. Уподобляя пластику своих ансамблей старинным изваяниям, автор, конечно, не ищет буквального повторения форм: изоморфизм между архаическим прототипом и современным памятником возникает не в плоскости декоративной выразительности, а целиком в сфере образа. Сравнение, данное архитектором лишь намеком, имеет целью направить воображение зрителя по намеченному пути развития художественной концепции, закрепить в его сознании связь монумента наших дней с древним искусством мемориала.

Формы и виды «сакральных» знаков, используемых Богдановичем, в большинстве своем принадлежат к ареалу народно-славянского языкачества. Глубокие симпатии художника к этому пласту «некнижной» культуры выразились не столько в семантике образа, сколько в символизации обрядового начала. Народный «говор» не только апплицируется Богдановичем на форму, но и пропитывает весь коммуникационный строй образа. Мемориалы Богдановича воспринимаются как сумма ритуальных сообщений, включающих в себя и полный алхимического хитроумия процесс возникновения замысла, насколько об этом можно судить по высказываниям архитектора, и церемониал сооружения памятника, и, наконец, — сам медитативный характер зрительского восприятия.

Насытить памятные места народной символикой — значит для архитектора наделить мемориалы этической точкой опоры, авторитетом нравственной силы коллективного творца, родственного самой природе. Это и романтический уход художника из «загрязненной», по его мнению, среды интеллектуального конформизма, уход в сферу «истинных» и «вечных» образцов. Фольклор в искусстве Богдановича, употребляя выражение М. Бахтина, расширяет «диалогизирующий фон восприятия»⁶ мемориалов, выступая в роли внетекстового интонационно-ценностного контекста монументальных памятников. Он углубляет и расширяет образ. Благодаря введению фольклорных элементов, архитектор смог очеловечить холодную отвлеченность форм и добиться подлинно гуманистического звучания темы. Народное как выражение природного замыкает кольцо символов, фундирующих образную структуру мемориалов Богдановича.

В сфере образа фольклору принадлежит та же роль, которую в структуре художественной формы призвана играть природа, противопоставленная городу в качестве поэтической антицивилизации. Обращение архитектора к исконным основам человеческой нравственности, желание угадать в современности закрепленные в народной культуре заветы далекого прош-

⁵ S. Bešliagić. Stećci i njihova umetnost. Sarajevo, 1971, s. 28—30.

⁶ М. М. Бахтин. К методологии литературоведения. В сб. Контекст—74. М., 1975, с. 211.

лого, поиски «истинных» духовных оснований эпической темы — все это рождает мифологическую окрашенность образа.

Миф в творчестве Богдановича характеризует общую тональность поэтики, структурные свойства мышления. Этот миф не следует смешивать с направлением социального утопизма в современной архитектуре. Мифологизм Богдановича более родствен пиროкому течению философского мифотворчества, занявшего в последние десятилетия ключевые позиции в европейской литературе, а в Югославии особенно отчетливо проявившегося в поэзии Васко Попы, Миодрага Павловича, Нико Графенауэра и других. Чем определяется мифологизм сербского архитектора?

Структурное условие мифопоэтической направленности поэтики этого художника составляют комбинаторные способности его интеллекта. Функциональное поле значимых элементов пластики достигает огромного размаха в бесконечном варьировании семантических комбинаций. Господствующее место в организации мемориального символа отводится ассоциативной связке, сравнению, операции замещения значения. Пользуясь терминологией литературоведения, можно сказать, что для Богдановича свойственно мышление тропами, перенесение значения с целью создания нового смысла. Характерным случаем проявления этой особенности является «метафоризм» — необходимый и органичный атрибут символистического искусства Богдановича.

Метафоризм мемориалов проявляется особенно явно в области семантики. В иконографии Богдановича изобразительные детали, из которых «сотканы» отдельные скульптуры или весь ансамбль в целом, связаны между собой по принципу трансформации смысла в новом контексте. Например, в Прилене элемент ордерной системы — волюта — в перевернутом виде и приставленный к «телу» пластической фигуры, образует бараньи рога, хотя и не превращается в них полностью. В другом памятнике — Сремской Митровице — столбики со стилизованными пилотками вызывают ассоциации с новобранцами, уходящими на фронт. Художественное решение мемориального ансамбля в Травнике основано на принципе скорее метонимии: целое обозначено через деталь. В данном случае художник обыгрывает одно из формальных свойств ментального восприятия — бинарность. Сочлененные по парам двуглавые фантастические фигуры, ни одна из которых не повторяет другой, образуют комплекс этого ансамбля. Бинарность оказывается здесь ведущим принципом их структуры и тем признаком, по которому зритель «относит» их к классу живых существ.

В ансамбле Мостара метафоризм развернут во всю ширину и многоплановость. В этом произведении Богдановича каждая деталь и часть несут несколько взаимопроникающих значений. Так, «горы» сравниваются со «стенами» и «стены» осмысливаются как «горы», водный поток образно передает идею быстротекущего времени и, вместе с тем, символизирует вечную жизнь природы⁷. Семантический замысел основной гробницы может быть расшифрован как поставленные друг на друга обрубки каннелированных стволов колонн — символов античной цивилизации. Так называемые «соляные знаки», рельефно выступающие на изгибающихся стенах, как бы узнаются, но не прочитываются, будто принадлежат к системе давно забытой письменности. Стилистическая трактовка этих деталей как эхо вызывает смутные воспоминания о греческой архитектуре, но никогда не вызывает к ней во весь голос.

В мемориальном ансамбле Лесковаца иносказательна сама композиция: столбики, сгрудившиеся вокруг центральной фигуры, могут интерпрети-

⁷ Значение потока — реки — может быть истолковано и в духе апокалиптической символики: скажем, как река в Эдеме.

роваться как идея лидерства, отношение ведомых и ведущего, пастыря и паствы, вождя и массы.

Тот же принцип перестановки значений имеет место и на уровне стилистики и формообразования. Метафорическое взаимопроникновение проявляется здесь через синкретизм формальной структуры, когда скульптура наделена даром архитектурной «речи», а архитектура, т. е. закономерности пространственных отношений, формирует пластику.

Ассоциативное мышление руководит и общим решением образа. Картина бытия, каким оно рисуется художнику, метафорически передается как встреча жизни со смертью, как триумфальное шествие никогда не умирающей природы. Мемориал видится как модель города, а он, в свою очередь, как модель культурной целостности.

Комбинаторная ассоциативность искусства Богдановича объясняет высокую семантическую насыщенность его поэтики. Усвоив метод характерной для мифа калейдоскопической перегруппировки мотивов, Богданович моделирует не «систему» мифов, но собственную «метамифологию» — поэтический язык демонологических и ортодоксальных символов. Соединяя мифологемы восточных религий, язычества и христианства, художник выделяет в своих мемориалах четыре стихии мироздания: огонь — воду — землю — воздух. Природа во всем неиссякаемом богатстве проявлений символически осмыслена и представлена в форме свободного проникновения в раскрытое пространство естественного мира, как взаимоперетекающие стихии. В мифологическом плане прочитывается и главный, венчающий сложное сооружение образа символ — символ циклического обновления, непрерывного движения. Миф, переданный в облике природы, представляет различные образные элементы (мемориал, город как сад и т. п.) не как конечные цели, а как процесс становления, созидания. Диалектика мира сущего и памяти об умерших реализуется здесь во всей полноте пантеистического универсализма.

Таким образом, природа и миф в мемориалах Богдановича выступают как два уровня организации художественной идеи, пронизывающей различные пласты семантики произведений. Если природа пропитывает собой пространственно-пластический организм памятника, то миф проявляется как сквозное структурное свойство. Его особенности выражены в постоянстве определенного набора оперативных схем, проявляющихся как в ментальной, так и в художественной области сознания. Интересный феномен творчества Богдановича состоит в том, что основные схемы поэтики архитектора совпадают с принципами организации материала в мифе. К ним относятся: 1) постоянство универсальной образной матрицы при переменчивости уникальных и изобразительных форм, 2) повторяемость или «тиражируемость» пластических и иконографических элементов как принцип, 3) бинарность как логический и метафорический прием, 4) акцентировка не статического, но функционально-динамического аспекта как формы, так и образа, доминирование связки, отношения.

Мифопоэтическая способность как бы включена в сам мыслительный процесс художника, отвечая его внутренним потребностям и свойствам жанра. Нейтрализуя конфликтность современности, Богданович превращает «историю» в «природу» и тем самым уходит в сторону от проблем исторических коллизий в плане их описательно-дидактической трактовки. Но независимо от намерений художника, тревожное дыхание современности проникает в замкнутый мир гармоний: в окружении бездушного техницизма и некоторой примитивной упрощенности архитектуры природа и миф Богдановича звучат полемически. Они отстаивают духовное восприятие мира и искусства, наполняя символические образы полнокровной жизненностью.

Символистичность художественной структуры памятников Богдановича заставляет в этом плане рассматривать и сам их мифологический фундамент, ибо его значение раскрывается во всей полноте в переносном, мета-смысловом выражении. Игровое содержание мифологизма художника, с его бесконечной перестановкой значений, подменой смыслов, перетасовкой формальных элементов — подстать духу народных обрядов. Метонимичность искусства Богдановича наделяет сам стиль привкусом намеренного стилизаторства. Перерабатывая образцы художественной культуры разных времен и народов, архитектор как бы настаивает на творческом праве личности создать некую надэлектику, способную бросить вызов мертвым типологическим схемам. Исследователь здесь — сам художник: интеллектуализм символических моделей мира в мемориальном облике провоцирует постоянную авторскую рефлексию. Отсюда — «искусственность» стиля мастера, по лоскутикам складывающего пеструю мозаику своих фантазий, и вместе с тем — подкупающая естественность его «эклетицизма». Лабораторный педантизм рассудка оказывается оборотной стороной мифопоэтической способности воображения.

Символическая концепция мемориального образа направлена на создание такого художественного символа, который обладал бы безграничной глубиной многозначных смыслов и вместе был открыт всему многоголосию бытия. Это — ядро поэтики Богдановича, но одновременно и источник основного противоречия его творчества. Культ умирающе-воскресающей природы, выраженный в мемориальном образе, жанр дионисийского начала, которым охвачено многоголосье народной символики, раскрытие психики «вниз» с целью пробуждения поэтического «воспоминания» о суровых и страстных временах архаики — весь этот комплекс бурной стихии жизни противостоит замкнутой в себе, герметичной, проникнутой рассудочностью мыслителя художественной системе мастера. Внутренняя самоуглубленность поэтики художника опирается на глубокий интеллектуализм этого искусства. Предполагается, что составляющий программную основу символично-философский уровень мемориалов должен быть воспринят культурно подготовленным зрителем. Образ в своем глубинном звучании не раскрывается сразу и каждому.

Однако усложненность поэтики мастера не препятствует живому функционированию самих произведений. Драматическое противоречие, заложенное в искусстве Богдановича, находит свое разрешение в неоромантической мифологии художника. Миф, «узнавание» которого всегда основано на общности, тайном или явном братстве людей, которым обращен рассказ архитектора, снимает проблему социального адреса произведений. Прочтение символической поэмы Богдановича предполагает единство коллектива — солидарных участников борьбы против милитаризма и всех форм насилия на земле. Образ извечной победы жизни над смертью, торжества и мудрости природы и неиссякаемой силы народного духа, рождаемые произведениями Богдановича — это пафос всего его творчества, это главный оптимистический аккорд мемориальной темы.

Е. В. МАКСИМОВА

ЧЕШСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ НА ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ЭПИЧЕСКОМ ФОНЕ

При изучении фонда чешских народных повествовательных песен перед исследователем встает несколько задач. Необходимо как можно более полно выявить сюжетный состав чешской эпической традиции, насколько это позволяют сделать опубликованные тексты. Нужно определить, в какой мере количество сюжетов и их качество соответствуют исходному состоянию чешской эпики, в каких случаях сохранилось тождество сюжетов, где, как и почему оно утратилось. Далее, возникает задача определить место чешского песенного фольклора в системе славянской песенной эпики. Для решения этой задачи, очевидно, необходимо рассмотрение чешских песен на фоне народного творчества всех славян, причём чешские песни, расширяя охват общеславянского материала, сами дополняются и часто объясняются этим материалом. Чешские песни помогают восстанавливать славянский эпический фонд, оказываясь часто звеном эволюционной цепочки общеславянского сюжета. Вместе с тем, первоначальный вид сюжета той или иной чешской песни нередко можно восстановить, только опираясь на фольклор других славянских народов. То есть и задача выявления, соотнесения современного сюжетного состава чешской эпической традиции с ее исходным состоянием решается сопоставлением чешского материала с общеславянским.

Здесь делается опыт решения таким же образом и задачи, являющейся сейчас первостепенной: выявить, опираясь на общеславянский материал, сюжетный состав чешской эпической традиции. Основой приводимого здесь списка сюжетов чешских повествовательных песен явился список сюжетных сходжений между повествовательными песнями славянских народов, опубликованный в книге Ю. И. Смирнова «Славянские эпические традиции»¹.

Цель данной работы — дополнить этот список чешским материалом, привести чешские песни, сюжеты которых дают сходжения с сюжетами повествовательных песен большинства других славянских народов, то есть расширить круг сопоставляемого славянского материала. Такая систематизация сюжетов чешских песен дает возможность наглядно представить место чешского фольклора в системе славянского народного творчества. Кроме того, данная работа является определенной проверкой списка, опубликованного Ю. И. Смирновым, на неучтенном им материале.

Известно, что в западнославянском фольклоре отсутствует героический эпос. Повествовательные песни представлены как правило балладами

¹ Ю. И. Смирнов. Славянские эпические традиции. М., 1974.

(лиро-эпика), количество сюжетов которых в сравнении с количеством сюжетов повествовательных песен других славян довольно ограничено. Но если рассматривать корпус чешских народных песен не изолированно, а в системе всего славянского фольклора, то обнаруживается, что список эпических сюжетов значительно вырастает за счет лирических песен, в которые, распадаясь и дробясь, преобразовались повествовательные песни и которым они передали многие характерные для эпики мотивы. Так, например, в границах обследованного материала только в лирических любовных песнях встретились мотивы причарывания милого травами, охота на дивного зверя, жалобы на реку, отнявшую милую (милого) и т. д.

Поэтому для выявления общеславянских сюжетов повествовательных песен в чешском народном творчестве рассмотрение песен, которые называются в чешской фольклористике «сюжетными» (в основном баллады), оказывается явно недостаточным и обедняющим чешский материал. Для составления данного списка были использованы песни всех функциональных ролей и всех жанров, в том числе и лирические.

При отборе материала, в основном использовались следующие источники: собрания чешских фольклористов XIX в. — Фр. Бартоша, Фр. Сушила, К. Я. Эрбена и т. д., а также собрания XX в. (список литературы см. в конце). К сожалению, не все источники можно считать одинаково авторитетными, и они далеко не исчерпывают чешский материал, как опубликованный, так и находящийся в составе рукописных собраний чехословацких архивов. Крамарские песни при составлении списка не учитывались, так как на данном этапе работы важно было систематизировать сюжеты, фольклорное происхождение которых не вызывает сомнений.

Нельзя не отметить, что часто, особенно в лирических песнях, сюжеты бывают настолько преобразены, что определить отношение конкретного сюжета к какому-либо генетическому типу можно только опираясь на промежуточные стадии его эволюции, которые можно найти или в корпусе чешских песен, или в песнях других славянских народов, где эволюция шла сходным путем. Достаточно часты случаи, когда из одного исходного сюжета путем контаминации, возникновения антитез, бытового и шуточного переосмысления сюжета и других метаморфоз возникают сюжеты, совершенно не похожие друг на друга; часто такие поздние тексты уподобляются совсем другим группам сюжетов. Все это безусловно затрудняет выявление полного списка общеславянских сюжетов повествовательных песен на чешском материале.

К другим трудностям относится существование достаточно большой группы сюжетов, заимствованных из немецкого фольклора (причем не все они выявлены); обширных групп сюжетов песен, ставших народными в результате распространения крамарских песен (т. е. продававшихся торговцами-исполнителями отпечатанных текстов песен большей частью неизвестных авторов) или усвоения стихотворений чешских литераторов XIX в., написанных в «народном духе». Причем, главная трудность даже не в выявлении крамарских и литературных песен, а в том, чтобы выяснить, выработал ли данный автор действительно существовавшие народные песни или перед нами плод его поэтической фантазии, а существующие народные варианты — последующие преобразования исходного авторского текста. Ответить на этот вопрос не всегда легко.

Достаточно усложняют картину и песни с «вторичным» сюжетом, то есть такие, текст которых можно предположительно считать эволюционной формой древнего эпического сюжета, но которые являются, скорее всего, поздними образованиями, типологическими параллелями, возникшими в результате реальных условий жизни и описывающими типичные ситуации действительности (например, группа песен с просьбой солдата выкупить

его со службы). Возможно, что обстоятельства действительности, на которые хорошо проецировалось содержание песни, способствовали сохранению древнего эпического сюжета, его широкому распространению при некотором видоизменении.

Приводимый список не претендует на абсолютную законченность и на полный учет всех общеславянских сюжетов повествовательных песен, которые существуют в чешском фольклоре. Но думается, что приведенный список дает возможность представить общую картину соотношения сюжетов чешского песенного фольклора с сюжетами песенного фольклора других славянских народов.

В результате такого сопоставления на данном этапе выяснилось, что в корпусе чешских песен мы находим 48 из 93 общеславянских сюжетов, приведенных Ю. И. Смирновым, причем перекликаться могут как целые тексты, так и отдельные мотивы.

Разумеется, сюжетный состав чешской эпической традиции не исчерпывается этими 48 сюжетами, но их остальная часть пока не дает схождения с общеславянским материалом.

Следующей задачей является определение природы найденных схождения сюжетов, выяснение в каждом конкретном случае, какова природа схождения: обусловлена ли она генезисом, типологией или заимствованием сюжета.

Сравнивая список сюжетов чешских повествовательных песен с общеславянским списком, легко заметить, что в чешском песенном фольклоре не удалось пока даже в лирике найти эволюционные формы и следы сюжетов, связанных с этническим героем и формирующих представление о нем, его деятельности и борьбе с этническими противниками. Нехарактерны для чешского фольклора и сюжеты об этническом противнике в таком виде, в каком они характерны для восточных и южных славян. Не обнаружены следы сюжетов о поединках этнического героя и этнического противника, этнических героев, героя и девушки. Не удалось найти сюжетов, построенных на взаимоотношениях мужчин-родственников по матери: брат — брат, дядя — племянник, то есть отсутствуют следы всего богатырского комплекса.

Плохо прослеживается образ змея. Возможно, образ дьявола в таких легендах, как «Дьявол увозит грешницу в ад», является эволюционной подменой образа змея. Не были обнаружены сюжеты, содержащие отзвуки древней общественной жизни этноса.

Не удалось найти в чешском песенном фольклоре и отзвуков сюжетов, посвященных борьбе с этническим противником. В песнях о войнах XVII—XIX вв. следы древних эпических песен пока не выявлены. Этнический противник, как правило, является в чешских балладах (в отличие от прозаических фольклорных жанров) уже победителем и диктует свои условия (турок-жених и т. д.). Ни разу, например, в чешском песенном фольклоре не встретился сюжет, посвященный увозу девушки этническим противником, зато очень распространен сюжет: страхась турка, родители отдают ему дочь. Отсюда возникает определенная «страдательность», пассивность круга этих сюжетов: все действия героев песни являются лишь вынужденным ответом на действия этнического противника, и никогда наоборот.

Возможно ранняя утрата «богатырских» и «змееборческих» сюжетов была обусловлена тем, что их функционально заменили христианские легенды о святом, принявшем на себя функцию этнического героя, и о его борьбе с этническими противниками (св. Вацлав) или со змеем (св. Иржи и дракон). Скорее всего черты дохристианских героев и их противников следует искать именно здесь и в прозаических фольклорных жанрах.

Итак, стихотворные эпические жанры, которые требовали большого объема крупных эпических форм, не удержавшись у чехов в своем первоначальном виде, эволюционировали двумя путями: принимая христианизированную форму, они превращались в стихотворную легенду или же переходили в самые разные прозаические жанры: былички, волшебные сказки, легенды, предания и др.

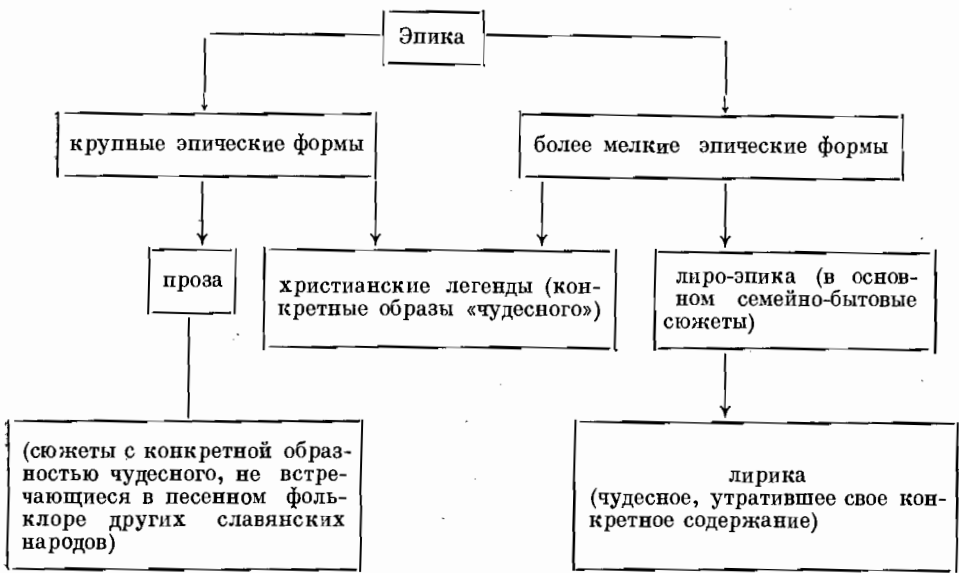
Более устойчивыми оказались меньшие по объему лиро-эпические формы, в основном баллады. Их сюжеты дали наибольшее количество сходений с общеславянским материалом (31 из 48). Интересен состав этих сюжетов: действие двух сюжетов из 31 обусловлено сверхъестественными силами (мать заклала дочь в явор, кослию; сокол прилетает к милой). Изначально в рамках обследованного материала таких сюжетов было 10. И сейчас 29 сюжетов из 31 имеют чисто бытовой характер. Если ранее в них встречались элементы древних представлений о сверхъестественном, то теперь они исчезли (так, жених по дороге к невесте не тонет в реке, что мы находим в более ранних эволюционных формах у других славян, а случайно гибнет), или находятся в процессе утраты в большей части сюжетов (замужняя дочь не летит, а хочет лететь птицей к матери), что переводит текст в разряд лирических песен.

Прочие сюжетные сходения дали легендарные песни, где нередко можно встретить либо общеславянский сюжет в христианизированной форме, либо славянский фольклорный мотив, попавший в христианскую легенду (мать спрашивает о сыне — богородица спрашивает о сыне), а также лирика. В лирику и легенды трансформировались эпические сюжеты, содержащие рассказ о всевозможных превращениях (частей тела — в растения, человека — в птицу и т. д.), о сверхъестественных существах (чудесные девушки в лирике, черти в легендах), о чарах, о предсказаниях и проклятиях, особенно связанных с утоплением в реке, о диковинных зверях. Причем, если в легендах все мотивы сверхъестественного имеют конкретное содержание, то в лирике из описания «конкретного явления» они превращаются в сравнения, олицетворения, символы и утрачивают свое первоначальное содержание. Охота на девушку в образе птицы превращается в аллегорическое описание взаимоотношений молодца и девушки; из совсем исчезнувшего в песнях, но сохранившегося в прозе мотива превращения сестры в кукушку, вырос символ женской печали — кукушка, кукующая в лесу.

Следует отметить, что в чешском песенном фольклоре существуют баллады, развитие сюжета которых обусловлено сверхъестественными явлениями, но у других славян этих сюжетов в песенном фонде как правило нет, хотя они встречаются в прозе (быличка о подмене нечистой силой детей и т. д.). По-видимому, схему взаимодействия чешских фольклорных стихотворных жанров можно в общем виде представить как показано на схеме (см. с. 79).

Отдельные мотивы, редко — целые сюжеты дали для списка солдатские, збойничькие (один сюжет), шуточные, колядные песни и т. д.

Хотелось бы отметить состав действующих лиц чешских повествовательных песен. При отсутствии комплекса богатырства и многих «мужских» сюжетов (битвы, поединки и т. д.) среди чешских повествовательных песен широко представлены сюжеты, где главным действующим лицом, чье поведение обуславливает развитие действия, является женщина. В остальных случаях участие героев и героинь в развитии сюжета одинаково. Не встречаются имеющиеся у других славян схемы «сын — (мать) — брат матери», где действуют только, или преимущественно мужчины. Зато достаточно часты схемы сюжетов «мать — сын — жена (милая) сына», где сын лишь связующее звено между двумя женщинами, действия которых обуславли-

вают развитие сюжета. С этническим же противником имеет дело только женщина (за исключением нескольких христианских легенд). За счет всего этого в чешском песенном фольклоре своеобразно доминирует женское начало, что подтверждается и характерным для лирики распространением мужских символов на женщин, в то время как женские символы на мужчин не распространяются: так, девушка может лететь соколом, обращаться в явор; молодец же ни ласточкой, ни рябиной стать не может.

Несколько замечаний о принципах составления приводимого списка сюжетов.

В списке отдельно указаны песни, записанные в собственно Чехии, и отдельно — моравские песни, так как эти две исторически сложившиеся области расселения чешского народа различаются и в диалектологическом, и в фольклорном плане. В песенном фольклоре моравян обнаруживается гораздо больше славянских сюжетов, чем в собственно чешском народном творчестве, и сохранены эти сюжеты, как правило, в логически законченной форме, часто более близкой исходному сюжету, чем собственно чешские версии, которые иногда представлены лишь обрывками сюжета; многих сюжетов, встречающихся в Моравии, в Чехии не зафиксировано. Возможно, это объясняется ранней индустриализацией и более сильным немецким влиянием в собственно Чехии, с одной стороны, и поддержкой соседями-словаками славянского фольклора в Моравии — с другой стороны. Но одновременно при работе с моравским материалом возникает задача выявления словацких и венгерских заимствований, что не всегда легко.

Силезский материал (заметно интерферирующий с польским фольклором) ввиду небольшого числа обследованных источников не выделен, а объединен с моравским материалом.

Формулировка каждого сюжета отражает его наиболее раннее общеславянское звучание, название песен показывает, какой вид принял сюжет на данной ступени своей эволюции.

Номера сюжетов и групп сюжетов соответствуют номерам в списке Ю. И. Смирнова.

Итак, список общеславянских сюжетов чешского песенного фольклора пока выглядит следующим образом.

II. *Мать и сын*

7. Мать оставляет ребенка на попечение природы. «Вдова, уезжая с турком (с панами), оставляет младшего сына на попечение сил природы» (мор.: Бартош № 16; Сушил № 299, 300, 302, 303; Шрамкова № 21); «Девушка оставляет ребенка в колыбели и уходит с молодцами» (мор.: Сушил № 301).

8. Мать бросила ребенка в воду. «Мать бросила младенца в воду, старуха (дочь соседа) выдает ее» (мор.: Бартош № 40—42; Сушил № 334, 335; Шрамкова № 40в, 40); «Мать бросила младенца в воду, его находят гусары (рыбаки, паны)» (мор.: Сушил № 331—333; Шрамкова № 40с; чешск.: Голас I № 40, IV № 10); «Девушка задушила своего ребенка, ее выдают и казнят» (мор.: Сушил № 336; Шрамкова № 40а; чешск.: Шрамкова № 40а; Эрбен II № 160); «Девушка, убившая своего ребенка, обещает молодцу плату за молчание, но он выдает ее» (мор.: Сушил № 240, 241; Шрамкова № 42); «Девушка, убившая своего ребенка, пляшет в шинке» (мор.: Сушил № 318, 319; Шрамкова № 41); «Христос призывает грешницу, губившую своих внебрачных детей, к покаянию» (мор.: Сушил № 4—8); «Дьявол увозит девушку, губившую своих внебрачных детей, в ад» (мор.: Сушил № 55; чешск.: Голас II № I).

9. Мать спрашивает о сыне. «Дева Мария спрашивает апостолов о Христе» (мор.: Сушил № 110; Эрбен 1937 № 53, 54); «Девушка спрашивает лес, не видел ли он ее милого» (мор.: Бартош № 486); «Мать (сестра, милая) по цвету неба узнает о гибели сына (брата, милого)» (мор.: Бартош № 84; Плицка № 32; Сушил № 368, 1657; Шрамкова № 18в; Яначек № 46).

III. *Отражение нападения (врагу нужна женщина)*

10. Змей похищает девушку. «Святой Иржи и дракон» (мор.: Сушил № 86—89).

11. Молодец увозит девушку и разрушает ее надежды. «Дьявол в образе молодца увозит грешную девушку в ад» (мор.: Бартош № 3; Сушил № 51—54; чешск.: Эрбен 1937 415—416 № 60); «Охотник убил в лесу девушку и держит ответ перед ее братьями» (мор.: Бартош № 46; Сушил № 405—408; Шрамкова № 19; чешск.: Шрамкова № 19); «Молодец обманул девушку, ее брат хочет мстить ему» (чешск.: Эрбен II № 158); «Девушка идет с милым на военную службу, по пути он губит ее» (мор.: Бартош № 44; Сушил № 177); «Молодец зовет милую с собой, по дороге бросает ее в Дунай» (мор.: Сушил № 178, 179); «Перевозчик заманивает девушку к себе в лодку и губит ее» (мор.: Сушил № 348—350).

12. Молодец прельщает девушку своей родиной. «Дьявол в образе молодца прельщает грешницу раем, а отвозит ее в ад» (мор.: Сушил № 51, 52; чешск.: Эрбен 1937 415—416 № 60); «Пастушка едет с панами» (мор.: Сушил № 287, 747); «Пастушка (паненка) не едет с панами» (мор.: Сушил № 747, 1679; чешск.: Голас I № 209, IV № 8; Плицка № 285).

17. Девушка избавляется от чужеземца-жениха. «Девушка обманывает турка-жениха, притворившись мертвой» (мор.: Бартош № 18—20; Сушил № 269, 270; чешск.: Голас Ia № 5).

20. Девушка пытается укрыться от наезда чужеземцев. «Отец продал дочь туркам (отдал, чтобы его выпустили из темницы; мать отдала дочь туркам), девушка топится в Дунае» (мор.: Бартош № 17; Гел., Сир. 36—38 № 7а; Сушил № 310—312; Шрамкова № 16); «Отец пытается спрятать дочь от турка-жениха» (мор.: Гел., Сир. 36—38 № 7а, в); «Невеста турка хитростью выманивает нож у жениха и губит себя» (мор.: Сушил № 313); «Девушка притворяется мертвой, но турок-жених не верит ей, и она топится в Дунае» — вероятная контаминация с песнями типа «Девушка избавляется от чужеземца-жениха» (мор.: Бартош № 19, 20).

21. Превращение частей тела в лес, воду и др. «Везде, где капала кровь распятого Христа, расцветали розы» (мор.: Сушил № 110; чешск.: Эрбен 1937 413—414 № 55)²; «Из крови Христа, которую посеяла дева Мария, вырастает виноградная лоза (цветок)» (мор.: Сушил № 107, 109); «Из крови Христа вырастают солнце, месяц, звезды и сын божий» (мор.: Сушил № 108); «Девушка расчесывает волосы и делает из них ручей» (мор.: Сушил № 1176—1179); «Пан из-за любовницы губит жену, из ее сердца вырастает яблоня» (мор.: Сушил № 376; Шрамкова № 33); «Молодец губит милую (девушка губит себя из-за милого), из ее ран расцветают цветы» (мор.: Сушил № 211, 295, 315).

22. Девушка идет на войну вместо отца. «Младшая дочь идет на войну вместо отца» (мор.: Бартош № 82; Сушил № 232, 234; Шрамкова № 1; чешск.: Голас II № 6а, в; Баар № 438; Шрамкова № 1).

IV. Этнический герой добывает женщину

28. Молодец охотится на дивного зверя. «Охотник обещает убить для милой оленя» (чешск.: Эрбен I № 112); «Пан охотится на девушек, косящих траву на его лугу — берет одну из них в жены» (мор.: Бартош № 93; Сушил № 403, 404; без мотива охоты — Плицка № 482; Сушил № 401, 402; чешск.: Эрбен II № 156, III № 156; Плицка № 465); «Охота с товарищем на зайца, косулю, лису (сокола, оленя) и панну и дележ добычи» (мор.: Гел., Сир. 91 № 88 — свад.; Сушил № 1791, 1792); «Охота на косулю, зайца и панну» (мор.: Яначек № 31); «Охота на голубку — милую» (мор.: Сушил № 581—583); «Молодцу советуют подстрелить девушку» (чешск.: Эрбен II № 225); «Молодца убили вместо оленя» (мор.: Бартош № 26); «Девушку убили вместо лисы (косули)» (мор.: Бартош № 27, 28; Сушил № 249, 250); «Охота на косулю и горлицу-милую» (чешск.: Вайс II № 19); «Охота на перепелку, перьев которой нельзя касаться» (мор.: Плицка № 410; Сушил № 1839); «Сокол просит охотника не убивать его, так как у него маленькие дети» (мор.: Плицка № 335).

29. Возвращаясь с невестой, жених тонет при переправе через реку. «В поездке за невестой жених падает с коня и умирает, невеста губит себя» (мор.: Бартош № 10 — свад.; Сушил № 181, 182; чешск.: Эрбен III № 346 — жених гибнет из-за проклятия матери; Эрбен 1937 389 № 9; Баар № 435; Вайс III № 7; Голас I № 33; Ва № 3; мотив выдачи невесты погибшего за его младшего брата — Бартош № 10; Сушил № 181; Эрбен III № 346); «В день свадьбы жених случайно смертельно ранит невесту» (мор.: Сушил № 183—185); «Молодец случайно смертельно ранит милую» (мор.: Бартош № 9).

30. Сестра (девушка) проклинает реку, утопившую брата (милого). «Милого (милую) взяла вода» (мор.: Сушил № 378, 379, 561); «Молодец (девушка) требует, чтобы вода отдала милую (милого)» (мор.: Сушил № 251, 252, 254); «По требованию молодца вода отдает его милую живой» (чешск.: Эрбен II № 325); «Милый утонул, ведя коня через брод» (мор.: Сушил № 186, 187, 210); «Молодец тонет, плывя на огонь свечи к своей милой» (мор.: Сушил № 395, 396).

32. В жены девушку возьмет тот, кто переплывет море (реку). «В состязании пан переплывает Дунай и получает девушку» (мор.: Бартош № 97; Сушил № 400; Плицка № 267).

33. В жены девушку возьмет тот, кто достанет венок из воды. «Девушка пускает свой венок по реке, чтобы его поймал какой-нибудь молодец» (мор.: Сушил № 807—809); «Девушка спрашивает пастухов о своем венке, просит выловить его из реки» (мор.: Бартош № 799; Гел., Сир. 73

² В аналогичных по сюжету крамарских песнях мотив превращения крови в растения отсутствует.

№ 62, 99—100, 107, 108 — свад.; чешск.: Эрбен I № 44); «Молодец бросает цветок в воду, девушка, поймавшая цветок, будет его милой» (чешск.: Эрбен II № 173).

V. *Необыкновенная жена*

35. Искусный музыкант и неземная девушка (сверхъестественные силы). «Молодец побеждает дьявола в споре о том, кто из них более искусный музыкант» (мор.: Сушил № 2342); «В споре Давида с дьяволом о том, кто из них более искусный музыкант, побеждает Давид, и дьявол выпускает из ада душу его матери» (мор.: Сушил № 2, 3).

38. Необыкновенная жена. «Две загадочные девушки увели пастуха с собой, обратной дороги он найти не смог» (чешск.: Эрбен II № 154).

VI. *Брат и сестра*

39. Теща в плену у зятя. «Мать попадает в плен к своему сыну, которого в детстве увезли турки» (мор.: Шрамковка № 7).

41. Перевозчик за услугу требует любви. «Перевозчик требует любви за переправу» (мор.: Бартош № 160; чешск.: Эрбен II № 163); «Молодец требует у тонущей девушки любви за ее спасение» (мор.: Сушил № 397, 398); «Лекарь требует от девушки любви за лечение» (мор.: Сушил № 347); «За помощь девушка обещает охотнику свою любовь» (мор.: Бартош № 381); «Девушка хочет поцелуем заплатить мельнику за помол» (мор.: Сушил № 586); «Молодец просит милую перевезти его через озеро» (мор.: Сушил № 552); «Молодцы угоняют у девушки скот, за его возвращение один из них требует от нее любви» (мор.: Бартош № 90—92; Сушил № 247; чешск.: Баар 162—163 № 400); «Молодец просит перевезти его к милой через реку» (мор.: Сушил № 560); «Девушки просят рыбака перевезти их через реку, рыбак отказывается» (мор.: Бартош № 171).

42. Муж продал жену чужеземцу, который оказался ее братом. «Брат находит сестру в шинке» (мор.: Бартош № 116; Сушил № 373, 374; Шрамкова № 8; чешск.: Баар 163 № 441; Голас IV № 5 а, в; Шрамкова № 8; Эрбен II № 161, 162).

44. Сестра добивается освобождения брата из плена. «Брат просит сестру защитить его от вербовщиков» (мор.: Сушил № 1629).

45. Девушка (сестра) выкупает молодца (брата) из темницы. «Девушка просит императора отпустить ее милого с военной службы, хочет выкупить его» (мор.: Сушил № 1711—1713); «Только милая выкупила молодца (помогла молодцу бежать) из турецкой неволи» (мор.: Сушил № 829); «Девушка просит отпустить ее милого из тюрьмы» (мор.: Бартош № 61); «Молодец просит милую продать все, что у нее есть, и выкупить его из темницы (с военной службы)» (мор.: Бартош № 322, 452; Сушил № 1654, 1695—1698, 1699; чешск.: Эрбен II № 170, 209); «Молодец просит милую помочь ему бежать с военной службы» (чешск.: Голас III № 219); «Молодец просит родителей выкупить его с военной службы» (чешск.: Баар 131 № 364, 365; Вайс II № 13; Голас I № 208, II № 169); «Мать не может выкупить двух сыновей с военной службы» (чешск.: Голас III № 221 а, в, с.)³.

46. Братья не позволяют сестре любить молодца. «Только брат защищает сестру от мужа, который бьет ее» (мор.: Гел., Сир. 113 № 125 а, в; Шрамкова № 3); антитеза: «Девушка обещает милому, что она и ее брат будут защищать его» (мор.: Сушил № 429); «Братья не велют молодцу жениться на девушке — матери его ребенка» (мор.: Гел., Сир. 40—41 № 11; Шрамкова № 27); «Отец застаёт у дочери милого и убивает его» (мор.: Сушил № 278—280).

³ По-видимому, песни этого типа являются поздними образованиями, возникшими в связи с реальными обстоятельствами рекрутских наборов (возможностью откупиться от военной службы).

48. Сестра (девушка) отравила брата (милого) по совету любовника. «Сестра отравила брата по совету любовника (панов, уланов, зовущих ее с собой)» (мор.: Гел., Сир. 39 № 9/2 а; Сушил № 354, 355; Шрамкова № 35; чешск.: Голас V а № 2; Шрамкова № 35, Эрбен I № 2); «Девушка отравила милого» (мор.: Сушил № 260, 352); «По совету воронов жена отравила мужа, за которого ее выдали насильно» (чешск.: Шрамкова № 25).

49. Муж-разбойник погубил брата. «Муж-разбойник погубил одного из братьев жены» (мор.: Бартош № 7; Сушил № 288; Гел., Сир. 35—36 № 6; Шрамкова № 45а).

50. Сестра находит брата раненым или больным (как появилась кукушка). а) «Только девушка может вылечить раненого (больного) милого» (мор.: Сушил № 265, 321—323, 1669, 1722; чешск.: Вайс I № 25, III № 16; Голас III № 11); «Мать пришла к раненому сыну» (мор.: Сушил № 267, 268; Яначек № 47); «Сын посылает мать за водой и умирает» — христианизированная форма (мор.: Сушил № 16); «Молодец умирает на руках у милой» (мор.: Сушил № 259); «Только девушка помогает раненому молодцу» (мор.: Бартош № 122; Сушил № 830); «Милая у постели раненого на вершине горы (раненый молодец хочет погубить милую)» (мор.: Сушил № 263); «Мать готова искать милую сына, лишь бы вылечить его» (мор.: Бартош № 439/4); б) «Сестра (сестры) проводила брата на войну (сестры спрашивают у возвращающихся о брате)» (мор.: Бартош № 83, 84; Гел., Сир. 45 № 16; 53—54 № 29; Плицка № 411; Сушил № 363, 364, 366, 367; Шрамкова № 18; чешск.: Баар № 444; Шрамкова № 18); «Мать проводила сына на войну» (мор.: Сушил № 368); «Милая узнает молодца по коню, которого она седлала (по седлу, по рубашке, которую она вышивала)» (мор.: Сушил № 1626, 1662).

Замужняя дочь прилетает домой птицей. «Замужняя дочь прилетает домой птицей» (мор.: Бартош № 2; Гел., Сир. 110—111 № 122 а — с; Шрамкова № 26; Яначек № 53; чешск.: Голас III № 1а; Шрамкова № 26); «Мать отдает дочь на службу далеко от дома, запретив ей бывать у себя» (чешск.: Голас III № I в, с); «Девушка хочет птицей лететь за ним» (мор.: Бартош № 94 /3/, 353; Плицка № 70; Сушил № 1648; Яначек № 29; чешск.: Голас IV № 139 в; Va № 80; Эрбен I № 68); «Молодец птицей прилетает к милой» (мор.: Сушил № 248; чешск.: Эрбен I № 10); «Молодец хочет соловьем прилететь к милой» (мор.: Плицка № 169; Сушил № 593; чешск.: Эрбен II № 240).

VII. Братья (кровные родственники)

55. Братья поссорились из-за девушки. «Молодцы спорят из-за девушки» (мор.: Бартош № 96, 98, 106, 132, 352, 555; Гел., Сир. 85 № 79 а, в); «Молодца зарубили из-за девушки» (мор.: Сушил № 380); «Молодца из-за милой отдают в солдаты» (чешск.: Голас III № 214, 215); «Молодец и еврей спорят из-за девушки» (мор.: Сушил № 397, 398).

VIII. Возвращение домой долго отсутствовавшего мужа (милого)

58. Муж на свадьбе своей жены. «Вернувшийся с войны муж (милый) на свадьбе своей жены (милой)» (мор.: Сушил № 188, 282, 283; Шрамкова № 6).

59. Узнавание долго отсутствовавшего мужа. «Девушка узнает милого по перстню» (мор.: Бартош № 103; Сушил № 245, 246; чешск.: Голас Va № 6 а, в; Эрбен II № 164); «Молодец предупреждает милую, какой он ей сделает знак, чтобы она узнала его среди солдат» (чешск.: Баар 134 № 373; Голас I № 194, II № 173, IV № 150; Эрбен I № 148).

60. Освобождение мужа из темницы. «Только милая освобождает молодца из темницы» (мор.: Сушил № 829).

61. Муж привозит домой пленницу. «Милый возвращается с войны с богатой добычей» (мор.: Гел., Сир. 56—57 № 35 а, в).

62. Мать губит сноху в отсутствие сына. «Мать губит в отсутствие сына его любовницу-служанку» (мор.: Гел., Сир. 39—40 № 10; Сушил № 193; Шрамкова № 43); «Молодец излечивает милую своим возвращением» (мор.: Сушил № 1667); «Молодец, уезжая, оставляет беременную жену на попечение матери» (чешск.: Эрбен I № 142); «Молодец возвращается и узнает о смерти милой» (мор.: Бартош № 5; Сушил № 197, 200—202; чешск.: Голас Va № 7; Эрбен I № 3; II № 72); «Сокол прилетает на могилу милой» (мор.: Бартош № 118, 120; Сушил № 199, 369—372); «Из-за матери мужа сноха уходит из дома (муж губит жену, которая ругала его мать)» (мор.: Сушил № 243, 244; Шрамкова № 28); «Мать заклала дочь в явор» (мор.: Бартош № 1; Гел., Сир. 38 № 8; Сушил № 305—309; чешск.: Голас III № 456; Эрбен 1937 383 № 1; Эрбен III 220 — обрывки).

64. Муж застаёт у жены любовника. «Нищий (лакей) почует у пани и получает дукат от пана» (мор.: Бартош № 117; чешск.: Голас II № 7а, в; III № 8); «Мельник убивает любовника жены» (мор.: Бартош № 47; Сушил № 275, 276; Шрамкова № 30; чешск.: Голас I № 37; III № 6 а, в; Шрамкова № 30); «Мельник грозит изменившей ему жене, что сожжёт мельницу» (чешск.: Голас I № 38).

65. Проклятие или предсказание сбывается: молодец тонет. «Молодец тонет, так как хотел обмануть девушку» (мор.: Бартош № 80, 81); «Конь топит молодца за то, что он не любил бедную девушку» (мор.: Бартош № 13, Сушил № 210).

66. Девушка с помощью трав возвратила милого. «Девушка колдовством вызывает к себе мертвого милого» (мор.: Сушил № 242, 2337; чешск.: Эрбен 1937, 387 № 7 /крам./); «Девушка хотела бы вернуть (причаровать) милого с помощью трав» (мор.: Сушил № 542; Яначек № 7; чешск.: Плиčka № 66); «Девушка причаровала милого» (мор.: Сушил № 519, 207); «Ворожея предлагает девушкам причаровать их милых с помощью корня» (мор.: Плиčka № 307).

IX. Молодец и девушка

67. Притворившись мертвым, молодец заманивает к себе девушку. Этот сюжет в чешских песнях не встречается, но мотив получения девушки с помощью хитрости распространён здесь достаточно широко: «Пан по совету старухи наряжается женщиной и проникает к девушке» (мор.: Сушил № 223; чешск.: Баар 161—162 № 439; Голас III № 4 а, в, IV № 4; Va № 4; Эрбен II № 158, III № 156); «Молодец прячется в мешок и проникает к дочке мельничихи» (чешск.: Голас II № 8).

68. Девушка не хочет идти замуж за молодца. «Воевода заманил девушку к себе, она убежала с помощью хитрости» (мор.: Сушил № 230, 231); «Девушку насильно выдают замуж, сразу после свадьбы муж губит её» (мор.: Сушил № 316, 317; Шрамкова № 31).

70. Молодец убивает девушку, помолвленную с другим. «Молодец трижды спрашивает девушку, любит ли она его, и губит её» (мор.: Бартош № 45; Сушил № 295); «Умирающий молодец хочет убить милую, чтобы она после его смерти никому не досталась» (мор.: Сушил № 263).

71. Девушка любит женатого. «Муж убил жену ради любовницы» (мор.: Сушил № 376; Шрамкова № 33).

73. Девушка и молодец обмениваются мудреностями. «Девушка и батрак» (чешск.: Голас I № 249 — коляд.); «Ласточка и ястреб» (мор.: Плиčka № 86 — коляд.).

75. Только милый (милая) откликается на зов о помощи. «Тонущий молодец зовет милую на помощь» (мор.: Бартош № 80, 81; Сушил № 210); «Тонущий пан посылает посла к пани» (мор.: Сушил № 399; Шрамкова № 11); «Сон о том, что милый утонул» (мор.: Сушил № 393); «Пахарь откликается только на зов милой» (мор.: Сушил № 832).

76. Смерть гонимых влюбленных (превращение в растения). «Мать молодца не дала обещанным другу другу с детства влюбленным пожениться, они обнялись в саду и так остались» (мор.: Сушил № 204); «Мать отравила дочь, которая любила молодца против ее воли» (мор.: Шрамкова № 38); «Мать отравила сына вместо невестки» (мор.: Сушил № 329, 330; Шрамкова № 37); «Влюбленный губит себя после смерти милой» (мор.: Гел., Сир. 39, 40, № 10; Сушил № 188, 193, 314; Шрамкова № 43); «Девушка венчается с другим» (мор.: Бартош № 602).

X. Смерть героя

77. Орел несет человеческую руку (весть о гибели). «Вдова оставила ребенка на попечение природы, белая птица приносит ей его палец» (мор.: Бартош № 16); «Раненый молодец соколом (птицей) прилетает к милой» (мор.: Бартош № 119; Гел., Сир. 43—44 № 14; Сушил № 388—392); «Гусары сообщают девушке о смерти милого» (чешск.: Баар 165 № 445; Голас II № 3, V а № 9).

78. Три птицы у тела убитого — это мать, сестра и жена. «Убитого оплакивают мать, сестра, милая» (мор.: Сушил № 1665; Яначек № 45; чешск.: Эрбен 1937 381 № 9, 12); «Убитого оплакивают мать, отец, милая» (мор.: Бартош № 56; Плицка № 287; Сушил № 262; Яначек № 45; чешск.: Голас II № 163; III № 461). У чехов мотив сравнения или олицетворения родственников с птицами не встретился за исключением тех случаев, когда в свадебных песнях, обращаясь к матери, называют ее голубкой, отца — голубком; там же существует параллелизм: стая птиц — семья невесты (мор.: Бартош № 820, 821 — свад.).

79. Предсмертные поручения молодца (могила на перекрестке дорог). «Завещание умирающего разбойника» (мор.: Плицка № 162, 187; Сушил № 381; Яначек № 52); «Разбойники убили своего друга и хоронят его» (мор.: Бартош № 69).

80. Предсмертные поручения девушки (келья о трех окошечках) «Отравленная девушка просит похоронить ее, милого позвать на похороны» (мор.: Шрамкова № 38); «Девушка просит нарядить ее в гробу как на свадьбу и идет на кладбище смотреть, где она будет лежать» (мор.: Сушил № 2338; Шрамкова № 17).

XI. Несгруппированные песни

81. Предсказательница судьбы у колыбели новорожденного. «Братья нашли ребенка: одному показалось, что это щенок, второй увидел, что это ребенок, и они отнесли его в костел» (мор.: Сушил № 79); «Паны нашли брошенного ребенка: один предложил взять его, второй — оставить, третий отнес его в карету» (мор.: Сушил № 331, 332).

83. Город, здания или утварь из людей. «Стоит из людей город, из моего милого — башня (часовня)» (мор.: Сушил № 500, 501, 625).

В заключение еще раз хотелось бы отметить перспективность рассмотрения чешского материала на фоне материала общеславянского. Привлечение для сравнения сюжетов чешских прозаических фольклорных жанров в совокупности с тщательным выявлением всякого рода заимствований, изучение на общеславянском фоне типических чешских выразительных средств, систематизация в этом же плане элементов чешской духовной культуры и соотнесение их с поэтическим народным творчеством, возможно, помогло бы в дальнейшем представить систему утраченного чешского эпоса.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Баар — J. S. Baar. Chodské písně a pohádky. Praha, 1975.
 Бартош — Fr. Bartos. Národní písně moravské. Akademie, 1899.
 Вайс — K. Weis. Český jih a Šumava v lidové písni, díl I—XII Praha, 1928—1935.
 Гел., Свр.— J. Gelnar, O. Sirovátko. Slezské písně z Třinecka a Jablunkovska. Praha, 1957.
 Голас I—VI — C. Holas. České národní písně a tance, díl I—VI. Praha, 1908—1910.
 Плицка — K. Plicka. Český zpevník. 500 lidových písní českých, moravských a slezských. Praha, 1949.
 Сушил — Fr. Sušil. Moravské národní písně. Praha, 1951.
 Шрамкова — M. Srámková. Katalog českých lidových balad. IV. Rodinná tematika. Praha, 1970.
 Эрбен I—III — K. J. Erben. Písně národní v Čechách, díl I—III. Praha, 1842—1845.
 Эрбен 1937 — K. J. Erben. Prostonárodní české písně a říkadla. Praha, 1937.
 Явачек — L. Janaček. Moravská lidová poesie v písniích. Praha, 1947.
 мор.— текст записан в Моравии или Силезии; чешск.— собственно чешский текст.

МИЛОРАД РАДЕВИЧ

РУССКИЙ ЯЗЫК В БЕЛГРАДСКИХ ШКОЛАХ ДО 1878 ГОДА¹

Русский язык довольно поздно был введен в школах Сербии. Белградская богословская школа была единственным учебным заведением, где он в качестве обязательного предмета преподавался с 1849 по 1878 гг.² Между тем, еще в 1841 г. было решено послать в Россию трех выпускников гимназии «для изучения высших наук и русского языка», поскольку «в чиновниках, хорошо знающих русский язык... ощущался недостаток», но вследствие политической обстановки в Сербии³ они не поехали. Только в середине 1846 г. Сима Милутинович Сарайлия⁴ отвез первую группу выпускников белградской богословской школы⁵ в Киев для дальнейшего обучения в Киевской духовной семинарии. Как свидетельствуют Гаврила Попович⁶ и Милан Дж. Миличевич⁷, С. Милутинович тогда обратился в российский МИД с просьбой прислать в Белград преподавателя русского языка. В конце марта 1847 г. русское консульство в Белграде известило Попечительство иностранных дел Сербии о том, что царь Николай I одобрил направление двух преподавателей русского и церковнославянского языков и истории церкви в белградские школы.

В. Т. Вердиш и Д. А. Рудинский, преподаватели Кишиневской духовной семинарии, прибыли в Белград в конце лета 1849 г., а чуть раньше, в июле, возвратились из Киева Д. Нешич и С. Сретенович после окончания духовной семинарии. Таким образом, белградская богослов-

¹ Настоящая статья представляет собой некоторые итоги обширного исследования автора о преподавании русского языка в Сербии до создания в 1877 г. кафедры русского языка и литературы в белградской Великой школе и приезда в Белград в качестве ее профессора П. Кулаковского в 1878 г.

² Немецкий и французский языки были введены гораздо раньше и преподавались в качестве обязательных предметов во всех средних и высших школах.

³ М. Радевич. Први Руси професори у Београду. «Историјски гласник». Београд, 1965, № 1, с. 86.

⁴ С. М. Сарайлия (1791—1847) — сербский поэт и историкограф, воспитатель молодого Петра II Петровича Негоша, автор многих известных работ: «Сербианка», I—I, Лајциг, 1826; «Пъванія црногорска и херцеговачка», Будим и Лајциг, 1833 и 1837; «Дійка црногорска», Цетиње, 1835; «Исторія Црне Горе одь искона до новігга времена», Београд, 1835 и «Исторія Сербіе одь почетка 1813 до конца 1815 год.», Лајциг, 1837. С. М. Сарайлия опубликовал в 1847 г. в белградской газете «Србске новине» интересные письма о путешествии по России.

⁵ В ту группу входили: Милое Йованович, Сава Сретенович, Гаврило Миличевич, Димитрие Нешич, Василие Николаевич и Милисав Протич.

⁶ Г. Попович. Алекса Илић. Петар Јовановић — митрополит београдски. Београд, 1911, с. 439.

⁷ М. Миличевич. Школе у Србији. «Гласник Српског ученог друштва», 1868, кв. II, с. 87; его же. Из својих успомена. «Годишњица Николе Чупића», 1898, кв. X, с. 51—52.

ская школа сразу приобрела четырех преподавателей — двух русских и двух сербов, получивших образование в России.

С октября 1849 г. В. Т. Вердиш преподавал библейскую географию, а Д. А. Рудинский — церковнославянский и русский языки в третьем и четвертом классах богословской школы — «практически для того, чтобы ученики могли пользоваться русскими книгами по богословским предметам». Рудинский, кроме того, с 4 ноября 1850 г. преподавал русский язык другой группе сербских воспитанников, отобранных для направления на учебу в Киевскую духовную семинарию⁸. Д. А. Рудинский в 1850/51 учебном году преподавал только русский язык, который согласно новой программе изучался в первых двух классах богословской школы.

Вердиш, Рудинский и русские воспитанники Нешич и Сретенович использовали в преподавании методику русских духовных семинарий, став зачинателями русского влияния в сербских школах. После четырех с половиной лет, проведенных в богословской школе, русские учителя Вердиш и Рудинский во время Крымской войны в феврале 1854 г. должны были вернуться в Россию⁹.

В качестве преподавателя русского языка Рудинский оказал большое влияние на вторую группу сербских воспитанников. М. Дж. Миличевич (не поехавший в Киев из-за болезни) под влиянием Рудинского очень рано начал переводить с русского языка. Позднее он вспоминал о своем учителе с большим уважением: «Только из уст этих двух преподавателей, особенно Рудинского..., — писал он, — мы услышали чистый и приятный русский язык»¹⁰.

После отъезда Д. А. Рудинского из Сербии русский язык в богословской школе преподавали: протодьякон Данила (1855); Никола Новакович — учитель (1856—1859), иеромонах, а позднее протосингел Никанор во втором классе (1860—1864); А. Васильевич — учитель в первом классе (1861—1864); С. Сретенович — секретарь Министерства просвещения и церковных дел (1865); священник Никола Попович (1866); протосингел Мойсей (1867); священник Яков Павлович — ректор Никодим Петрович (1873) и, наконец, Никола Ружичич-младший преподаватель (1875—1878). Учителями русского языка были выпускники или студенты русских духовных семинарий и академий. Многие из них помимо русского языка преподавали и другие, главным образом богословские, предметы. А некоторые, как например, С. Сретенович и Н. Зисич, — переводили или перерабатывали русские учебники по богословским предметам.

Программы преподавания русского языка, с которыми нам пришлось познакомиться, мало что дают для уяснения методики преподавателей. Нам также неизвестно, по каким учебникам занимались учащиеся богословской школы русским языком до выхода в свет пособия А. Васильевича «Учитель русского языка».

Д. А. Рудинский в мае 1852 г. передал митрополиту Петру рукопись «Русской грамматики». По мнению В. Т. Вердиша, члена школьной комиссии, эта рукопись была «хорошо и целесообразно написана». Между тем, другой член комиссии д-р Янко Шафарик сделал много замечаний. Рудинский не принял его замечаний, и поэтому первая попытка создания

⁸ В группу входили: Панта Сречкович, Милан Дж. Миличевич, Григорие Златкович, Никола Зисич и Алимше Васильевич.

⁹ М. Радевич. Там же, с. 87—93.

¹⁰ И далее: «Ему (Рудинскому. — М. Р.) автор этих слов благодарен за то, что недавно... (На приеме в связи с Московской этнографической выставкой, 14 мая 1867 г. — М. Р.) с одним из самых больших правителей на земле, с царем Александром II, я имел счастье говорить языком Пушкина, Лермонтова и Гоголя». М. Милчевич. Школе..., с. 88.

учебника русского языка для учеников белградской богословской школы успеха не имела ¹¹.

То, что не удалось Д. А. Рудинскому, сумел десять лет спустя сделать А. Васильевич. В 1862 г. он опубликовал «Учитель русского языка» ¹² — первый учебник этого рода в Сербии. А. Васильевич (1832—1911) после окончания богословской школы в Белграде продолжал образование в Киевской духовной семинарии и Академии (1850—1857). По возвращении в Сербию служил в Попечительстве просвещения, затем был преподавателем неполной шабацкой гимназии (1858—1859) и белградской богословской школы (1859—1864). В богословской школе, кроме русского языка, преподавал логику, психологию, всеобщую историю и историю сербского народа ¹³. В октябре 1861 г. он завершил рукопись учебника. С учетом замечаний Я. Шафарика рукопись была подготовлена к печати. Учебник был напечатан в количестве 500 экземпляров в середине марта 1862 г. ¹⁴. В его первой части изложены основы грамматики, а во второй — хрестоматии — подобраны тексты «по которым читатели, по мнению А. Васильевича, могли познакомиться с тогдашним состоянием русского литературного языка». Русская поэзия была представлена М. Ю. Лермонтовым и И. А. Крыловым, проза — В. В. Измайловым, Н. М. Карамзиным и Н. И. Надеждиным, отрывком из рассказа анонимного автора и тремя нравоучениями. Научная литература была представлена в хрестоматии довольно большим отрывком из работы А. Гильфердинга, ученого и дипломата, хорошо известного в то время сербской читающей публике по переводам Миличевича. Словарь содержал около 2000 слов с указанием ударений.

Следующий учебник русского языка также был написан А. Васильевичем, когда он стал уже профессором Великой школы ¹⁵. Поскольку тираж первого учебника был распродан в начале ноября 1869 г., было решено отпечатать новое издание. Васильевич основательно переработал свой первый учебник в соответствии с методом Робертсона, поэтому можно утверждать, что это был новый учебник. В начале августа 1870 г. его рукопись была представлена в Министерство просвещения и церковных дел. В отчете школьной комиссии в середине декабря этого года можно прочитать, что «Учебник русского языка» А. Васильевича «почти заново переработан», но автор должен исключить «ту часть, где говорится о программе преподавания в русских гимназиях, и заменить ее другой более подходящей для наших условий». А. Васильевич учел замечания, и книга тиражом в 1200 экземпляров появилась в феврале 1871 г. ¹⁶. В 25 уроках первой части учебника даются основы грамматики русского языка. Наибольшее внимание уделено глаголам, затем прилагательным и существительным. Остальные части речи представлены в гораздо меньшем объеме. Каж-

¹¹ М. Радевић. Там же, с. 91—92; е го ж е. Почети наставе руског језика у Србији. Неколико документата 1852—1864. «Настава и васпитање», Београд, 1971, № 4, с. 494, 497—498.

¹² «Учитель руског језика». Написао А. Василјвић. Професоръ. Прегледала и одобрила Школска комисија. У Београду. У Државној штампарији. 1862, с. 143.

¹³ А. Василевић. Моје успомене. Архив Србије (далее — АС). Поклони и откупи, 102/136; В. Јовановић. Алимпије Василевић. «Српски књижевни гласник», 1911, књ. XXVI, бр. 8, с. 607—608 и бр. 9, с. 704—706; М. Поповић. Философски и научни рад Алимпија Василевића, Нови Сад, 1972, с. 140.

¹⁴ М. Радевић. О првом курсу руског језика при Великој школи у Београду. «Историјски гласник», 1964, № 2—3, с. 150—152; е го ж е. Почети наставе..., с. 496, 500—501.

¹⁵ «Учитель руског језика». Изнова израђено дело по методи Робертсона. Од А. Василевића, професора. У Београду. У Државној штампарији. 1871, с. 150.

¹⁶ АС, Министарство просвете (далее — МПс), 1871 11 44; «Српске новине», 24 III 1871.

дый урок снабжен словарем для лучшего понимания приводимых примеров. Из «Учителя русского языка» остались стихотворения Лермонтова, остальные тексты были новыми: отрывок из драмы, текст об успехах тогдашней физиологии и статья Н. Г. Чернышевского о политике К. Кавура. В словарь, состоящий из 1800 слов, вошли «только те слова, которые либо полностью отличаются от сербского или имеют другое значение».

Последним учебником в изучаемый период ¹⁷ была «Русская хрестоматия» ¹⁸ Я. Павловича — ректора белградской богословской школы. «Русскую хрестоматию» Павлович составил по просьбе митрополита Михаила и рукопись ее была представлена в начале августа 1872 г. Хрестоматия предназначалась для учеников второго класса. Школьная комиссия после рассмотрения рукописи в конце ноября 1872 г. возвратила ее автору с заключением, что «хрестоматия слишком мала по объему, а о ее внутреннем содержании раньше школьной комиссии свое суждение должна вынести духовная власть». Павлович учел замечания комиссии, дополнил рукопись, после чего Министерство просвещения и церковных дел передало в конце мая 1873 г. в государственную типографию с просьбой отпечатать в 700 экземплярах. В середине ноября 1873 г. книга вышла из печати ¹⁹. «Русская хрестоматия» содержит разной величины тексты из художественной и научной литературы. Среди них стихотворения А. С. Пушкина и А. С. Хомякова, басни И. А. Крылова, отрывки из произведений В. Г. Белинского и В. А. Жуковского, большой отрывок из исследования П. А. Бессонова о лазарцах и, наконец, отрывки из сочинений С. Смэйлса. В конце каждого текста приводятся переводы незнакомых слов и выражений. Эти учебники предназначались для учащихся духовных заведений.

Между тем, предпринимались попытки ввести русский язык в качестве обязательного предмета в гимназии и лицее, позднее Великой школе. Так, например, Н. Зисич 20 мая 1859 г. предложил Попечительству просвещения ввести русский язык на первом курсе лицея или в седьмых классах гимназии. «Я бы с большим удовольствием преподавал русский язык, — писал он, — из чистой любви к нашему общему развитию». К сожалению, его предложение не было принято. Н. Зисич (1830—1866), позднее Никанор, архимандрит Витовницкого монастыря, окончил духовную семинарию и академию в Киеве (1850—1857), получил степень кандидата богословия, а в рассматриваемый нами период (1859 г.) помимо некоторых богословских предметов преподавал и русский язык в белградской богословской школе ²⁰.

Представляет интерес тот факт, что в проекте «Комитета Комиссии Попечительства просвещения по разработке плана о научных заведениях в Сербии» от марта 1860 г. было предусмотрено открытие Университета в Белграде, в котором бы русский язык преподавался на богословском и философском факультетах. Но, как известно, этот план не был реализован ²¹.

¹⁷ Ранее был опубликован словарь «Славенски разговори у главним славенским језицима: руски, польски, чешки, бугарски и српскохрватски». Саставио Драгутин Томај Тумински. У Београду. Книгопечатњом А. Андрића. 1868, с. 145. Двама годинами познее было объявлено, что «Андрия Марьянович — чиновник в Белграде, издает русско-сербский словарь...» («Даница», Нови Сад, 1870, XI, бр. 10, с. 159). Насколько нам известно, словарь не был напечатан.

¹⁸ «Руска читанка за ученике II разреда Богословије». Саставио Ј. Павловић, протојереј. У Београду. У Државно штампарији 1873, с. 206.

¹⁹ АС, МПС, 1873 XI 193.

²⁰ М. Р а д е в и ч. Почети наставе..., с. 495, 499.

²¹ АС, МПС, 1863 X 1743.

Преподаватель богословской школы А. Васильевич вел факультативно курс русского языка в Великой школе в 1863/64 учебном году (с 6 декабря 1863 и, вероятно, до апреля 1864 г.) Из 128 студентов Великой школы этот курс посещало 32 студента, из которых 13 сдало экзамен. «Ученики, которые прослушали весь курс, — писал А. Васильевич, — настолько успели в русском языке, что в дальнейшем могут сами совершенствоваться свои знания в этом предмете. Они уже достаточно хорошо понимают русский язык и легко переводят с русского на сербский...». В следующем учебном году курс не был продолжен. Ввиду обострения политической обстановки в Сербии (запрета деятельности Общества сербской словесности, ареста судей Великого суда, преследования либералов) А. Васильевич 1 июля 1864 г. был переведен из Белграда в Пожаревацкую полугимназию²².

Одиннадцать лет спустя, после окончания курса русского языка, который вел А. Васильевич в Великой школе, 19 ноября 1875 г. дипломированный студент Технического института в Петрограде Раша Милошевич обратился с ходатайством к ректору Великой школы разрешить ему преподавать русский язык желающим студентам, но получил отказ²³.

Подведем некоторые итоги: в 1849—1850 гг. были организованы специальные курсы русского языка для сербских воспитанников, отобранных для продолжения образования в Киевской духовной семинарии. Русский язык в качестве обязательного предмета изучался только в белградской богословской школе (сначала в третьем и четвертом, а затем в первом и втором классах) с 1849 до 1878 г.

Попытка ввести русский язык в лицее, Великой школе и гимназиях успеха не имела. Только А. Васильевичу удалось прочитать факультативный курс русского языка в Великой школе в 1863/64 учебном году.

В 1862 и 1871 гг. вышли два учебника русского языка, а в 1873 г. хрестоматия для учебников белградской богословской школы. Почти все преподаватели русского языка были богословами, получившими образование в русских духовных семинариях и академиях.

²² М. Радевић. О првом курсу..., с. 152—156; е го же. Почети наставе..., с. 496—497, 501—505.

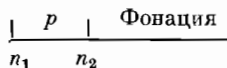
²³ Р. Лалић. Катедра за источне и западне словенске језике и књижевности. У књизи Сто година филозофског факултета, Београд, 1963, с. 376.

К ТИПОЛОГИИ СЛАВЯНСКОЙ ПРОТЕЗЫ

1. Распространенность так называемых согласных протез в языках мира («приставочных» звуков типа *j, w, h* перед анлаутными гласными)¹ позволяет думать, что в основе этого явления лежат достаточно простые акустико-артикуляционные причины. В связи с этим обратим внимание на следующее.

Известно, что произношению неприкрытого гласного (не только в аккомодирующих языках) предшествует определенная подготовительная работа речевых органов — выпячивание губ перед *o, u*², движение языка вверх — вперед перед *i, e* и расширение голосовой щели перед *a*. Голосовые связки во время упреждающей артикуляции не включены, что приводит к образованию «паузы» *p* между началом артикуляции n_1 и началом фонации n_2 :

Протезу перед анлаутными гласными можно рассматривать как процесс и результат заполнения «паузы» *p*. Данные теоретической фонетики позволяют достаточно убедительно объяснить, почему в качестве протетических выступают звуки типа *j, w, h* (их фонетические характеристики далее будут уточнены).

Установлено, что анлаутные согласные и группы согласных, негоморганные последующему гласному, не препятствуют упреждающей артикуляции³, о чем наглядно свидетельствуют гласные протезы типа блр. *іржа́, аржань, ара́к*, вульг. лат. *istatere*, осет. *grvad* и т. д. Установлено также, что короткая шумная посылка (10—15 м/сек) перед гласным воспринимается как глухой взрыв⁴. Следовательно, если по тем или иным причинам заполняется «пауза» *p*, то просто шумное наполнение ее не годится, поскольку оно почти неизбежно фонологизируется во взрывной согласный, который не будет препятствовать упредительной артикуляции.

Короткая низкотоновая посылка перед гласным воспринимается как звонкая взрывная⁵. Следовательно, просто более раннее и резкое включение голосовых связок, если бы это удалось сделать во время «паузы» *p*, дало бы скорее всего именно такой эффект. Возможности речевого аппарата человека и универсальные особенности фонетического строя языков

¹ Б. А. Серебряников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с. 98—99; здесь это явление характеризуется как фреквенталия.

² «Речь. Артикуляция и восприятие». М.—Л., 1965, с. 128 и сл.

³ Там же, с. 129.

⁴ «Физиология речи. Восприятие речи человеком». М., 1976, с. 161—162.

⁵ Там же.

позволяют как бы «материализовать» «паузу» р или «прояснить ее». Объективно упреждающая артикуляция не исчезает при этом: наоборот, она становится еще более ярко выраженной и подчеркнутой, но отныне она превращается в характеристику особого звука, прикрывающего слог, и как бы воплощается в нем. Такой нам представляется антропофоническая сущность фонетического механизма развития гоморганных протетических звуков, реализующихся классом сонорных, обозначаемых с помощью символов *j*, *w*, *h*.

2. Теоретически, но на практике не всегда, четко различаются два типа неслоговых сонантов: неслоговые гласные (полугласные) *i*, *u* и несколько более шумные сонорные среднеязычный *j* и билабиальное *w*⁶. Еще более шумными, по сравнению с *j*, *w*, являются фрикативные звонкие согласные *j* и *v*. Строение ряда «задних» (нейтральных, гортанных) сонантов сложнее в связи с тем, что они могут быть и фрикативными (ларингал *H* (*ə*), фарингальный *h*), и взрывными (ларингальная смычка ' и гортанный (фарингальный) взрыв ?). Типологически максимальный набор сонантов вместе с родственными им звонкими согласными представлен на табл. 1.

Таблица 1

	sonorants			
	i	u	H (ə),'	
	j	w	h, ?	
	-----			
consonants	j	v	ɣ, g	

Звуки этого набора являются основой типологического поля протезы, поскольку, судя по известным данным, они все (за исключением *j* и *g*) выступают в качестве систематических протез. Иные согласные, прикрывающие гласные анлаута, обычно возникают или вследствие аналогии с другими словами (напр. лит. *gėriùkas* 'ягненок', наряду с *ėriùkas*, *jėriùkas*; видимо, под влиянием *geras* 'хороший'), или в результате перераспределения сочетаний звуков на стыке слов (напр., в.-нем. *nast* < *ein Ast*, *nabend* < *guten Abend*, *neke* < *ein Ecke* и под.⁷). В чешском среднеопавском говоре начальное *t* (в словах *tužene*, *tužarňa*, *tuž'ysa* из)⁸.

3. 1. С антропофонической точки зрения протезирование должно представлять собой процесс, подчиняющийся определенным закономерностям. Учитывая нежелательность зашумления «паузы» р, на первом этапе развития протезы следует ожидать появления максимально сонорных звуков типа *i*, *u*, *H* (*ə*), '. Звуки типа *j*, *w*, *h*, ? как более шумные и более длительные имеют меньше шансов развития, минуя этап неслоговых. Иными словами, а priori можно допустить, что динамика развития протезы состоит в диахронической замене более сонорных звуков менее сонорными.

Предполагаемые этапы эволюции протетических звуков достаточно надежно засвидетельствованы в живых языках, данные которых позволяют также конкретизировать и уточнить это общее предположение. При исследовании языка кашмири обнаружилось, например, что, наряду с протетическими *w*, *u* (*i*?*j*?) перед *ɨ*, *ɨ̃*, гласные заднего ряда *ɨ̃*, *õ* и среднего ряда *ɨ̃* в начальной позиции часто имеют заметный лабиальный приступ в виде лабиального или лабиализованного сегмента⁹. Таким образом, в кашмири

⁶ О различных подходах к фонологической трактовке звуков этого типа и их функции в языках мира писали Ю. С. Степанов, Д. И. Эдельман в сб. Принципы описания языков мира. М., 1976, с. 242 и сл.

⁷ В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология. М.—Л., 1956, с. 166.

⁸ A. L a m p r e c h t. Středoopavské nařečí. Praha, 1953, s. 30.

⁹ Б. А. Захарьин, Д. И. Эдельман. Язык кашмири. М., 1974, с. 33.

синхронно сосуществуют два вида протез — $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$, $\overset{u}{\underset{h}{\cdot}}$ и $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$, $\overset{u}{\underset{h}{\cdot}}$, — которые обычно являются разными стадиями развития этого явления.

В сивенди начальный $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$ произносится с придыхательным приступом длительностью от 20 до 60 м/сек, воспринимаемым на слух как h^- или x^- образный призвук¹⁰. Аналогичный призвук отмечен в этой позиции в персидском¹¹. Взрывным соответствием h^- , x^- призвуку является, видимо, твердый приступ $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$ в немецком литературном и нижненемецких говорах¹², известный, согласно Н. С. Трубецкому, в некоторых южнопольских и чешских богемских говорах¹³.

В польских и серболужицких говорах отмечено произношение типа польск. диал. $\overset{u}{ok}^u\overset{u}{o}$, $\overset{u}{oves}$, $\overset{u}{ofca}$, $\overset{i}{im}'e$, $\overset{i}{ina}u$ ¹⁴, н.-луж. диал. $\overset{u}{ous}$, $\overset{u}{orana}$, $\overset{u}{ogen}$, $\overset{u}{obei}$, $\overset{u}{ostru}$, $\overset{u}{oral}$, $\overset{h}{obet}$, $\overset{h}{on}$, $\overset{h}{upak}$ и под.¹⁵ Во всех перечисленных случаях призвуки $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$, $\overset{u}{\underset{h}{\cdot}}$, $h^-(x^-)$, $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$ представляют (в типологическом смысле) начальный этап развития протезы.

В польских же и серболужицких говорах зафиксированы и выразительные $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$, $\overset{u}{\underset{h}{\cdot}}$ в качестве протетических, например, польск. диал. $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}ok\overset{u}{o}$, $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}oves$, $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}ofca$, $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}im'e$, $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}inau$ ¹⁶, н.-луж. диал. $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}ok\overset{u}{o}$, $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}onak$ и др.¹⁷ К сожалению, даже звуки $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$ и $\overset{u}{\underset{h}{\cdot}}$, $\overset{u}{\underset{h}{\cdot}}$ и w не всегда последовательно различаются диалектологами, а разницей между $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$ и $\overset{u}{\underset{h}{\cdot}}$, $\overset{u}{\underset{h}{\cdot}}$ и w они могут просто пренебречь в силу определенных фонологических установок, и поэтому в ряде случаев трудно понять, какая же именно разновидность протетических звуков отмечена в их записях.

В кавказских языках «гласный анлаут преодолевается протетической гортанной смычкой (видимо, ? — В. Ч.), которая, ввиду автоматичности, обычно опускается в записи»¹⁸.

Наконец, губно-зубное протетическое v — известно в ряде белорусских (*вóка*, *вóз'эра*), польских (*воко*, *вовес*, *вофса*) и украинских говорах. Звук $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$ на славянской территории не отмечен, но переход анлаутных $*j > \overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$, $\overset{u}{\underset{h}{\cdot}}$ в ряде языков свидетельствует о принципиальной возможности $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$ -протезы. В северной части белорусских говоров в качестве протетического выступает $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$, которое обычно не отделяется диалектологами от h -южно-белорусских и украинских говоров.

Таким образом, последовательные этапы развития протезы — или ее типологическое древо, — по всей видимости, таковы: 1) появление сонантных призвуков (глайдов) типа $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$, $\overset{u}{\underset{h}{\cdot}}$, h , x , $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$; 2) усиление их до полугласных (сонантизация): $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$, $\overset{u}{\underset{h}{\cdot}}$, h , x , $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$ $>$ $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$, $\overset{u}{\underset{h}{\cdot}}$, h ($\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$), $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$; 3) спонантизация сонантов: $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$, $\overset{u}{\underset{h}{\cdot}}$, h ($\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$), $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$ $>$ j , w , h , $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$; и, наконец, 4) консонантизация «шумных» сонантов: j , w , h , $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$ $>$ $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$, v , $\overset{i}{\underset{u}{\cdot}}$.

Основными свойствами типологического древа протезы являются:

а) способность протетических звуков «застыть» на любом этапе предполагаемого процесса; в противном случае типологическое древо невозможно было бы построить;

¹⁰ Е. К. Молчанова. О некоторых фонетических особенностях сивенди. «Иранское языкознание». М., 1976, с. 218.

¹¹ Ш. Г. Гаприндашвили, Дж. Ш. Гиунашвили. Фонетика персидского языка. Тбилиси, 1964, с. 19.

¹² В. М. Жирмунский. Там же, с. 165—166.

¹³ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, с. 303—304.

¹⁴ K. N i t s c h. Dialekty języka polskiego. Wrocław — Kraków, 1957, s. 34—36.

¹⁵ Л. Э. Калнынь. Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке. М., 1967, с. 56—57, 70—77.

¹⁶ S. U r b a ŋ c z y k. Zarys dialektologii polskiej. Warszawa, 1962, s. 29.

¹⁷ Л. Э. Калнынь. Там же, с. 58—59.

¹⁸ «Структурные общности кавказских языков». М., 1978, с. 104.

б) его обратимость, начиная со второго этапа: после развития *i*, *u*, *H* (а) не исключено исчезновение протезы; так, билабиальное *w (*u*?) было утрачено в эрзя-мордовском и ряде других финно-угорских языков, а также в древнеисландском¹⁹; начальный *j*-(*i*?) исчез в скандинавских языках, некоторых азербайджанских, турецких, мордовских и финских говорах²⁰; это явление известно и в славянских языках, ср. польск. диал. *ešče, *esli, **ažgbina*²¹; чеш. диал. **eš'č'e*, **ež'el'i* и др.;

в) неполнота реализации; ни в одном из известных нам языков мира не представлены все возможные протезы (какого-либо из этапов ее развития); максимальный набор протез образуют звуки типа *i*, *u*, *h* или *j*, *w*, *h*;

г) с гортанными протезами ('или') не сосуществуют протезы иного вида; наоборот, с протезами типа *i*, *u*, *h* не сосуществует, судя по известным данным, твердый приступ или гортанная смычка;

д) шумный *j* довольно редко встречается в качестве протезы; обычно, судя по известным языкам, наряду с *v*- и *γ*-протезами выступает *j*;

е) ни в одном языке не зафиксирована *g*-протеза; видимо, это означает, что гортанные протезы 'и' не консонантизируются в *g*; ср. в связи с этим, напр., *h*- в голландском при ' в верхненемецких говорах.

Типологическое древо представляет собой обобщенное представление динамики развития диахронического явления, лингвистическую экспликацию его внутренней антропофонической сущности. Оно содержит максимальное количество этапов изменения, которое имеет смысл реконструировать вообще — но не обязательно в каждом конкретном случае. Для того, чтобы описать историю протез какого-либо языка, необходимо знать ответы на следующие вопросы: в каких условиях и почему развиваются сонантные глайды? почему происходит их сонантизация? когда осуществляется спирантизация сонантов? возможно ли появление шумных фрикативных *j*, *v*, *γ* в качестве протетических и когда это происходит? и наконец, в каких условиях и почему происходит обобщение протез на все виды анлаутных гласных без строгого соблюдения их гомоганности (т. е. появление *h*- перед *i*, йотовой протезы — перед гласными заднего ряда и т. д.)?

Каждый из этих вопросов достоин отдельного исследования, но вряд ли все они могут быть решены в настоящее время. Протезы не только с фонетической точки зрения изучены слабо; поскольку задачи, возникающие при их изучении, четко не формулировались, то это явление обычно фиксировалось само по себе, вне связи с особенностями фонетики языка, в котором оно существует. Все это крайне затрудняет изучение закономерностей их развития, и поэтому положения, формулируемые в данной работе, следует считать предварительными и подлежащими дальнейшему уточнению.

4. Судя по типологическим данным, чаще всего протеза возникает как реакция на хиат, образующийся на стыках слов. Фонетически это понятно: при переходе от произношения предшествующей гласной к последующей в сочетании *-V V-* фонация не прерывается, и упредительная артикуляция *V* — легко наполняется глайдовым призвуком. Хиатная протеза выполняет функцию пограничного сигнала, являясь маркой начала слова²² и представляет собой разновидность внешнего сандхи. В бретонском, например, эту функцию выполняет *j* (*i*?) — *B. Ч.*) между большин-

¹⁹ Б. А. Серебряников. Там же, с. 95—97.

²⁰ Там же, с. 95—97.

²¹ S. Urbánčuk. Ibid., s. 29.

²² Н. С. Трубецкой. Там же, с. 303—304.

ством гласных и *v* (*w? u?* — В. Ч.) перед *oa*, *oe*²³. «В новоирландском языке *h* ставится перед начальным гласным последующего слога, заканчивающегося гласным и не вызывающим лениции»²⁴. Наличие стыков гласных *-V V-* не обязательно ведет к образованию протезы: чаще они сохраняются (как в русском, ср. *однаиглаутерьяна* и под.), нередко *-V V-* сливаются, давая один гласный, или же один из них элидируется.

Кроме того, появление хиатной протезы вовсе не означает обобщение ее на все анлауты *V-*, хотя несомненно, что этот процесс может осуществиться. Новоиранские языки и говоры, например, можно расположить в порядке степени генерализации в них протез — от появления вставочных *-i-*, *-u-* в зияниях между морфемами (внутри слова), до распространения их на межсловные стыки и затем обобщения на все *V-*. Так, в курдском, шугнанском, рушанском и хуфском языках, а также таджикском литературном звуки *-i-*, *-u-*, *-h-* — появляются перед соответствующими гласными на смычках морфем внутри слова. В баджувском диалекте шугнанского языка хиат разряжается вставками внутри морфем, и перед краткими гласными протезы появляются здесь просто в анлауте²⁵, что становится почти правилом в некоторых таджикских говорах²⁶ и ваханском языке²⁷.

Как видим, развитие от хиатных вставок до протезы в собственном смысле этого слова предполагает: 1) перераспределение хиатного глайда (или иных хиатных звуков) в пользу начала слова; 2) обобщение (генерализация) протез на все *V-*, т. е. становление правила прикрытых слогов²⁸. Очевидно, в языке должны существовать какие-то объективные условия для такого развития, связанные с общей тенденцией маркировать начало слова, но механизмы и закономерности ее становления — один из наименее изученных вопросов описательной и диахронической фонетики. В иранских языках протеза генерализуется параллельно с общим усилением начала слова (редукция конца слова, перетяжка ударения на начальные слоги), но действительно ли эти явления связаны?

Довольно часто протеза развивается в языках с тембровыми корреляциями *C — C'* или *C — C°*. В. Каллеман, анализируя факты современных славянских языков, пришел к выводу, что новые *i*, *u*, *h*- протезы развились в тех славянских языках, для которых характерна тембровая корреляция *C — C'* или, вообще, аккомодация в слогах *CV (C'V, C°V)*²⁹. Артикуляционная привычка переносить упреждающую артикуляцию на предшествующий согласный, модифицируя его тембр, действительно может способствовать и очевидно способствует развитию анлаут-

²³ Г. Льюис, Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954, с. 122.

²⁴ Там же, с. 157.

²⁵ Д. Карамшоев. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе, 1963, с. 1, 60—63; интересно, что на стыках слов *-V V-* сливаются в этом говоре (с. 63).

²⁶ А. З. Розенфельд. Бадахшанские говоры таджикского языка. Л., 1971, с. 8—10.

²⁷ А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский. Ваханский язык. М., 1976 (см. словарь).

²⁸ В связи с этим еще раз обращаем внимание на то, что тенденция к открытому слогу или построению слогов по принципу восходящей звучности не означает тенденции к образованию слогов типа *CV*, поскольку в языках открытых слогов обычно допускаются слоги *V-*. (В. Н. Чеkmан. Типологические аспекты фонетических изменений в праславянском. VIII Международный съезд славистов. Доклады. Минск, 1978, с. 6—9).

²⁹ В. Callemann. Zu den Haupttendenzen der urslavischen und altrussischen Lautentwicklung. Uppsala, 1950, S. 74 и сл.

ных глайдов, как это хорошо видно на примере польск. диал. $\overset{u}{o}k\overset{u}{o}$, $\overset{u}{o}fca$ и под. Идеи В. Каллемана обобщил В. В. Мартынов, который рассматривал произношение типа $\overset{u}{o}$ как разновидность аккомодации (с частичной эмансипацией гласного от предшествующего согласного³⁰); фактически эти же идеи лежат в основе рассуждений В. К. Журавлева, специально анализировавшего механизм становления праславянских протез³¹, еще раньше таким же образом объяснял причины образования протетических $\dot{i}$ -, $\dot{u}$ - в румынском Э. Петрович³².

Действительно, в языках с тембровыми корреляциями указанного типа обычно развиваются гоморганные последующему гласному протезы, особенно $\dot{i}$ - перед гласными переднего ряда, а $\dot{u}$ - — перед задними; анлаутные a - получают при этом или h - или j - протезу, но не обязательно. Так, $\dot{i}$ -, $\dot{u}$ - (w -) протезы в указанных позициях отмечены в литовских говорах³³, в упоминавшемся ранее языке кашмири, в нескольких тюркских языках, которым известны палатализованные согласные³⁴, и др.

Однако можно показать, что наличие аккомодации вовсе не обязательно предполагает протезирование. Так, в русских говорах v (w -) протеза отмечена только в районах, примыкающих к Белоруссии; нет ее в аккомодирующем японском и ряде тюркских языков. Кроме того в языках и говорах без аккомодации может развиваться протеза явно не хиатного характера. Например, в чакавских говорах сербскохорватского языка перед начальным i - любого происхождения систематически произносится протетическое $\dot{i}$: *jigla, jigo, jigra, jigrati, jimati, jime, jih, jiskati, jiti, jiskraq, jiz* (и в производных от этих слов)³⁵. В галичских (западномакедонских говорах) почти систематическая $\dot{i}$ - протеза развилась перед o : *jожге, жождар, жозал, жолен*³⁶. Очень характерно, что v - протезы в этом говоре нет, хотя $/o/$ в нем реализуется как $\overset{u}{o}$: *сн^uоп, в^uода, в^uосок, ^uосом, ^uогон, с^uон* и под.³⁷ В схему Каллемана эти факты явно не укладываются. Считаем поэтому, что аккомодация стимулирует развитие протетических согласных, но не обязательно обуславливает их появление или: если данный язык является аккомодирующим, то очень вероятно, что в нем будут протезы, гоморганные последующим гласным.

Развитию протезы способствует, видимо, и просто дифтонгизация гласных. Ведь произношение $\overset{u}{o}$, $\dot{i}e$ (независимо от позиции) можно считать началом этого процесса. Подобным образом развивались гласные во многих словенских диалектах, что и обусловило появление в них начальных w -, j -. Например, в идрийском говоре церкланского наречия ударные $*\bar{o}$, $*\bar{e}$ дали *je:, wo:(sje:stra, kwo:sa)*; это привело к появлению анлаутного w — (*wo:ni, wo:ne* и под.), однако обобщения w - и j - на все анлауты (с краткими гласными) здесь не наблюдается³⁸.

³⁰ В. В. Мартынов. Славянская и индо-европейская аккомодация. Минск, 1968, с. 16 и сл.

³¹ В. К. Журавлев. Генезис протезов в славянских языках. «Вопросы языкознания», № 4, 1965, с. 34—43.

³² Э. Петрович. Явление сингармонизма в исторической фонетике румынского языка — следствие славяно-румынской языковой интерференции. «Romanoslavica», II, 1958, s. 5—38; иные работы: G. Y. Shevelov. A prehistory of Slavic. The historical phonology of common slavic. New York, 1965, p. 235—248 (и литература).

³³ Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966, p. 188 и сл.

³⁴ См., например, Л. А. Покровская. Гагаузский язык. «Языки народов СССР», II, 1966, с. 114—115.

³⁵ «Rječnik hrvatskoha ili srpskoha jezika». Dio 4. U Zagrebu, 1892—1897.

³⁶ А. Белл. Галички диалекат. Београд, 1935, с. 93—94.

³⁷ Там же, с. 85.

³⁸ T. Logar. Slovenska narčja. Ljubljana, 1975, s. 37, 98.

Таким образом, рассмотренные данные позволяют думать, что развитие протезы способствует несколько факторов. Т е с н е е всего это явление связано, видимо, с аккомодацией; ч а щ е всего протетические хиатные вставки используются в качества пограничного сигнала, однако закономерности эволюции от хиатных вставок до подлинных протез пока неясны.

5. В настоящее время можно указать одно из важнейших, как нам кажется, обстоятельств, способствующих обобщению в качестве протетических глайдов любого происхождения. Нельзя не обратить внимания на то, что *h*-протеза развилась в тех славянских языках, в которых есть фонема /*h*/ (< *g) — в украинском, белорусском, чешском и сербо-лужицких. Не противоречат этому наблюдению данные некоторых польских говоров, в которых отмечены протетические *h*, поскольку, по нашим наблюдениям, /*x*/ в польском реализуется как фарингальный спирант. Сопоставление данных иных языков подтвердило это правило: *h*-протетическое отмечено в тех из них, где есть самостоятельная фонема /*h*/.

Эти факты кажутся нам чрезвычайно важными для понимания механизмов протезирования. Ведь не исключено, что и соноризация $\overset{i}{\underset{u}{>}} > \overset{i}{\underset{u}{>}}$, *ц* и перераспределение сонорных *ц* в пользу начала слова, и само обобщение их в качестве протез возможно лишь в том случае, если в данном языке или существуют фонемы /*ц*/, /*ц*/, или, по меньшей мере, соответствующие полугласные выступают в качестве основных вариантов фонем /*j*/, /*w*/ или /*v*/.

Нельзя не отметить в связи с этим, что гортанная протеза характерна именно для кавказских языков, где она или представляет особую фонему, или реализуется в так наз. абруптивных согласных. Иными словами, развитие подлинных протез предполагает фонологизацию глайдовых призвуков, которая осуществляется при наличии в фонетической системе данного языка максимально подобных им звуков, реализующих те или иные фонемы.

Решение затронутых вопросов затруднено из-за невнимания диалектологов и фонологов к качеству звуков данного класса. О частом неразличении *ц* и *ж* упоминалось ранее; положение с *ц*, *ш*, *в* не лучше. Более полувека тому назад Брок указал на необходимость разобраться в характере славянских звуков, обозначаемых этими знаками, а ван Вейк обратил внимание на важность различия *ц* и *ж*, *ш* и *ц* для решения ряда диахронических задач³⁹, однако до сих пор эти звуки остаются слабо изученными.

Все же можно установить, что произношение типа *вбснъ*, *вбзира*, *вѣтка* распространено в русских и белорусских говорах там, где отмечено, во-первых, наличие билабиального *w* на месте обычного для других говоров *v* губно-зубного, и во-вторых, известно неслоговое *ц* и перед согласными и в конце слов (из *v*, *l*). Известно, что в польских говорах нередко произношение протетического *ц* и исконного *v* не различается: *цoko*, *цoda*; *voko*, *voda*. Иными словами, *цoda* свидетельствует об отсутствии в говоре губно-зубного *v*, а неразличение *v* (*oko*), *v* (*oda*) указывает на изменение *ц* > *v*.

Белич, описывая *ц*-протезу в галичском диалекте, отмечает: знаком *ж* он обозначает *ц* «в прямом смысле этого слова»⁴⁰; лучше всего этот звук слышится на конце слов, а самым слабым он является в начале слова, «так что в этом положении, особенно перед *e* и *u*, он чаще всего исчезает»⁴¹; между этими звуками *ц* исчезает и в середине слов (*mie*, *vie*), или появ-

³⁹ N. van Wijk. Zu den Phonemen *i/j* und *u/w/v*, speciell im slavischen. «Linguistica slovacca», I—II, 1939—1940, S. 77—84.

⁴⁰ А. Белич. Там же, с. 117.

⁴¹ Там же.

ляется там, где его не должно быть; *црнојоке, шејесет* ⁴². В отличие от *ĭ*, звук *ѵ* в данном говоре артикулируется «сильно», он реализуется как губно-зубной шумный согласный, и неслучайно поэтому в данном говоре сохраняется разница между начальными *ѵ-* и *ʷ-*: *ѵода, ѵосом, ѵогон*.

К такого рода сведениям следует отнестись с очень большим вниманием. Как видим, слабость артикуляции *ĭ* приводит к двум противоположным явлениям — появлению *ĭ-* протезы и исчезновению *ĭ* в ряде позиций. Характерно причём, что *ĭ* сохраняется в контрастном по отношению к нему окружении и легко исчезает в гомоганном (перед передними гласными, в их окружении). Это наводит на мысль, что отмечаемая многими исследователями непоследовательность протезы является закономерным явлением, что соноризация *ĭ, ѵ* перед контрастными им гласными осуществляется легче и результат ее лучше закрепляется.

Оказывается также, что исчезновение межвокальных вообще может быть указанием на полугласные *-ĭ-*, *-ѵ-* в данном языке, на что обращал внимание Брок ⁴³.

Факты галичского диалекта проливают также свет на чакавскую *ĭ-* протезу и спорадическое отпадение **ĭ-* в сербскохорватских говорах. Фонетисты уже давно обратили внимание на то, что *j* как таковой (шумный сонорный) вообще нехарактерен для этого ареала. Чакавская *ĭ-* протеза делается более понятной, если считать, что само наличие в языке фонемы */ĭ/* чревато развитием протезы. В то же время в сербскохорватских говорах не зафиксировано даже спорадических *w-*, *v-* протез, что не должно удивлять, если учесть, что *ѵ, w* для них нехарактерны.

Затронутые вопросы нуждаются в дальнейшем изучении, однако сделанные наблюдения, обращенные в диахронию, проясняют некоторые существенные звенья генезиса протез. Так, если *i-*, *ѵ-*, *h-* протезы наблюдаются в языках, для которых характерны фонемы */i/*, */ѵ/*, */h/*, то историческая соноризация *ĭ, ѵ, h* ($\triangleright$ *ĭ, ѵ, h*), возникших либо как реакция на хиат, либо вследствие аккомодации или дифтонгизации гласных, может произойти только в языке, где функционируют указанные фонемы.

Поскольку *ĭ-* протеза наблюдается в диалектах, которые безразличны к сбегу согласных и являются неаккомодирующими, то следует думать, что само наличие в языке звуков *ĭ, ѵ, h*, представляющих соответствующие фонемы, может способствовать развитию протез.

Наличие всех указанных выше условий делает это явление очень вероятным. Указать же ситуацию, в которой протеза неизбежно развивается в настоящее время невозможно, поскольку непонятными остаются механизмы становления закона прикрытых слогов. Иными словами, сейчас более или менее ясны условия появления глайдов и их соноризации, но непонятно, что обуславливает их обобщение на все аплаутные гласные *V-*. Начало слова маркируется во многих языках (гласной протезой, ограничениями на сочетания согласных и некоторыми другими способами) ⁴⁴, что свидетельствует о значимости этой позиции для носителей языка и в принципе допускает унификацию ее структуры. Не понимая общих механизмов, регулирующих правила оформления начала слова, мы не можем сделать и более определенных выводов о механизме генерализации протез.

⁴² Там же.

⁴³ О. Брок. Об исчезновении междугласного *ĭ, j*. РФВ, XVIII, 1902, с. 134—139.

⁴⁴ Н. С. Трубецкой. Там же, с. 301 и сл.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Е. А. ДУДЗИНСКАЯ. Международные научные связи советских историков. М., 1978, 290 с.

В текущем году на книжных полках в Советском Союзе появилась книга Е. А. Дудзинской о международных связях советских историков. Редактор и автор предисловия к этой публикации — член.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто.

В работе, явившейся результатом многолетних исследований, автор показывает контакты советской исторической науки с учеными социалистических, капиталистических и развивающихся стран. Связи советских историков охватывают четыре континента — Европу, Америку, Азию и Африку.

Книга состоит из восьми глав. В первой, по моему мнению, наилучшей, кратко охарактеризованы научные связи в 1917—1945 гг. Особое внимание уделено вкладу советских ученых в укрепление научных связей с зарубежными странами перед второй мировой войной, в том числе через участие в международных конгрессах. Например, в V Международном конгрессе исторических наук в Брюсселе (9—14 апреля 1923 г.) выступили с докладами проф. В. В. Бартольд, Е. В. Тарле, Р. Оттокар. В юбилейных торжествах по поводу 200-летия АН СССР в сентябре 1925 г. Ленинграде участвовало 130 ученых из 25 стран мира. 7—14 июля 1928 г. в Берлине во время советско-немецкой «Недели» делегация во главе с проф. М. Н. Покровским выступила с докладами и познакомилась с работой научных семинаров в Германии. Результатом этих контактов было издание в СССР и Германии в 1931 г. сборника документов «Международные отношения в эпоху империализма» на русском и немецком языках. Автор описывает участие историков-марксистов на VI и VII Международных конгрессах исторических наук (14—18 августа 1928 г. в Осло, 21—28 августа 1933 г. в Варшаве).

Развитие научных связей в период 1945—1957 гг. освещается во второй главе. Это было время установления новых и расширения прежних контактов. Большую роль в этом сыграло празднование 220-летия АН СССР, которое совпало с торжествами по случаю победы

над фашизмом. Среди заграничных гостей в празднествах участвовал президент Польской академии искусств (не «академии наук», как пишет Е. А. Дудзинская) проф. С. Кутшеба, а также проф. Т. Лер-Славинский и проф. Т. Котарбинский. Представляя формы контактов советских историков с историками братских стран, автор пишет о создании 1 января 1947 г. Института славяноведения АН СССР, объединившего специалистов в области истории, литературы, языка и культуры славянских стран; об участии советских ученых в работе VII съезда польских историков в 1948 г. во Вроцлаве, в центре внимания которого были методологические проблемы, в первой методологической конференции в Отвоцке в 1951 г., последующих съездах польских историков, в съездах и конгрессах историков в других социалистических странах. В книге сообщается об издании советских обобщающих трудов по истории этих стран — «Истории Польши», «Истории Чехословакии», «Истории Болгарии», «Истории Югославии» и других.

Представлены контакты советских историков с историками капиталистических стран, участие в конгрессах в Индии, Англии, Японии, Пакистане, Италии и других странах. В середине 50-х годов заграничные контакты, как отмечает Дудзинская, значительно расширяются. Так например, в 1952 г. выехало 18 делегаций советских ученых, в 1953 г. — 30, в 1956 г. — 286, а в 1957 г. — 514. АН СССР приняла в 1953 г. 200 человек, а в 1957 г. — уже 905.

Третья глава «Новые горизонты. 1957—1977 гг.» показывает двустороннее и многостороннее сотрудничество ученых в рамках межакадемических соглашений и Проблемной комиссии многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран по исследованию «Истории Великого Октября и последующих социалистических революций», а также по проблеме «Экономика и политика развивающихся стран».

В четвертой главе освещается работа двусторонних смешанных комиссий историков социалистических стран. Напри-

мер, в разделе «Комиссия историков СССР и ПНР» перечисляются все симпозиумы Комиссии историков СССР и ПНР, происходившие поочередно то в Польше, то в Советском Союзе. Польскую часть Комиссии возглавляет проф. Л. Базылев, а советскую — акад. Б. А. Рыбаков.

В пятой главе рассказывается об оживлении научных контактов с капиталистическими странами по второй половине 50-х годов. На регулярно проводимых двусторонних коллоквиумах обсуждаются актуальные исторические и методологические проблемы, происходит обмен информацией о научной жизни обеих сторон. Материалы этих встреч публикуются. Советские историки проводят регулярные встречи с учеными Англии, Франции, Италии, ФРГ, Финляндии, Швеции, США, Индии и Японии. Например, первая советско-английская конференция состоялась в Лондоне в 1958 г. Материалы о ней опубликованы в журнале «Вопросы истории» № 2 за 1959 г.

Участие советских историков на международных конгрессах и конференциях в 1955—1977 г. представлено в шестой главе. Например, на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско (22—29 августа 1975 г.) советская делегация во главе с Б. А. Рыбаковым насчитывала 82 делегата. С докладами и в дискуссиях выступали советские ученые И. И. Минц, Б. А. Рыбаков, В. Т. Пашуто, А. М. Сахаров и другие. Из польских историков упомянут Е. Топольский.

В седьмой главе говорится о работе советских историков в зарубежных архивах и библиотеках и зарубежных ученых в институтах Отделения истории АН СССР. Деятельность советских ученых в международных организациях освещается в восьмой главе.

В Заключении обращается внимание на перспективы, которые раскрывает марксистская историческая наука перед народами разных стран (особенно Азии, Африки и Латинской Америки).

В книге имеется список сокращений, указатель имен и библиография.

Приятно отметить, что в книге упоминается много важных событий в области научных польско-советских контактов. Например, кроме уже упоминавшейся «Истории Польши», начатое в 1959 г. издание «Документов и материалов по истории советско-польских отношений», подготовляемое совместно Институтом социалистических стран ПАН и Институтом славяноведения (с 1968 г. — Институтом славяноведения и балканистики)

АН СССР. К 1978 г. в Польше и в Советском Союзе в результате более чем 20-летней работы советских и польских ученых вышло в свет 9 томов «Документов и материалов по истории советско-польских отношений» за период с 1917 по 1949 г. Сборник издается одновременно на польском и русском языках. Автор рассказывает также о сотрудничестве польских и советских историков в подготовке многотомного издания «Восстание 1863 г. Материалы и документы». В этой работе принимают участие наряду с Институтом истории ПАН Институт славяноведения и балканистики АН СССР, институты истории АН Украинской ССР, Белорусской ССР, Литовской ССР и Главное архивное управление при Совете Министров СССР.

Опубликование источников по истории Январского восстания, как утверждают польские и советские историки, сильно укрепило сотрудничество историков обеих стран¹. Это актуальное издание насчитывает уже 21 том. (Всего предполагается выпустить 24 тома.)

Е. А. Дудзинская не оценивает приводимые факты и примеры. Хотя факты без интерпретации не дают целостного представления о сотрудничестве, однако, в данном конкретном случае, когда автор не обладает архивным материалом, ценны сами факты, даже и без комментариев. В библиографии рецензируемой книги отсутствует ряд важных работ, в том числе советских историков, о международном научном сотрудничестве. Эти критические замечания, однако, не уменьшают значения публикации.

Необходимо подчеркнуть, что хотя книга Дудзинской представляет в синтетическом виде отдельные примеры контактов советских историков с зарубежными учеными, она, как утверждает чл.-корр. В. Т. Пашуто в предисловии, «подтверждает основные тезисы, принятые в Хельсинки: сотрудничество с единомышленниками и идейная борьба с противниками — отличная основа для глубокого познания истории человечества, для защиты высоких идеалов гуманизма».

О. Вышомирская-Кузьминская

¹ В. Д. Корольук, И. С. Миллер. О совместной советско-польской публикации источников по истории восстания 1863—1864 гг. «Новая и новейшая история», 1958, № 5; И. И. Хренов. Плодотворное научное сотрудничество советских и польских историков. «Вестник АН СССР», 1975, № 10.

Ю. МЕМИШЕВ. Участие на българските турци в борбата против капитализма и фашизма. 1919—1944. София, 1977, 221 с.

Ю. МЕМИШЕВ. Участие болгарских турок в борьбе против капитализма и фашизма

Для подготовки своего труда Ю. Мемисhev использовал различные виды источников. Опираясь на решения БКП и труды ее руководителей, он привлек материалы Центрального партийного архива при ЦК БКП, Центрального государственного исторического архива, Военно-исторического архива, Архива Министерства внутренних дел, ряда окружных партийных и государственных архивов. Широко использована центральная и местная пресса различных политических направлений, в том числе на турецком языке, ранее в научных исследованиях вообще не фигурировавшая. Критически проанализированы мемуарные свидетельства, включая собранные автором. Столь широкая источниковедческая база позволила создать ценное и интересное исследование.

Работа построена в проблемно-хронологическом плане. В отдельных главах рассматривается участие трудящегося турецкого населения в классовой борьбе периода послевоенного революционного кризиса, вовлечение его в борьбу против фашизма и реакции в 1923—1934 гг., участие турок в народном фронте против фашизма и угрозы войны (1934—1939), в вооруженной борьбе 1941—1944 гг.

В книге дан анализ социально-экономического и политического положения трудящихся турок на различных этапах. Автор показал усилившуюся классовую дифференциацию в среде турецкого населения после первой мировой войны, выделение незначительной по численности, но влиятельной богатой верхушки. Основная же масса турок (из трудящихся около 90% составляли крестьяне и свыше 10% рабочие) подвергалась жестокой эксплуатации. Удачно рассмотрены проявления экономического кризиса 1929—1933 гг. в Кырджалийской, Момчилградской, Крумовградской околиях, населенных в значительной мере турками. В книге отмечено влияние, которое оказывало мусульманское духовенство на трудящихся турок, религиозный фанатизм значительной их части, что затруднило их вовлечение в революционную борьбу под руководством БКП. Автор уделил значительное внимание изменениям в политическом положении турецкого населения в условиях монархо-фашистской диктатуры второй половины 30-х — первой половины 40-х годов, показал, что в годы, когда болгарский фашизм пытался создать свою «национальную» шовинистическую расовую теорию, турки стали объектом открытой

дискриминации, что непосредственно привело и к новому ухудшению их экономического положения. Автор приводит документы о грубом вмешательстве властей в дела турецких школ, о стремлении правительства свести к минимуму образование турок и т. д. Представляется, однако, что изложение политики монархо-фашистов в отношении турецкого населения с точки зрения задач рецензируемой работы оказалось сильно растянутым (с. 118—129).

Новые дискриминационные меры в связи с осуществлением расистского закона о защите нации (1941), массовые реквизиции в пользу Германии, произвол местной администрации рассматриваются как одна из предпосылок участия турок в вооруженной борьбе болгарского народа против фашизма 1941—1944 гг.

Автор рассказывает о попытках буржуазных партий создать националистические мусульманские организации в начале 20-х годов, о попытках фашистского национально-социалистического движения Цанкова свить себе гнездо в турецких селах в следующем десятилетии и т. д. Но степень влияния этих мер не показана, а о деятельности Земледельческого союза и Социал-демократической партии в турецких районах говорится очень мало. Разумеется, это вопросы, лишь косвенно относящиеся к проблематике работы. Но их анализ позволил бы автору четче показать борьбу БКП за преодоление буржуазных и националистических влияний, за народный фронт во второй половине 30-х годов и Отечественный фронт в период вооруженного сопротивления фашизму применительно к участию в них турецкого населения.

В центре внимания автора деятельность БКП и руководимых ею организаций среди турок, участие турецкого населения в экономической, политической и вооруженной борьбе против капитализма и фашизма. Ю. Мемисhev показал весьма благоприятное воздействие начавшегося после Великой Октябрьской социалистической революции процесса большевизации БКП на ее политику в отношении национальных меньшинств. Именно в этот период партия развернула систематическую активную работу среди трудящихся турок. Весьма интересны данные о создании турецких коммунистических просветительских групп с участием беспартийных, о вовлечении рабочих-турок в профсоюзы, о создании и деятельности турецких коммунистических

молодежных групп и спортивных организаций, работе среди женщин, особенно по преодолению религиозных предрассудков и вредных традиций. Автор уделит определенное внимание изданию партийной литературы и периодической печати на турецком языке, в частности газеты «Зия» («Свет»). Но посвятив характеру материалов газеты лишь одну страницу (с. 20—21), Ю. Мемишев не смог в полной мере раскрыть ее содержание и формы работы. Важно было бы также охарактеризовать деятельность созданной ЦК БКП в 1920 г. Центральной комиссии по работе среди турецкого населения, о чем автор лишь упоминает (с. 22).

Представляет интерес анализ деятельности БКП среди турецкого населения в условиях фашистской диктатуры. Автор отмечает его вовлечение в деятельность легальных классовых организаций — Рабочей партии, Рабочего молодежного союза, Независимых рабочих профессиональных союзов, создание демократической легальной газеты «Халк сеси» («Голос народа») с участием коммунистов, которая выходила с 1925 по 1934 г. Ю. Мемишев дал анализ левосектантских ошибок в национальном вопросе, которые допускались в руководстве БКП в первой половине 30-х годов, и отметил трудности, которые из-за них создавались в массово-политической работе партии среди турок. В то же время показано, что и в тот период, когда руководство партии находилось в руках сектантов, здоровые силы БКП продолжали вовлекать турецкое население в экономические и политические выступления, в частности посредством легальных классовых организаций. Решения VII конгресса Коминтерна и VI пленума ЦК БКП (февраль 1936 г.) способствовали, как убедительно свидетельствуют приводимые автором материалы, решительному перелому в работе среди национальных меньшинств, их активному вовлечению в народный фронт. Характеристику практической деятельности партии в этом направлении следует отнести к наиболее ярким и интересным разделам книги. Речь идет о поддержке национально-революционной войны испанского народа, деятельности в казенном Болгарском рабочем союзе и среди безработных, в кооперативных организациях, культурно-просветительных учреждениях, в частности турецких народных читалитках. В то же время в освещении деятельности БКП среди турецкого населения в условиях фашизма до 1941 г. следует отметить отдельные просчеты. По периоду частичной стабилизации капитализма автор дает лишь самые общие сведения (с. 85—90). Деятельность Конституционных комитетов во второй половине 30-х годов — сюжет сам по себе весьма важный — слабо увязана с проблемой вовлечения турецкого населения в антифа-

шистскую борьбу, в защиту Тырновской конституции (с. 154—157).

Во всех главах книги имеются содержательные параграфы, посвященные непосредственному участию трудящихся турок в экономической и политической борьбе. Охарактеризованы их стачечные выступления, в частности участие в таких крупных забастовках, как стачка транспортников (декабрь 1919 — февраль 1920 г.), стачки табачников конца 20-х — начала 30-х годов и 1936 г. Интересны страницы о поддержке турецким населением Советского государства, помощи голодающим Поволжья, борьбе против подготовки новой мировой войны, массовом сборе подписей в турецких районах под петициями в пользу заключения пакта о дружбе и взаимопомощи с СССР. Свидетельством результативности деятельности БКП среди турецких трудящихся было, как показано в книге, образование в ряде районов, компактно населенных турками, коммунистических общинных советов в начале 20-х годов и в 1932 г.

Наконец, Ю. Мемишев раскрыл и участие трудящихся турок в вооруженной борьбе против фашизма. Приведены яркие факты их мужества в Июньском и особенно Сентябрьском восстаниях 1923 г., в четническом партизанском движении 1924—1925 гг. К сожалению, автор не выявил причин, по которым ряд районов с относительно компактным турецким населением не принял участия в Сентябрьском восстании. Убедительно рассказано о различных формах антифашистского Сопротивления в 1941—1944 гг., о борьбе турок в партизанских отрядах и боевых группах, помощи турецких крестьян партизанам оружием, снаряжением, продовольствием, о деятельности героев вооруженной борьбы Адила Дервишева, Ахмеда Татарова и других. Специальный параграф посвящен установлению народно-демократической власти в ряде городов и сел с преобладанием турецкого населения и об участии турок в вооруженном восстании 9 сентября 1944 г. в других районах страны.

Несмотря на отдельные структурные недостатки и пробелы, книга Ю. Мемишева может быть оценена как серьезное и глубокое научное исследование. Богатый фактический материал и его тщательный анализ подтверждают вывод о том, что работа партии среди турецкого национального меньшинства дала положительные результаты. Значительная часть турецкого населения активно включилась в борьбу против капиталистического гнета и фашистской диктатуры, в огне классовой борьбы крепла классовая солидарность трудящихся различных национальностей и этнических групп.

Г. И. Черняевский

М. МАНОЛОВА. Русия и конституционното устройство на Източна Румелия. София, 1976, 219 с.

М. МАНОЛОВА. Россия и конституционное устройство Восточной Румелии

Автор рецензируемой монографии Мария Манолова — историк-юрист. Она занимается историко-правовыми проблемами, связанными с процессом становления и развития болгарской буржуазной государственности. Ее предыдущие работы¹ посвящены анализу правового положения болгарских общин в последние десятилетия османского владычества, характеру административных реформ в Турции в тот же период, деятельности Временного русского управления в 1877—1879 гг. по созданию болгарских буржуазных государственных институтов.

Новая книга — логическое продолжение прежних изысканий автора. Вопрос о характере Органического устава Восточной Румелии, разработанного в 1878—1879 гг. представителями западноевропейской и русской дипломатии, является неотъемлемой частью истории становления нового болгарского государства. Несмотря на сравнительно короткий срок действия (1879—1885) этого своеобразного государственно-правового статута, он оставил глубокий след в политической истории болгарского народа. Главную цель монографии М. Манолова видит в следующем: впервые дать правовую оценку и анализ законодательной деятельности Европейской комиссии по разработке основных разделов конституционного закона Восточной Румелии, регламентирующих организационную структуру и сферу деятельности центральных органов государственной власти и управления, т. е. тех государственных органов, посредством которых наиболее полно осу-

ществлялась политическая власть и на деле реализовывались автономные права области. Автору удалось весьма успешно справиться с поставленной задачей.

Источниковедческая база работы богата и разнообразна. М. Манолова привлекла ценные архивные материалы из хранилищ Франции, Болгарии, тщательно изучила протоколы заседаний Европейской комиссии, Берлинского конгресса и Константинопольской конференции, русские и советские сборники документов, касающиеся деятельности русских гражданских властей в Болгарии, а также болгарскую прессу, стенографические протоколы заседаний Областного собрания, Постоянного комитета, Первого Учредительного Народного собрания Болгарского княжества.

Работа делится на семь глав, соответствующих четко намеченным тематическим линиям исследования — социально-экономической, политической и международной обстановке, в которой создавалась Восточная Румелия; компетентности, задачам и характеру Европейской комиссии; основным принципам конституционного устройства Восточной Румелии; характеристике Областного собрания, Постоянного комитета, органов центральной администрации, основных политических прав и свобод, провозглашенных Органическим уставом.

Справедлив тезис автора о том, что отделение Южной Болгарии от Болгарского княжества, искусственное создание из нее подчиненной турецкому султану области было результатом продолжительной и крайне сложной борьбы между крупнейшими западноевропейскими государствами и Россией за политическое и экономическое влияние на Балканах, а также за стратегические позиции на полуострове. Острое соперничество противостоящих друг другу дипломатий нашло отражение и в рамках Европейской комиссии, призванной, в силу решений Берлинского конгресса, выработать Органический устав — основу политической и правовой организации Восточной Румелии.

В монографии разоблачается еще бытующее в работах некоторых буржуазных ученых ложное положение о том, что все члены Европейской комиссии в равной мере были воодушевлены стремлением умиротворить Восток и даровать области и ее населению действительную автономию. Продолжая исторически объективную линию современных болгарских

¹ М. Манолова. Правното положение на българската община през последните десетилетия на османското владичество. «Известия на Института за правни науки», т. XXI, 1967; ее же. Към въпроса за административни реформи в Турция от втората половина на XIX век. «Правна мисъл», 1967, № 3; ее же. Изграждане на българската буржуазна държавна организация в периода на Временното руско управление 1877—1879. София, 1969 (канд. дис.); ее же. Характерни особености на съдебната организация след освобождението на България. «Правна мисъл», 1971, № 3; ее же. Държавният съвет по проекта на Лукиянов за Органически устав за държавно устройство на княжество България. «Правна мисъл», 1973, № 3.

исследователей², М. Манолова на основании богатого фактического материала убедительно показывает, что западноевропейские делегаты, особенно представители Австро-Венгрии и Англии, в силу политических и финансовых интересов правительства своих стран стремились к принятию таких законодательных основ, которые привели бы к полному восстановлению в Южной Болгарии султанской власти (лишь очищенной от проявлений грубости и насилия), отдалению в государственно-правовом отношении Восточной Румелии от Болгарского княжества, что сделало бы неосуществимой идею о соединении Севера и Юга. С подобным реставраторским курсом решительно не соглашались русские делегаты, последовательно выступавшие за демократизацию управления, за создание правовых институтов, обеспечивающих не только действительную автономию области, но и близость системы управления по обе стороны Стара Планины, а кроме того, отвечающих общественно-экономическим изменениям, происшедшим в Северной и Южной Болгарии вследствие разрушения турецких феодальных порядков. Руководствуясь принципом единства болгарского народа, русская сторона стремилась обеспечить условия для будущего объединения насильственно разрозненных частей страны. Действуя подобным образом, русский царизм руководствовался собственными политическими соображениями, желанием создать на Балканах сильные славянские государства, находящиеся в сфере его влияния. Однако стремление России разрушить османское господство в Европейской Турции объективно совпадало с интересами малых балканских народов. А политика либеральной Европы, как ни парадоксально, была направлена на поддержку «гнилья и застоя», на сохранение сущности старого режима.

При изучении процесса создания отдельных государственных институтов Восточной Румелии М. Манолова в полной мере учитывает противоположные политические и правовые концепции, которыми руководствовались представители западно-европейских государств и России во время своей деятельности в комиссии. Автор считает, что конечным итогом длительного и упорного противоборства этих двух антагонистических стремлений был провал антиболгарского

курса Запада и создание для Восточной Румелии одного из самых прогрессивных для своего времени конституционного свода законов. Три основных фактора способствовали такому финалу: наличие в Южной Болгарии русской военной и гражданской власти, последовательно отстаивающей национальные интересы болгарского народа; массовое движение болгарского населения против несправедливых решений Берлинского конгресса, заставившее западных делегатов считаться со спонтанным народным протестом; упорная борьба русских представителей в комиссии за действительную автономию Восточной Румелии и создание основ для будущего объединения.

В монографии в широком плане исследуется состав, компетентность и внутренняя структура Областного собрания, Постоянного комитета и других центральных органов управления, ибо им принадлежала вся политическая власть и, следовательно, по степени их активности можно наиболее точно судить о характере автономного положения Восточной Румелии по отношению к Порте. Автор показывает, что право обсуждать и принимать законы области, пользоваться законодательной инициативой, контролировать деятельность органов высшей администрации способствовало престижу Областного собрания как верховного представительного и законодательного органа Восточной Румелии, свидетельствовало о демократических началах, на которых строилась его деятельность. Право султана на утверждение принятых Областным собранием законов, ущемлявшее власть последнего, на практике удалось умело обойти благодаря статье 55 Органического устава. Первостепенное значение в жизни Южной Болгарии имел и Постоянный комитет благодаря существенным совещательно-контрольным, законодательным и судебным функциям.

Основной закон Восточной Румелии содержал ряд положений, фиксировавших важные конституционные права и свободы жителей области, прежде всего равенство граждан перед законом, свободу личности, совести, печати, собраний, неприкосновенность собственности, право на образование и т. д. Ввиду многонационального состава Восточной Румелии важным было положение Органического устава о языке, давшее возможность утвердить в области язык большинства населения — болгарский. Прогрессивный характер конституционного закона Восточной Румелии, как подчеркивается в монографии, заключался также и в том, что юридически закрепленная им государственно-правовая организация как часть новой буржуазной надстройки действовала закреплению новых общественно-экономических и социальных отношений, способствовала их развитию. В то же время в книге отмечаются и не-

² М. Стоянов. Изработване на Органически устав на Източна Румелия. «Исторически преглед», 1955, кн. 2; Г. Тодоров. Временното руско управление в България през 1877—1879. София, 1958; Хр. Гандев. Руската помощ за изграждане на българската държава през 1877—1879 гг. В кн. Освобождение на България от турско иго. София, 1958.

которые консервативные положения устава: имущественный ценз, сильная исполнительная власть и др.

Соглашаясь в целом с концепцией и основными выводами М. Маноловой, хотелось бы обратить внимание на некоторые вопросы. Нам представляется, что в монографии несколько затупевана известная эклектичность Органического устава, отрицательное значение ряда консервативных его сторон (например, сложная и дорогостоящая администрация), а главное тот факт, что в действительный конституционный закон области устав превратился в ходе практического применения, в процессе последовательной и длительной борьбы против реставраторских поползновений султанской власти и ее приспешников. На наш взгляд, несмотря на наличие определенных буржуазно-демократических черт, основной закон Восточной Румелии было бы вернее оценить как буржуазно-либеральный, тем более, что автор говорит о боязни составителей Органического устава широкого участия народных масс в управлении областью.

В итоге всех преобразований власть в Восточной Румелии, как и в Болгарском княжестве, сосредоточила в своих руках буржуазия, а не представители трудящихся. В ряде случаев желателен более пристальный анализ классового состава болгарского населения Восточной Румелии того времени, указание не только на сближающие, но и на разъединяющие моменты между различными классами и слоями болгарского общества. Говоря о глубоко врожденном чувстве демократизма у болгар (с. 120), необходимо указать на исторические корни этого явления.

Жаль, что в монографии, помимо обычного научного аппарата, нет библиографии всего комплекса использованных источников и литературы. Это значительно облегчило бы работу с книгой.

Сделанные замечания не умаляют важного научного значения рецензируемой монографии. Болгарская наука пополнилась новым интересным исследованием.

К. Струкова

А. А. УЛУНЯН. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия (Очерки). М., 1978

Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии, столетие которого недавно отмечалось, является кульминацией в национально-освободительном движении болгарского народа и знаменует новый этап в развитии Восточного кризиса 70-х годов XIX в., приведший непосредственно к русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Советские и болгарские исследователи многое сделали для раскрытия объективной картины событий в Болгарии в 1875—1876 гг. Изданы капитальные работы, освещающие подготовку и ход восстания, показывающие его характер и движущие силы, его значение. В последнее время в СССР и НРБ появился ряд исследований, посвященных реакции мировой общественности на события в Болгарии, отношению европейских держав к национально-освободительной борьбе болгарского народа. К числу таких работ относятся и рецензируемое издание.

Советские историки внесли большой вклад в изучение темы «Апрельское восстание и Россия»¹. Монография

А. А. Улуныяна, подводя в какой-то мере итог предшествующим исследованиям, рассматривает новые вопросы темы и восполняет пробелы, существующие в ее изучении, такие, в частности, как роль русской дипломатии и позиция русских дипломатических представителей в Болгарии в период подготовки, хода и подавления восстания; освещение событий в Болгарии в русской прессе различных направлений; отношение народов России к национально-освободительному движению в Болгарии и др.

Автор проанализировал большой комплекс источников, ранее почти не привлекавшихся при изучении темы. Это — обширный круг русской периодики (консервативная, либерально-буржуазная пресса, демократическая и революционная печать, особенно следует отметить привлечение автором местной печати), документы Архива внешней политики России (донесения русских дипломатических представителей, аккредитованных в Османской империи, Румынии, Черногории). Использовав также многочисленные исследования болгарских историков, в осо-

¹ И. В. Козьменко. Русское общество и Апрельское болгарское восстание в 1876 г. «Вопросы истории», 1947, № 5; С. А. Никитин. Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875—1876 гг. В кн. Общественно-политические и куль-

турные связи народов СССР и Югославии. М., 1957; Н. П. Подлесный. Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и общественное мнение России. Автореферат канд. дисс. Харьков, 1963 и др.

бенности последнего времени, документальные публикации, А. А. Улуян убедительно показывает принципиальную и фактическую сторону политики русского правительства в Восточном вопросе накануне и в период Апрельского восстания, ход национально-освободительного движения на Балканах, отношение русской общественности к борьбе балканских народов за свое освобождение.

Рецензируемая работа содержит ряд логически связанных между собой очерков, посвященных отдельным этапам национально-освободительной борьбы в Болгарии в 1875—1876 гг. Три из них касаются непосредственно событий накануне восстания и его хода, два — освещают отклики русской и армянской периодической печати на восстание. Выделение этих вопросов в самостоятельные очерки вполне оправданно, так как позиция печати, выражающей мнение различных классов и группировок общества, требовала специального рассмотрения.

В очерках, посвященных событиям в Болгарии в 1875 г., автор значительное внимание уделяет характеристике первого этапа национально-освободительного движения в период Восточного кризиса 70-х годов и усилий русской дипломатии по его мирному урегулированию. Особый интерес, на наш взгляд, представляет очерк о Старозагорском восстании 1875 г. в Болгарии, которое еще недостаточно освещено в исторической литературе. Используя данные консульских донесений, содержащих значительную и большей частью достоверную информацию о положении в Болгарии, А. А. Улуян не только приводит новые сведения по ряду вопросов (например, о подготовке восстания, о попытке осуществить поджог Константинополя, о действиях турецкой администрации накануне и в ходе восстания), но и показывает широкую осведомленность русских дипломатов, свидетельствующую о наличии их тесных связей с болгарской общественностью.

Представляет большой интерес исследование, сделанное автором по вопросу о местопребывании Х. Ботева в первой половине сентября 1875 г. На основе анализа различных источников он убедительно доказал, что в этот период Х. Ботев находился в России и предпринимал серьезные усилия для получения денег и оружия для готовящегося восстания. Значительное внимание уделяет автор вопросу о причинах распада Болгарского революционного центрального комитета, справедливо связывая его с поражением восстания и борьбой либерально-буржуазного и революционного течений в болгарском национально-освободительном движении.

Очерк об Апрельском восстании занимает центральное место в работе. Фактическая сторона событий изложена автором на основе привлечения новейших

трудов советских и болгарских историков. Приводятся последние данные о социальном составе участников восстания, которые подтверждают мнение советских и болгарских исследователей о народном характере восстания, о крестьянстве и ремесленниках как его движущих силах. В работе содержится правильная оценка характера восстания и его значения в последующей борьбе болгарского народа. Особое внимание автор уделяет анализу донесений русских дипломатических представителей на территории Болгарии, которые интересны не только своей фактической информацией, но и оценками. Показано, что выводы русских дипломатов имели существенное значение при формировании внешнеполитической линии балканской политики России. В то же время стремление правительства и лично Александра II действовать в рамках Союза трех императоров подчас вело к игнорированию реалистических и дальновидных предложений русских дипломатов, в частности посла в Константинополе Н. П. Игнатьева. Интересные новые свидетельства приведены автором при показе усилий русской дипломатии, пытавшейся найти пути мирного соглашения в вопросе о балканских славянах осенью 1876 г. и в преддверии русско-турецкой войны. Однако эти усилия парализовывались сопротивлением Турции, подстрекаемой Англией и другими западноевропейскими странами к обострению отношений с Россией.

Интересен сделанный автором анализ материалов русской прессы различных направлений, посвященных Апрельскому восстанию. Как показало исследование, русская печать подробно и полно освещала события в Болгарии, давая подчас верные и глубокие оценки причин восстания, действий русской и западноевропейской дипломатии и т. д. Однако связь с интересами определенных партий, группировок и даже лиц (как, например, «Русский мир» М. Г. Черныева) обусловила позицию прессы, в особенности консервативного и либерально-буржуазного направлений, и влияла на подход к событиям. Русская печать, как справедливо утверждает автор, сыграла огромную роль в формировании русской общественности о событиях на Балканах, в организации материальной помощи славянам, в формировании общественного мнения России в отношении балканских проблем.

В специальном очерке об армянской периодической печати автор, анализируя ее материалы, посвященные национально-освободительной борьбе на Балканах, подчеркивает, что особый интерес к этим вопросам был связан с общностью исторических судеб, политических и культурных интересов болгарского и армянского народов, долгие годы находившихся под игом Османской империи. Интерес к прессе Армении оправдан тем, что Ар-

меня входила в сферу Восточного вопроса. Используя события на Балканах, армянская буржуазия Восточной Армении стремилась организовать антитурецкое движение на находящихся под властью Порты территориях Западной Армении. Автор отмечает усилившийся интерес в Армении к болгарской культуре, говорит о материальной помощи армянской общественности восставшим болгарам. Анализ материалов армянской прессы предпринимается впервые в данной работе и представляет большой интерес для изучения вопроса об отношении народов России к борьбе балканских славян. Эта проблема должна привлечь внимание историков союзных республик.

Высоко в целом оценивая рецензируемый труд, вносящий определенный вклад в разработку проблемы связей национально-освободительного движения балканских народов и России, укажем на отдельные содержащиеся в нем недочеты. Так, при оценке действий русской дипломатии осенью 1876 г. следовало учесть позицию России по урегулированию сербско-турецкого конфликта, что существенным образом повлияло впоследствии на ее решение начать войну с Турцией. Автор, уделяя, на наш взгляд, излишне много внимания общей характеристике направлений и состояния русской печати 70-х годов, в то же время недостаточно места отвел материалам демократической и революционной прессы. Не использо-

ван, в частности, ряд интересных материалов журнала «Дело» по балканскому вопросу.

В отдельных случаях автор не дает необходимой критики использованных источников. Так, сообщение агента из Берна в III отделении о намерениях П. Л. Лаврова отправиться в Сербию (с. 27) является очевидным вымыслом, что следовало бы отметить. Нуждается также в более обоснованной оценке критический отзыв об И. С. Иванове, приводимый автором (с. 134). При всех своих недостатках этот деятель сыграл значительную роль в организации помощи России болгарскому национально-освободительному движению. Автор, многие годы занимающийся исследованиями в этой области, создал, не повторяя других, оригинальную работу, основанную на новых источниках и ярко показывающую решающую роль России в оказании помощи болгарскому народу, борющемуся за свое освобождение. В монографии еще раз подтверждается тот факт, что Россия в период Восточного кризиса не имела никаких намерений осуществить территориальные приобретения на Балканах и опровергается утверждение западных историков о пассивном отношении русской дипломатии к судьбе Болгарии накануне и в период Апрельского восстания 1876 г.

В. М. Хееролина

Л. МИНКОВА. *Осип Максимович Бодянски и българското възраждане*. София, 1978

Л. МИНКОВА. *Осип Максимович Бодянский и болгарское возрождение*

Рецензируемая книга болгарской исследовательницы Л. Минковой является результатом ее многолетних историко-славистических занятий. Славистам — литературоведам, языковедам, историкам — хорошо известны труды автора по истории славяноведения и подготовленные ею публикации источников в этой области¹.

¹ Л. Минкова. Спиридон Палазов в кръга на руските слависти. «Известия на Българското историческо дружество», кн. 29. София, 1974; е е же. Осип Максимович Бодянски — издател на паметници на старобългарската литература. Старобългарска литература, кн. 2. София, 1977; е е же. Корреспонденция болгар с Нилом Александровичем Поповым. «Bulgarian Historical Review», 1977, № 1.

Осип Максимович Бодянский — один из первых русских славистов прошлого века, видный ученый и педагог Московского университета, жизнь и деятельность которого уже была предметом изучения, в частности, в последнее время². Но впервые в историографии Л. Минкова попыталась, с одной стороны, раскрыть научно-педагогическую деятельность О. М. Бодянского как болгариста, а с

² Н. А. Кондрашов. Осип Максимович Бодянский. М., 1956; Л. Н. Александркина. Из истории возникновения славяноведения в России. В сб. Проблемы всеобщей истории. М., Изд-во МГУ, 1973; е е же. О. М. Бодянский — первый славист Московского университета. «Вестник Московского университета», серия История, 1973, № 5.

другой, осветить его связи с деятелями болгарского возрождения. Таким образом, обширная тема русско-болгарских связей прошлого века решается автором путем конкретного углубленного изучения жизни и научной деятельности одного из видных представителей русской науки, тесно связанного с болгарской возрожденческой культурой.

Труд Л. Минковой написан с привлечением большого числа новых источников, на основе всестороннего изучения архивных материалов, прежде всего личного архива Бодянского, хранящегося в Киеве. Монография состоит из введения и четырех разделов. Во введении автор формулирует задачи своей работы, пишет о годах учебы Бодянского в МГУ в 30-х годах прошлого века, о командировании в славянские земли, первых шагах в науке. За введением следует раздел, в котором изучается преподавательская работа Бодянского в Московском университете, где он почти четверть века возглавлял кафедру славистики и преподавал три важнейшие славистические дисциплины — языки, литературу и историю славянских народов. Как удалось показать Л. Минковой, в лекционных курсах и семинарских занятиях профессор уделял значительное внимание болгарской тематике. Автор подробно анализирует принадлежащую Бодянскому программу преподавания славянских дисциплин, так называемый «Конспект по кафедре истории и литературы славянских наречий», адресованный министру народного просвещения. Автор анализирует лекции Бодянского, озаглавленные «Славянская археология или Славянские древности», приводит обширные выдержки из этих лекций.

В личном архиве Бодянского Л. Минковой удалось выявить значительное число материалов, свидетельствующих о большом внимании ученого к болгарским проблемам. К их числу относятся многочисленные заметки, отрывки из источников и исследований, фрагменты изложения болгарской истории, лекции по болгарской истории, написанные им в 50-х годах прошлого века и прочитанные дважды в 1851/52 и в 1862/63 учебных годах, сохранился и составленный Бодянским «План истории Болгарии и Сербии», причем к болгарской истории относятся 23 пункта плана.

В следующем разделе рассматриваются материалы научной деятельности О. М. Бодянского по подготовке к печати памятников средневековой болгарской литературы. Л. Минковой удалось показать многостороннюю и сложную издательскую работу московского профессора. Стало ясно, что со времени открытия памятника до его публикации прошли многие годы. Так, одно из сочинений Иоанна Дамаскина в переводе болгарского писателя X в. Иоанна Экзарха — «Богосло-

вие», открытое в 1813 г. русским ученым К. Ф. Калайдовичем, в 40-х годах было подготовлено Бодянским к печати, но увидело свет лишь в 1877 г., когда его издал А. Н. Попов (с. 46). Не менее сложна история и с подготовкой Бодянским еще одного произведения Иоанна Экзарха — «Шестоднев» и так называемого «Сборника Симеона 1073 г.». Эти, уже готовые к публикации тексты, были напечатаны уже после смерти ученого. Бодянским опубликованы «Сказание о буквах» Черноризца Храбра, источники о жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, «Житие Феодосия Тырновского». В своих заключениях об издательской деятельности профессора, как и в других случаях, Л. Минкова опирается на материалы личного архива Бодянского, в частности на его корреспонденцию с коллегами-славистами. Материалы корреспонденции позволили ей сделать убедительный вывод о том, что «издание источников о жизни Кирилла и Мефодия — заслуга Бодянского, но оно оказалось коллективным делом. Даже то, что он сумел издать, не было бы реализовано так быстро и в таком объеме без помощи коллег и учеников» (с. 59). Со своей стороны Бодянский активно помогал своим коллегам и ученикам. Заслуги Бодянского «в издании памятников староболгарской литературы не будут показаны полностью, если не вспомнить о его деятельном участии в обнародовании всех без исключения памятников староболгарской литературы, которые появились в редактируемых им „Чтениях“» (с. 60). В обширной корреспонденции Бодянского значительное место занимают болгарские сюжеты. Об этом свидетельствует, в частности, переписка Бодянского с Шафариком и арх. Леонидом. В этом же разделе монографии Л. Минкова анализирует книгу Бодянского «О времени происхождения славянских письмен», представленную ученым в качестве докторской диссертации. Ей удалось обнаружить неизвестную доселе внутреннюю рецензию на диссертацию, данную Ф. И. Буслаевым.

В следующем разделе книги рассматривается деятельность Бодянского на посту редактора «Чтений в Обществе истории и древностей российских» и его идейные взгляды. В значительной мере благодаря Бодянскому «в изучении староболгарского языка и литературы, старой и новой истории Болгарии „Чтения“ сыграли неоценимую роль» (с. 85). Рассматривая идейные позиции Бодянского, Л. Минкова приходит к заключению о близости Бодянского к принципам романтического славяноведения (с. 87).

Значителен и обширен раздел книги «О. М. Бодянский и болгарское возрождение». Здесь много новых ценных данных о прочных связях Бодянского с большим числом видных деятелей болгарского возрождения. У Бодянского на историко-

филологическом факультете Московского университета обучалось значительное число болгарских студентов, среди них ставшие затем известными историками С. Палаузов и М. Дринов. Студентом Бодянского был и болгарский революционер Любен Каравелов. Автор справедливо отмечает, что в Москве Бодянский был известен не только как ученый-славист, но и как человек, особенно симпатизирующий Болгарии, широко осведомленный в болгарских вопросах, тесно связанный с болгарарами.

Отметим некоторые спорные, на наш взгляд, или неточные положения монографии, в целом лишенной существенных промахов. Например, не вполне точно утверждение автора, что «при составлении университетской программы по славистике Бодянский имел двух предшественников — П. И. Шафарика и Ю. И. Венелина» (с. 29). Известна также программа университетского преподавания 1840 г. петербургского слависта П. И. Прейса. Сомнителен тезис, что с середины и до конца XIX в. программа историко-филологического факультета почти не изменялась (с. 29). Было бы правомочнее, по нашему мнению, рассматривать идейные взгляды Бодянского в специальном

разделе, не совмещая с другой, весьма важной, но специальной проблемой, а именно с редакторской работой Бодянского в ОИДР. Причем, более полному рассмотрению идейных позиций Бодянского мог бы помочь и анализ открытых автором лекций по болгарской истории. Л. Минкова ошибается, утверждая, что «ни один из авторов, писавших о Бодянском, не упоминает о втором заграничном путешествии московского профессора» (с. 26). О путешествии О. М. Бодянского в 1846 г. писала Л. Н. Алексапкина³.

В целом же книга Л. Минковой, в которой впервые анализируется научная и педагогическая деятельность Бодянского в области болгаристики и его связи с болгарским возрождением, является ценным исследованием как в области истории русской славистики, так и русско-болгарских общественно-научных связей прошлого века.

Л. Горина

³ Л. Н. Алексапкина. О. М. Бодянский и его роль в развитии русско-болгарских связей (40—70-е годы XIX в.). Автореферат канд. дисс. М., 1973, с. 21.

СЕРБСКИЕ ИСТОЧНИКИ XIV в. В НОВЫХ ЮГОСЛАВСКИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Среди исторических памятников сербского средневековья важное место принадлежит законодательным, актовым и агнографическим источникам XIV в., представляющим большой интерес для специалистов разного профиля — историков, лингвистов, историков права, литературоведов. Эти источники (в их числе — Законник Стефана Душана, многочисленные грамоты и биографии) отличаются богатством разнообразных сведений по истории сербской феодальной государственности и культуры. Хотя исследование и публикация этого рода памятников начались более ста лет назад, необходимо признать, что вплоть до настоящего времени ученые были вынуждены обращаться к старым изданиям этих источников, не основанным на материале всех сохранившихся рукописей и не отвечающим требованиям современной науки¹.

Поэтому отрадно, что в последние годы вышло в свет несколько публикаций цен-

нейших сербских памятников той эпохи². Выпуск данных изданий следует признать началом нового этапа в исследованиях и издании средневековых сербских источников.

Прекрасно оформленная публикация Стружского и Афонского списка Законника Душана является первой частью многотомного издания всех рукописей этого законодательного памятника, которое запланировано Сербской Академией наук и искусств. В книге содержатся фоторепродукции этих списков, подробные описания и переводы их текста, вводные статьи, индекс статей и терминологический словарь. Большим достоинством данного тома следует признать наличие специальных статей, посвященных языку названных рукописей (автор — И. Грицкат-Радулович), и обстоятельного

¹ Е. П. Наумов. К историографии Законника Стефана Душана. В сб. Славяно-балканские исследования, М., 1972, с. 219 и сл.

² «Законик цара Стефана Душана», кн. I (Струшки и Атонски рукопис), уредн. М. Беговић. Београд, 1975; П. И в и ћ и М. Г р к о в и ћ. Дечанске хрисовеле. Нови Сад, 1976; «Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија, т. I—II, уредн. В. Мошин. Скопје, 1975—1977.

обзора историографии (Т. Никчевич), указателя понятий и выражений.

Публикация Дечанских грамот открывает серию изданий сербских грамот XIV в. и монографических исследований о языке актов XIII—XIV вв., начатую по-восадским Институтом лингвистики в рамках широкого плана «Истории сербскохорватского языка». Первый том серии содержит фототипическое издание текста трех Дечанских грамот (т. е. грамоты в свитке, грамоты в виде книги и грамоты с подписями Стефана Дечанского и Стефана Душана — по нумерации издателей так называемой первой, второй и третьей грамот Дечанского монастыря); здесь помещены также фотографии Байской копии 1762 г., которую издатели именуют «четвертой» Дечанской грамотой, перевод первого хрисовула, указатели, вводная статья и четыре факсимильных снимка частей двух из названных грамот.

Подчеркивая несомненное научное значение этих двух публикаций, мы хотели бы отметить и общий их недостаток — заметное пренебрежение к важнейшим источниковедческим критериям и требованиям. Достаточно сказать, например, что многотомное издание списков Законника предпринято без ясной позиции издателей, без четкого обоснования порядка томов и системы списков в соответствии с выявленными уже редакциями текста. Вряд ли можно признать бесспорным желание издавать списки просто в хронологическом порядке, без учета соотношения редакций Законника, более того — отдельно от Синтагмы Матвея Властара и других частей кодекса законов Сербо-греческого царства (с. 17—18, ср. там же, с. 58 — в статье Бр. Недельковича). Кстати, в обширной статье Бр. Недельковича о соборах и законодательстве феодальной Сербии при Душане содержится немало спорных или ошибочных утверждений (например, о наличии «баптины» у церкви, которую он считает «светским» феодалом, о резком различии имущественных прав вельмож и, с другой стороны, властеличичей, неправомерное противопоставление вельмож «остальным властелям и властеличичам»; с. 48—49, 54). Нельзя согласиться и с тем, что титул самодержца сербские короли носили, начиная со Стефана I (с. 28)³.

³ Ср., например, Е. П. Наумов. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975, с. 91 и сл., 232 и сл.; его же. Властелички. «Историја», 1976, № 1—2, с. 82 и сл.

К сожалению, недостаточное внимание к текстологии публикуемых источников заметно и в этом издании Дечанских грамот. Так, например, нельзя считать данное издание действительно полным, поскольку текст третьей грамоты неправомерно оборван; в результате, список селений, возвращенных монастырю в конце XIV в., не воспроизведен не только по прежним изданиям Ф. Миклошича и Г. Юришича, но даже по сводной публикации С. Новаковича, который, как известно, печатал тексты сербских грамот с большими сокращениями⁴. Не менее важно и другое обстоятельство, связанное с использованием Дечанских хрисовулов в историографии и предложе- нной издателями собственной их нумерацией (включая копию 1762 г. как «четвертую» грамоту!). Как известно, в исторической литературе уже установилась нумерация данных актов, восходящая к изданию С. Новаковича, и поэтому введение новых их названий (к тому же — во многом спорных) может лишь привести к путанице, разнобою, как это уже было с нумерацией статей Законника Стефана Душана.

Отрадно отметить, что В. А. Мошину удалось добиться большой источниковедческой тщательности и полноты в первых томах упомянутой выше серии. В частности, публикуемые здесь сербские грамоты (Скопском монастырю, Хиландарю) сопровождаются подробными комментариями, вступительными статьями, в которых разбираются сложные вопросы датировки, достоверности и соотношения различных источников. Во втором томе, например, заслуживает особого внимания весьма содержательный разбор В. А. Мошиным комплекса проблем, связанных с соотношением известной грамоты короля Милутина (так называемой автобиографии), биографии этого правителя из сборника Давида II и так называемого «жития» Милутина в свитке» (с. 309 и сл.).

В заключение хочется пожелать, чтобы опыт данных изданий был учтен в очередных выпусках серий, равно как и в запланированных давно и настоятельно необходимых изданиях Сербского средневекового дипломатария, сербской кормчей, которских актов (т. 2—3 и сл.), сербских биографий.

Е. П. Наумов

⁴ Е. П. Наумов. К вопросу о датировке некоторых сербских грамот второй половины XVI в. В сб. Славянский архив. М., 1962, с. 24.

Н. Ф. КОЛЕСНИЦКИЙ. «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977, 199 с.

Автор рецензируемой книги — известный специалист по истории средневековой Германии — считал своей целью в популярном издании ярко и конкретно изложить историю «Священной Римской империи». Но вышедшая работа перерастает поставленные автором рамки, так как удачно сочетается образность повествования с постановкой и решением сложных научных проблем.

В семи главах книги освещаются основные этапы эволюции «Священной Римской империи» от ее возникновения в X в. до фактического крушения в XIII в. В нашей рецензии ставится цель дать не целостную характеристику работы, а коснуться лишь славянской проблематики. Известно, что история «Священной Римской империи» неотделима от истории сопредельных с Германией государств и территорий. Германские короли в погоне за титулом римского императора пытались втянуть в орбиту своего влияния и славянский мир. Западнославянским народам приходилось постоянно вести борьбу против немецкого «натиска». Характеризуя героическую борьбу славян (из 175 войн, которые вели немцы со славянами в течение 367 лет — с 789 по 1157 г., менее трети были успешными), автор отвергает попытки буржуазных историков объяснить эти неудачи немцев не столько упорным сопротивлением славянских народов, сколько естественными условиями — отсутствием путей, заболоченностью местности, возможностью устраивать завалы и заграждения и т. п. Здесь же говорится о политической разрозненности среди западных славян. В книге совершенно правильно отмечаются попытки императоров использовать межплеменную рознь, чтобы внести раздоры и не допустить консолидации славянских народностей» (с. 43). Важность тезиса о межэтнических контактах внутри славянства несомненна. Именно общностью исторических судеб, самосознанием общеславянского единства был обусловлен размах и успешное завершение всеобщего восстания полабских славян в конце X в. «Освободительная борьба полабских славян против немецкого господства, — пишет Н. Ф. Колесницкий, — усилила антинемецкие настроения во всем западнославянском мире и способствовала этнической и политической консолидации славянства» (с. 44). Констатация влияния внешнеполитического фактора на этническое и политическое развитие западного славянства представляется интересной. Вопрос этот слабо разработан отечественной и зарубежной исторической наукой, в особенности характер этнических процессов в их взаимосвязи

с политическим развитием для судеб полабских славян. Его постановка заслуживает внимания исследователей-славистов.

Автор не обходит и такого важного вопроса взаимоотношений империи и славянства, как роль христианизации. Она проводилась не ради приобщения язычников-славян к мировой христианской культуре, а представляла собой идеологическое обоснование внешней экспансии в богатые славянские земли. Императоры своими силами не в состоянии были заставить полабов принять христианство и были вынуждены идти на компромиссы с Польшей, Чехией. Однако антиязыческие союзы немецких феодалов с польскими князьями быстро распались, «так как та и другая сторона стремились установить в полабских землях свое господство» (с. 45). На конкретных ярких примерах показывает автор борьбу Польши и Чехии против навязывания внешнеполитической зависимости от Германии.

Взаимоотношения Польши и империи были сложны. Каждая из сторон стремилась использовать союз, чтобы упрочить свой международный авторитет. Характерной в этой связи является поездка Оттона III в 999—1000 г. в Польшу. Оценивая его отношения с Болеславом Храбрым, автор делает вывод, что «в определенном смысле они больше пошли на пользу Польше, чем Германии» (с. 54). Иной характер носила политика Генриха II. Если Оттон III уступками польскому князю надеялся укрепить союз с ним, то Генрих II понимал опасные для Германии последствия планов Болеслава Храброго. Намерение польского главы создать большое западнославянское государство от Вислы до Эльбы противоречило осуществлению германского «натиска на Восток». Н. Ф. Колесницкий не ограничивается констатацией этого положения. Он отмечает экспансионистский характер политики польского раннефеодального государства, приведший к созданию антипольской коалиции. Взаимоотношения польского князя с Генрихом II и с членами коалиции — Чехией, Венгрией, лютичами — (польские войны 1003—1018 гг.) показаны в книге весьма убедительно. Заслуживает внимания оценка автором перспективы развития западного славянства в случае осуществления плана Болеслава Храброго и возникновения сильного западнославянского государства (с. 59).

Несомненный интерес представляет небольшая, но значительная глава «Германская монархия на подъеме». Синте-

зируя свои предыдущие исследования по истории германского государства, Н. Ф. Колесникий выделяет специфические особенности феодализма в Германии и характеризует первую половину XI столетия как период наибольшего усиления германского феодального государства. На короткое время вновь признает себя вассалом императора польский князь. Не довольствуясь однозначной оценкой могущества империи, автор отмечает рост центробежных сил в стране, усиление княжеского партикуляризма, что определяло взаимоотношения со славянами.

Содержательная глава «Священная империя „Штауфенов“». Утверждение на германском престоле в 1138 г. династии Штауфенов (Гогенштауфенов) с полным основанием автор характеризует как последний взлет «Священной Римской империи» (с. 116). В соответствии с названием книги рассматриваются притязания представителей новой династии и действительная обстановка с резко выраженным ростом княжеского могущества на местах. Автор не мог в этой связи пройти мимо фигуры Генриха Льва Вельфа, представителя могущественной княжеской династии Вельфов — противников Штауфенов. Противоборствующие династии стремились увеличить свои земельные

богатства за счет соседей: Штауфены — в Италии, Вельфы — к востоку от Саксонии в Полабье. Автор, правомерно уделяя больше места итальянским походам Штауфенов, кратко, но выразительно рисует территориальные захваты славянских земель Генрихом Вельфом, «соперничавшим в роскоши с самим императором». Представляется, однако, что целесообразным было бы отразить crestовые походы в славянское Полабье в 1147 и 1160 гг., подкрепив конкретным примером политические цели Генриха Вельфа и Альбрехта Медведя. К тому же эти походы представляют примеры откровенно захватнической имперской политики на востоке вообще.

Новая книга Н. Ф. Колесникого будет интересна не только широким кругам читателей, но и специалистам-историкам. В ее содержании удачно соединились яркость повествования с глубиной анализа источников и специальной литературы, притчем особое внимание уделено критике буржуазных теорий. Небольшая по объему книга может служить хорошим примером решения сложных проблем (в том числе и в области истории славянских народов) с популяризацией подлинно научных знаний.

А. Н. Саливон

Studia polono-slavica-orientalia. Acta litteraria IV. Wrocław—Warszawa—
—Kraków—Gdańsk, 1977, 260 s.

Польско-восточнославянские исследования

Четвертый выпуск этой серии исследований посвящен 60-летию Великого Октября. Поэтому он всецело составлен из статей о польско-русских культурных взаимоотношениях советского периода. К участию в рецензируемом издании впервые привлечены и советские полонисты (А. Пиотровская, Я. Станюкович и С. Спасс).

На наш взгляд, самая интересная и наиболее ценная по материалу работа в этом выпуске принадлежит Я. Станюкович — «*Rossica* в жизни и творчестве Марии Домбровской». Здесь по сути дела впервые так широко, причем без умолчаний о трудностях решения, поставлена сложная, научно актуальная проблема противоречивого отношения великой польской писательницы к русской литературе и советской культуре, а главное — использован неизвестный до сих пор материал той дружеской, доверительной переписки, которую автор статьи в течение многих лет веда с польской романисткой. Одна публикация (выбороч-

ная) этих писем Марии Домбровской стоит целой книги!

Менее удачными представляются две другие работы советских полонисток: А. Пиотровской — «Русская и советская литература в творческой деятельности Леона Кручковского» и С. Спасс — «Ярослав Ивашкевич и советская литература». Первая из них, хотя и носит подзаголовок «Проблемный обзор», в действительности ограничивается добросовестной информацией об отношении Кручковского к классикам русской литературы и советским писателям.

Больше оснований считаться проблемной у второй статьи, но ее автору, по-моему, не удалось обосновать свой основной тезис — мысль о типологическом сходстве трилогий Ивашкевича, А. Н. Толстого и Федина. Настаивая (правда, со ссылкой на авторитет большинства исследователей) на том, что эти произведения относятся к одной и той же типологической разновидности романа-эпопеи, С. Спасс обращает внимание и на

их различие. Она справедливо усматривает его в том, что в трилогии Ивашкевича «Честь и слава» нет «непосредственного изображения исторических событий» (с. 98), как в «Хождении по мукам» Толстого и в романах Федина, что в ней наблюдаются «акценты неповторимого лиризма, который стилистически отличает ее от рассмотренных здесь произведений А. Н. Толстого и Федина» (с. 99). В этом расхождении стилей, согласно С. Спасс, следует видеть «существенные различия между творческими индивидуальностями Ивашкевича, А. Н. Толстого и Федина» (с. 99) — и только. А между тем известно, что лиризация прозы чрезвычайно характерна вообще для новейшего литературного развития и Польши, и Болгарии, и Венгрии, и ГДР, и многих других стран. Стало быть, наблюдаемая в трилогии Ивашкевича черта является не только и, возможно даже, не столько проявлением его личной особенности (творческой индивидуальности), сколько выражением иной тенденции литературного развития, чем та, которая доминировала у А. Н. Толстого и Федина. Если это верно, т. е., если за указанным различием «творческих индивидуальностей» польского и советских романистов скрываются разные тенденции литературного развития двух смежных эпох, то их трилогии придется признать типологически не сходными, а различными, и вообще дать более строгое определение эпического жанра как такового. Каким образом могла произойти подобная накладка в аргументации, к которой, кстати сказать, прибегают многие литературоведы? По всей вероятности, это результат не изжитого еще наукой произвольного выделения литературных параллелей, которые — если только не конкретизировать цель и основание сравнения — можно приводить до бесконечности и с их помощью доказывать все что угодно. Более убедительно проведены С. Спасс параллели между прозой Ивашкевича и Паустовского, хотя, говоря о рассказах польского писателя, следовало бы назвать его все-таки автором, скажем, «Августовского дня», а не «Красных цитов» и «Честь и слава» (с. 101, 103, 104).

Немало тонких наблюдений содержит заметки Я. Савицкой о тувимовских переводах — «Тувим и русская литература». Анализом переводов «Слова о полку Игореве», «Медного всадника», произведений Гоголя и др. польская исследовательница доказала, что поэзия Тувима и его переводческое искусство едины по своей эстетической концепции, а потому разбор его переводов помогает не только глубже раскрыть теоретические послышки его собственного, оригинального творчества, но и поколебать или даже опровергнуть еще бытующее о Тувиме мнение как о „поэте-простаке“, поэте только стихийном» (с. 37).

«Из польско-советских отношений в области художественной литературы и театра в 1945—1950 годы» А. Корзона — небольшая статья, построенная на архивных материалах, дает почти исчерпывающую характеристику состояния польско-советских литературных и театральных контактов первых послевоенных лет. Несогласие вызывает лишь ссылка на С. Поляка (см. с. 113), который объясняет преобладание переводов из Тувима над переводами из Броневского в СССР большей новизной, необычностью тувимовского стиха. Мне, знакомому с атмосферой тех лет, такое объяснение кажется надуманным, взятым из позднейших представлений; да и необходимости в нем нет, так как на той же странице, пятью строками ниже, отмеченному факту дается достаточно убедительное объяснение.

В очерке М. Яцкевича — «Советские драмы об Октябрьской революции на сценах Народной Польши (1945—1970)» читатель найдет прежде всего фактические сведения о том, когда и в каких театрах Польши, в чьем переводе, режиссуре, художественном оформлении и музыкальном сопровождении ставились советские пьесы (или инсценировались романы и повести) из времен Октябрьской революции и гражданской войны, кто из актеров играл главные роли, как воспринимались эти постановки театральной критикой и зрителями. По ходу изложения этого материала М. Яцкевич касается проблемы влияния польских театральных традиций и новаторских начинаний на сценическую интерпретацию советских пьес и использования деятелями польского театра опыта советской сцены. Наконец, все эти наблюдения и частные выводы суммируются автором в общих оценках того революционно-воспитательного значения, какое имело для польского общества ознакомление с советской драматургией, отразившей великий исторический переворот. Работа М. Яцкевича — в сущности первый очерк такого рода и масштаба (кстати, и в сборнике это самая большая статья) и как таковая она является весомым вкладом в изучение польско-советских культурных связей.

В предыдущем выпуске¹ «От редакции» сообщалось, что в последующих изданиях наряду с работами исследовательского характера будут публиковаться также библиографические материалы. В рецензируемом выпуске помещены две таких статьи: В. Заворского — «Михаил Шолохов в польских переводах, литературоведении и литературной критике» и М. Зелиньской — «Константин Федин в польском восприятии». Обе публикации построены по одному и тому же, хорошо продуманному принципу систематизации

¹ См. рецензию в: «Советское славяноведение», 1977, № 4, с. 115.

справочного материала и отмечены печатью высокой культуры оформления, что делает их очень удобными для пользования. Предосланные им краткие вступления от составителей, кроме обычных указаний, ориентирующих в описании материала, содержат и первые, предварительные научные заключения о степени популярности и изученности в Польше произведений Шолохова и Федина.

К книге приложены именной указатель, составленный Л. Язукевич-Осэлковской, и краткие сведения об авторах.

По составу и содержанию рецензируемый выпуск богаче предыдущего; последующий редакция планирует посвятить 150-летию со дня рождения Льва Толстого.

В. А. Жук

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ИСКУССТВЕ XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА

Современное искусствознание предусматривает комплексное изучение явлений и процессов культуры. Интеграция научных поисков, исследований различных сфер художественной жизни определенной эпохи эффективна для основательного познания сложных феноменов искусства.

Совместные усилия ученых Всесоюзного научно-исследовательского института искусствознания Министерства культуры СССР и Института искусств Польской Академии наук во многом способствовали выяснению интересных проблем и закономерностей развития русской и польской художественной культуры конца XIX — начала XX в. Об этом свидетельствует книга, содержание которой охватывает многие аспекты творческой практики русских и польских мастеров искусства, дает читателю представление об общих принципах и закономерностях развития художественного сознания в указанный период¹. Она рассматривает эти явления как единое целое, синтетически, что позволяет более глубоко осветить взаимоближение, проникновение и взаимообогащение различных видов искусства — архитектуры, скульптуры, живописи, театра, кинематографа, художественного ремесла, музыки и основательно выяснить генезис ряда стилевых направлений.

Творческое содружество ведущих советских и польских искусствоведов в этой книге знаменательно как в смысле изучения глубоких научных проблем, так и в плане их прогнозирования, комплексного подхода к исследованию художественной культуры. Авторы этого чрезвычайно ценного в методологическом отношении сборника — советские и польские искусствоведы — подвергают конкретные явления и факты тщательному анализу; сопоставляются разные точки зрения,

проводятся сравнения сюжетно-тематических созвучий, одним словом, определяется специфика художественного языка эпохи.

Проблемно ставит вопрос академик Ю. Стажинский — место и роль русского и польского искусства в международном масштабе, — что вызывает необходимость исторического «направления» исследований и в то же время предполагает сравнительные исследования художественной культуры обеих наций». Не оценим вклад польского ученого в разработку данного вопроса, он уделял ему постоянное внимание до конца жизни. И авторы справедливо рассматривают свою книгу как дань его памяти.

О. Швидковский относит изучение художественной культуры предреволюционных десятилетий к числу актуальных задач. Оно позволяет дать объективную, основательную оценку искусству на рубеже XIX—XX вв. и проследить его значение для последующей практики. Советский искусствовед, определяя особенности русской и польской культуры переходной эпохи, подчеркивает ее демократический пафос, говорит о возрастающих социальных функциях прогрессивного искусства, о его стремлении к выражению больших идей и обращению к сюжетам, связанным с жизнью народа. Но нельзя забывать, напоминает автор, что с прогрессивным искусством нередко соседствовала буржуазная коммерческая культура и элитарное декадентское искусство. Это вызывает «необходимость не изолированного разбора явлений художественной культуры, а анализа их творческого взаимодействия, столкновений и противостояния». Комплексный подход, координация совместных усилий ученых социалистических стран помогают успешно решить кардинальные вопросы славистической науки, что особенно важно для понимания сущности взаимодействия славянских культур, характера контактов между славянскими и неславянскими народами. О. Швидковский

¹ «Художественные процессы в русском и польском искусстве XIX — начала XX века». М., 1977.

говорит о накопленном опыте советских и польских коллег в изучении ряда сложных проблем. К примеру, первая коллективная работа, которой предшествовал совместный симпозиум, была посвящена такой важной теме, как «Значение народных и национальных традиций».

Статья О. Швидковского, как и Ю. Стажиньского, имеет методологическое значение: она вооружает специалистов, дает им ключ к теоретическому осмыслению явлений искусства, нацеливает их на дальнейшее укрепление творческих связей, расширение круга исследований по актуальным проблемам искусства социалистических стран.

Многочисленные исследования Г. Стернина посвящены характеру проблематики художественной культуры рубежа XIX и XX вв. В данной книге он затрагивает проблему генезиса русского изобразительного искусства, освещает тему взаимоотношения различных стилистических направлений, сжато конкретизирует традиционные аспекты изучения культуры той эпохи. Говоря об ее источниках и внутренней преемственности, об «обостренном идеологизме» художественного сознания, о «социально-критических и неоромантических импульсах искусства», повышении общественного долга творца, он тем самым вскрывает важную и сложную проблему соотношения и взаимодействия художественных традиций и новаторства. Важное в методологическом и методическом отношении исследование Г. Стернина успешно решает задачу, поставленную нашим советским искусствоведением.

Символизму в искусстве «Молодой Польши» посвящено исследование В. Яворской. Рассматривая данное направление как неоднородное, она подчеркивает многообразие искусства той эпохи. На примере четырех художников — Я. Мальчевского, С. Высянского, Ю. Мегоффера и В. Войткевича — показаны общие точки соприкосновения польской художественной школы с европейским искусством, вскрыты глубинные течения, формировавшие художественный стиль.

В статье «Отражение в художественной критике польской живописи на рубеже XIX и XX вв.» В. Юцак определяет место критики в системе художественного сознания как среднего звена между творцом и зрителем. Автор акцентирует необходимость выделить данный период в историческом развитии искусства как «однородный комплекс явлений, подчиняющийся своим законам», причем этот период, заметим, с присущими ему идейно-художественными новшествами, присутствует во всех европейских странах. По определению автора, кульминация процесса падает на границы 1900—1905 гг. Выясняя художественное содержание эпохи, автор обращает внимание на диалог

символизма и экспрессионизма, определяет их связи с романтизмом и родство с натурализмом.

В. Юцак подчеркивает художественную панорамичность периода и классифицирует его как этап, завершающий деятельный процесс, начало которого он видит в эпохе Просвещения.

Наследие Ф. Рушица — яркое свидетельство творческих связей двух культур; с одной стороны, мастер тесно связан с русской художественной средой, с другой — Рушиц — польский художник, оказавший огромное влияние на польскую живопись. Проблема творчества Рушица неотделима от темы о судьбах пейзажного жанра, предопределена общим ходом развития искусства и характером стилистических поисков на рубеже XIX—XX вв. Л. Тананаева справедливо указывает, что изучение живописи Рушица вне контекста художественных взаимосвязей выглядит односторонне; так же, добавляет она, недопустим анализ пейзажа той эпохи без упоминания имени Рушица — что порой еще встречается. Автор на конкретных примерах подчеркивает близость польского художника к мастерами русского искусства, единомышленниками, выпускниками мастерской Куинджи.

В книге исследуются особенности русской архитектуры на фоне общих изменений в искусстве периода *fin de siècle*. Е. Борисова анализирует новые стили в русском зодчестве и, естественно, много внимания уделяет модерну.

А. Ольшевский останавливается на основных течениях польской архитектуры, рассматривая ее развитие во взаимосвязи с европейским зодчеством.

О роли декоративного искусства в русской художественной культуре убедительно пишет Л. Андреева, а о возрождении ремесел в польском искусстве — И. Гумль. Пути для их обновления и расцвета были открыты, значение в жизни общества возросло.

В статье В. Васиной-Гроссман, одного из наиболее известных специалистов в области вокальной музыки, содержится теоретическое обоснование связей поэзии и камерно-вокальной музыки.

Большое место в книге уделено театру. В своей глубокой по смыслу, содержательной по анализу и интересной по наблюдениям статье Т. Родина утверждает, что в культурной жизни эпохи возрастает контакт между сценой и зрительным залом; театр глубже входит в быт эпохи, чутко откликается на общественные изменения. Т. Родина внимательно исследует искусство построения спектакля, справедливо считая, что изучение русского театра на рубеже эпох «далеко не безразлично для теории и практики современного театрального искусства».

Лучшие достижения богатого творческого наследия рубежа веков использует

театр современной Польши — к такому выводу приходит Г. Сецомская. Об истории фильма и кинематографии в Польше пишет В. Баналшкевич. Проблема контактов взаимосвязей в области изобразительного искусства между художниками России и Польши интересует В. Лапшина.

Положительное впечатление производит «Хроника», несмотря на ее несистемный, как бы калейдоскопичный охват фактов. Почти не упоминаются киевские художники В. Галимский и Е. Вжеш. Надо было указать, что сам Станиславский часто бывал в школе Н. Мурашко и был тесно связан с киевской художест-

венной жизнью. Следовало более подробно охватить «полонику» в журнале «Киевская старина», осветить связи польских художников с Товариществом южнорусских художников.

Книгу завершает вдумчивая, теплая статья, посвященная памяти Ю. Стажиньского, оказавшего благотворное влияние на развитие искусствоведческой науки в Польше.

Думается, что настоящая книга является важным звеном в цепи предстоящих совместных трудов советских ученых и ученых социалистических стран.

А. К. Федорук

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСКУССТВО ЧЕХИИ И МОРАВИИ

В серии «Очерки истории и теории изобразительных искусств», организованной издательством «Искусство», вышла книга историка-слависта и искусствоведа И. И. Попа «Искусство Чехии и Моравии IX — начала XVI в.» (М., 1978, 255 с.). Учитывая, что периодизация социально-экономических процессов средних веков, естественно, не могла вполне соответствовать этапам развития средневековой культуры и искусства Чехии и Моравии, автор попытался отразить это в интересной композиции книги. Отдельные главы книги являются по существу самостоятельными историческими очерками — «Искусство Великой Моравии», «Романское искусство Чехии и Моравии (XI — начало XIII в.)», «Чешская поздняя готика второй половины XV — начала XVI в.».

Во всех главах-очерках автор сумел охарактеризовать основные памятники искусства — архитектуру, скульптуру, живопись, — связав все главные линии искусства средневековой Чехии и Моравии с историческими, социально-политическими процессами, происходившими в стране. В начале или в конце каждой главы имеются пассажи, которые помимо выделения основных этапов развития искусства страны, выполняют и другую функцию — связать главы-очерки общим контекстом самобытного средневекового чешского искусства.

Таким образом, композиция книги, ограниченной небольшим листажом указанной серии, представляется удачной, интересной и свежей. Избирая лучшие памятники искусства, ярко и квалифицированно характеризую их, автор одновременно стремился поместить их в общую систему развития самобытного чешского искусства в средние века.

Исходя из характера глав и полноты представленных в них памятников искус-

ства средневековой Чехии и Моравии, мы считаем основными главами в книге вторую и третью. Именно поэтому мы стараемся дать лишь общие оценки первого и последнего очерка, уделив основное внимание центральным главам книги.

В первой главе дана общая характеристика культуры Великой Моравии — северо-восточного предела особой зоны контактов в средневековье между регионами синтезного и бессинтезного пути развития феодализма. Культурные влияния, связанные с процессом христианизации Великой Моравии, шли одновременно с запада, из Баварии, и с юга, из Византии, что четко прослеживается в зодчестве и прикладном искусстве. Большую роль в развитии древнеморавского культового строительства сыграла также архитектура далматинско-истрийской области и, отчасти, Италии (с. 13). Автор поступает правильно, обратив на этот фактор особое внимание. В прикладном искусстве древней Моравии самостоятельный процесс развития художественного ремесла, базировавшийся на опыте мастерских Подунавья VI—VII вв., наблюдается уже с VIII в. «Опираясь на местные традиции, моравские ремесленники после разгрома аваров в начале IX в. с успехом воспринимают импульсы из византийско-черноморской области и франкского запада, включаясь тем самым в общеевропейский процесс развития прикладного искусства. При этом внешние импульсы восприняты были в моравской среде вовсе не пассивно. Они были органично приспособлены к художественному чутью местных мастеров, их техническим знаниям и опыту и не в последнюю очередь — к запросам самих моравян» (с. 26).

Драгоценный сплав культуры Великой Моравии продолжал жить даже тогда, когда государство Великая Моравия бы-

ло уничтожено. «Культурное наследие Великой Моравии воспринято было и развивалось не только в раннефеодальном чешском государстве, но и в среде восточных и южных славян» (с. 33) и, конечно, у западных славян — словаков и поляков. Вместе с тем, традиция великоморавского искусства обнаруживается прежде всего в культуре Чехии и Моравии в XII—XIII вв., когда чешское государство вошло в регион Центральной Европы. И эта традиция оказалась весьма живой.

Во второй и третьей главах-очерках, которые представляются нам наиболее удачными частями книги, на 180 страницах автор сумел создать полную и яркую картину искусства Чехии и Моравии XI—начала XV в. Анализ выдающихся памятников романского и готического искусства — архитектуры, скульптуры, стенной, станковой и миниатюрной живописи, прикладного искусства, их оценки и выводы автора дают основание видеть в этой книге самостоятельное исследование и ценный вклад в наше отечественное славяноведение. Автор внимательно следит за развитием чешского искусства, обогащающегося опытом зарубежных школ и направлений (Италия, Германия, особенно Саксония, Франция) и одновременно отмечает, что самобытное и своеобразное чешское искусство в свою очередь влияло на искусство региона Центральной и Восточной Европы. Особенно примечательным явлением культуры всей Центральной Европы стала чешская готика. Автор останавливается особенно подробно на чешской скульптуре и живописи «прекрасного стиля» конца XIV — начала XV в. Это направление находилось в тесной связи с соответствующими тенденциями в искусстве Западной и Южной Европы (с. 156—212). Автор указывает, что «прекрасный стиль» представляет собой одно из характерных явлений интернационального стиля, получившего распространение в конце XIV — начале XV вв. на огромной территории от Атлантического побережья до Среднего Подунавья и от Балтийского моря до Средиземного. Факт этот говорил об определенной однородности европейской художественной жизни того времени, явившейся результатом многостороннего обмена идей и взаимного культурного влияния разных стран и областей (с. 157). Однако в отличие от Франции, где стиль этот был связан прежде всего с кругами аристократии, в Чехии он развивался не только при королевском дворе, но и в среде дворянства и богатого городского патрициата (с. 158). Автор справедливо отмечает, что скульптура и живопись «прекрасного стиля» была чужда чешскому народу,

вступившему в борьбу с социальным и национальным гнетом. При этом в «прекрасном стиле», развивавшемся на высоком уровне профессионального искусства, ощутимо предвестие гуманизма. Противоречие в готическом искусстве — уход в прошлое и одновременная попытка продвижения вперед, в мир новых идей, уход «прекрасного стиля» от сферы социально-политической борьбы, приводит его к гибели.

И. И. Поп намечает основные линии развития чешского искусства, связанные сначала с Прагой (двор, знать, патрициат, горожане), а затем с чешской провинцией и ее основными центрами. К сожалению, не получилось такой непрерывной линии в очерках об искусстве Моравии (романском и готическом). Памятники Моравии упоминаются, но особенности их недостаточно выявлены. Возможно, что листаж книги помешал автору, хотя особенность романских и готических памятников в Моравии и сама ее судьба очень интересны для наших читателей.

Четвертая глава — своеобразное заключение книги — содержит сжатый обзор памятников поздней готики. В целом глава будучи довольно скупой оставляет желать более полного представления культурной атмосферы. Автор справедливо отмечает, что во второй четверти XV в. гуситские освободительные войны и иностранная интервенция действительно препятствовали развитию монументального строительства в Чехии. Живопись и скульптура были частично уничтожены вследствие иконоборства гуситов (с. 215). Автор правильно отмечает и рост значения национальной литературы в Чехии в это время. Но к этому следовало бы добавить, что важными компонентами культуры Чехии этого периода кроме литературы были музыка и пение. Более того, в сфере культуры этого периода музыка и пение возобладали над литературой, а живопись и скульптуру отодвинули на задний план. Соотношение этих факторов и его изменение следует всегда принимать в расчет, хотя понятно, что автор в этой главе ставил перед собой задачу рассмотрения лишь архитектуры и изобразительного искусства готики.

Книга И. И. Попа, безусловно нужная и полезная. Роль чешского романского и готического искусства в развитии культуры и искусства Центральной Европы, роль и величие его в славянской средневековой культуре показаны убедительно и выпукло. Отбор иллюстраций очень удачен, в чем несомненная заслуга автора. Такая книга — настоящий подарок нашей славистике.

В. Д. Королюк.

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

2 июля 1979 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР, посвященное 35-летию Польской Народной Республики. Во вступительном слове директор Института член-корр. АН СССР Д. Ф. Марков подчеркнул большое политическое значение отмечаемого юбилея Народной Польши и кратко охарактеризовал связи и сотрудничество Института с польскими научными учреждениями. Это сотрудничество, сказал Д. Ф. Марков, значительно расширившееся в последние годы, было весьма плодотворным. Об этом свидетельствуют подготовленные Институтом совместно с польскими учеными труды по истории советско-польских отношений, о польском общественном движении и литературной жизни в 30—40-х годах XIX в., о кризисе буржуазной политической системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период и по другим проблемам, а также работа Комиссии историков СССР и ПНР.

С докладом «Народной Польше — 35 лет» выступил д-р ист. наук И. И. Костюшко. За этот сравнительно небольшой период, отметил докладчик, польский народ под руководством ПОРП добился замечательных успехов в развитии экономики и культуры своей страны. В ПНР были созданы прочные основы социализма и в соответствии с решениями VII съезда ПОРП началось строительство развитого социалистического общества. Польша из отсталой в прошлом страны превратилась в высокоразвитую индустриальную страну. По объему валовой промышленной продукции теперь она находится в первой десятке индустриальных стран мира. Социалистический сектор в деревне дает значительную часть товарной продукции и играет важную роль в развитии общественных форм производства. Единоличное крестьянское хозяйство тесно связано с плановой экономикой страны. С ростом национального дохода непрерывно повышается материальный и культурный уровень жизни народа. Высокого уровня достигла наука, народные массы приобщились к культуре. На базе марксистско-ле-

нинской идеологии укрепляется идейно-политическое единство народа.

Строительство социализма в ПНР неразрывно связано с развитием и укреплением социалистического содружества. Особенно большое значение для развития Польши имеет ее братское сотрудничество с СССР. Характеризуя советско-польские отношения на современном этапе, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев указывал: «Логика жизни такова: чем дальше мы идем по пути сотрудничества, тем более широкие горизонты открываются перед нами. Это особенно заметно сейчас, когда наши страны стоят на пороге новой пятилетки. Громадный размах приобретает работа по кооперации, особенно в машиностроении и химии, по созданию совместными усилиями крупных предприятий, по обмену достижениями научно-технической мысли. Все это, несомненно, благоприятно скажется на экономике, на благосостоянии трудящихся обеих стран.

Хотя в сфере политического сотрудничества нет своих пятилеток, но и там проявляется та же закономерность: наше взаимодействие становится год от года все более глубоким и содержательным. Это в полной мере относится и к совместной борьбе за мир и безопасность, за разрядку и разоружение».

Польский народ высоко оценивает плодотворное польско-советское сотрудничество. В докладе Политбюро ЦК ПОРП, с которым выступил Э. Герек 25 июня с.г. на III Общепольской конференции представителей рабочего самоуправления, говорится: «Дружба, помощь и всестороннее сотрудничество с СССР составляли и составляют нерушимую гарантию реализации наиболее жизненных национальных интересов, а в особенности прочности границ, безопасности и суверенитета, а также экономического развития Польши. Роль, какую играет наша страна в современном мире, достижения польского народа подтверждают на практике, что союз и дружба с Советским Союзом и остальными странами социалистического содружества отвечают наиболее глубоко понятым интересам

Польши, что также и в будущем как и до сих пор будут нерушимой основой нашей политики».

Л. И. Брежнев и Э. Герек во время встречи, состоявшейся 13 марта 1979 г., выразили удовлетворение развитием всестороннего сотрудничества между СССР и ПНР и подчеркнули стремление КПСС и ПОРП и впредь углублять связи по партийной, государственной и общественной линиям, расширять культурный обмен, крепить дружбу советского и польского народов. Они указали на важность дальнейшего повышения эффективности интеграционных мероприятий в рамках СЭВ и на двусторонней основе, подчеркнули единство взглядов по вопросам международного положения.

Вместе с польским народом 35-летие ПНР торжественно отмечает и советская общественность.

В докладе д-ра филол. наук В. А. Хорева «Достижения современной польской литературы» рассматривался про-

цесс развития художественной литературы в Народной Польше. Остановившаяся на произведениях, посвященных освободительной борьбе народа, рабочему классу, жизни деревни, социальным и культурным преобразованиям в стране, докладчик высоко оценил творчество В. Броневского, Ю. Тувима, Я. Ивашкевича, М. Домбровской, Л. Кручковского, З. Налковской и других выдающихся писателей и поэтов, показал, как литература, отображающая жизнь народа в процессе строительства социализма, обогащается новым идейным и художественным содержанием.

На заседании Совета выступил первый секретарь Посольства ПНР в СССР Анджей Карп. Отметив огромное значение польско-советского сотрудничества для развития и безопасности ПНР, А. Карп пожелал коллективу Института новых успехов в его деятельности.

И. К.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЮНЕСКО ПО ПРОБЛЕМАМ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР (КИЕВ, 28 V—1 VI 1979)

Одним из важных мероприятий, осуществляемых в рамках Славянского проекта ЮНЕСКО и МАИРСК в 1979 г., явилась международная комплексная конференция «Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст». Инициативу проведения этой, пятой со времени создания МАИРСК, встречи ученых-славистов взяли на себя Академия наук УССР (Институт литературы им. Т. Г. Шевченко), Комиссия по делам ЮНЕСКО и Украинский комитет по реализации Славянского проекта.

На конференцию прибыло около 200 представителей из 18 государств — членов ЮНЕСКО, в том числе из всех социалистических стран Европы, Австрии, Великобритании, Дании, Италии, Канады, США, ФРГ, Франции. Было заслушано 90 докладов и сообщений, 41 выступление в дискуссионных и 16 выступлений «за круглым столом».

Доклады пленарного заседания конференции определили комплекс основных научных проблем, которые получили дальнейшее освещение и конкретизацию в работе трех ее секций: гуманизм и современная культура мира (Ю. А. Лукин — СССР, А. Стойков — НРБ), достижения и перспективы развития современных художественных культур славянских народов (Д. Ф. Марков, Г. А. Недошвин — СССР, Л. Н. Новиченко — УССР), мето-

дология исследований проблем культуры (Я. Щепаньский — ПНР), взаимодействие современных славянских культур (Г. Д. Вервес — УССР), роль средств массовой информации в культурном взаимодействии славянских и неславянских народов (Я. Н. Засурский — СССР).

На секции «Общие проблемы развития современных славянских культур» обсуждались общеметодологические вопросы изучения славянских культур (М. Б. Епич, М. Н. Кузьмин, А. С. Мыльников — СССР и др.), их развития в социально-историческом контексте. Принципиальная возможность и плодотворность сравнительно-типологического изучения славянских культур была, в частности, широко продемонстрирована на материалах славянского фольклорного творчества и современного литературного процесса (Б. Хорват-Лукач — ВНР, Ю. И. Суровцев, С. А. Шерлаимова, В. Е. Гусев, Б. Н. Путилов — СССР). Вместе с тем подчеркивалась необходимость конкретизации общих закономерностей культурной эволюции в страноведческих разработках, выявления диалектики национального и интернационального в духовной жизни каждой нации. Особое внимание было уделено проблемам взаимовлияния и взаимообогащения славянских культур. Интенсивность и новые качественные характеристики этого процесса докладчики связывали с социально-поли-

тической и идейной общностью социалистических славянских наций, с возрастающей ролью народных масс в строительстве социалистической культуры славянского мира. Одновременно отмечалось, что взаимообогащение культур предполагает высокий уровень духовного развития стран социализма, значительные художественные завоевания, в которых всесторонне выразились их национальная самобытность и социальная сущность (В. И. Злыднев, О. А. Северная — СССР, М. Мольнар — ЧССР, М. Каспер — ГДР, Гончаренко — УССР).

Широко обсуждалась участниками секции проблема традиции и новаторства (А. Флакер, С.-Ж. Маркович — СФРЮ, П. Дивеков — НРБ, М. Новиков — СРР). Выступавшие стремились уточнить принципы отбора того положительного, что дали различные стили мировой художественной культуры, критически оценивали явления современной культуры буржуазного общества, высказывались за дифференцированный подход к различным ее течениям. Большинство участников дискуссий подчеркивало прогрессивную роль метода социалистического реализма в развитии искусства социалистических стран и рост его признания в мировом художественном процессе. В докладах секции были проанализированы широкие связи культур славянских и неславянских народов, показано плодотворное влияние искусства социалистических наций на культурное развитие славянских эмиграций на американском континенте, в арабских странах, в других регионах неславянского мира (Ю. Косач — США, П. Кравчук — Канада, Ю. Н. Кочубей — СССР).

На секции «Современная художественная культура славянских народов» в комплексном плане анализировалось состояние литературы, изобразительного искусства, архитектуры, музыки. Была показана продуктивность художественных открытий и завоеваний, достигнутых в условиях многообразия художественных форм, жанров и стилей для мирового художественного процесса, подчеркнута непрерывно возрастающая роль духовной культуры в воспитании человека.

Особое внимание было уделено вопросам гуманизма современных славянских культур. Ученые стремились показать особенности реализации социалистического гуманизма в разных жанрах литературы славянских народов (С. В. Никольский — СССР, Н. Г. Жулинский, Э. С. Голубева — УССР), раскрыть закономерности обогащения гуманизма в современной мировой литературе (Э. Ковальский — ГДР). Славянские культуры рассматриваются как культуры, утверждающие концепцию нового человека — творца и созидателя. Одной из существенных черт развития социалистического искусства признавалось утверждение гу-

манизма человека как гуманизма мира. Важное место в работе секции заняло рассмотрение проблем традиции и новаторства в культуре славянских стран. В докладах В. А. Хорева (СССР), И. Ф. Бэлзы (СССР) на материале литературы и музыки славянских народов было раскрыто понимание традиций как лучших проявлений искусства прошлого, восприимчивых в новую историческую эпоху.

Как историческая категория рассматривалось мировое значение русской литературы (Т. Л. Мотылева — СССР). Подчеркивалось, что вхождение русской литературы в литературу всемирную — сложный и многообразный процесс, который требует дальнейшего детального изучения применительно к различным писателям, странам, историческим периодам. Оживленно обсуждалась роль классиков славянской литературы (М. Горького, Л. Н. Толстого, Т. Г. Шевченко, Я. Купалы, П. Тычины) в развитии мировой культуры как в качестве живой литературной практики, так и в качестве теоретической системы.

С большой заинтересованностью обсуждалась на секции проблема взаимодействия культур славянских народов. Констатировалось, что на основе установления многообразных связей между славянскими народами создавалась социалистическая общность, представляющая ныне решающий фактор развития славянского содружества. Авторы докладов акад. Э. Георгиев (НРБ) и В. Колевский (НРБ) приводили многочисленные примеры обогащения форм межлитературного сотрудничества. В докладах и сообщениях было обращено внимание на совершенствование методологии современных культуроведческих исследований.

На секции «Язык и культура. Проблемы художественного перевода» были рассмотрены вопросы развития культуры и языка, влияния культуры на функцию и структуру современных славянских национальных языков, вопросы взаимодействия культур и языков, взаимодействия культур контактирующих языков, роли славянских языков в процессе культурного взаимообмена и духовного взаимообогащения славянских народов, вопросы перевода. Подчеркивая диалектическое единство национального и интернационального в языке и культуре, докладчики отмечали, что язык выступает мощным фактором интернационализации духовной культуры (В. М. Русановский — УССР). Были рассмотрены особенности развития языка в социалистическом обществе, изменения языковой ситуации в связи с победой социализма в славянских странах, когда значительно возрастает общественная роль и социально-культурный престиж литературного языка, который становится реально высшей формой национального языка, важным средством

развития социалистической национальной культуры (Л. Н. Смирнов — СССР). Сходство новых явлений и процессов современной культурной жизни славянских народов вызвало появление одинаковых новых структурных элементов в славянских языках, на что обратила внимание в своем докладе В. Т. Коломиец (УССР). На секции обсуждались языковые аспекты взаимодействия культур не только славянских, но и восточно-романских народов (С. В. Семчинский — УССР), что обеспечило более широкий фон для решения языковедческих и связанных с ними культуроведческих проблем.

Специальная группа докладов и сообщений (А. Р. Волков — УССР, Т. П. Попова — СССР, Л. И. Барабан, О. И. Гайничеру, О. Л. Паламарчук — УССР и др.) была посвящена теоретическим и практическим проблемам художественного перевода как одной из наиболее эффективных форм культурного сотрудничества. На новом этапе межславянских культурных отношений в настоящее время назрела необходимость проанализировать большой накопленный опыт в области межславянских художественных переводов и теоретически его обобщить.

Нетрудно заметить, что одной из центральных проблем, обсуждавшихся на всех секциях конференции, была проблема традиции и новаторства в культурном процессе. Не случайно поэтому она стала основной темой заключительного «круглого стола», в котором приняли участие представители 10 стран. Состоялся заинтересованный обмен мнениями о содержании самого понятия «традиция», о преемственности художественного опыта в новых видах искусства, возникающих в эпоху научно-технической революции, об общности славянских культурных традиций и их развитии в международном контексте. Обсуждались критерии отбора

традиций, соотношение понятий «традиция» и «культурное наследие». Как отметил председатель «круглого стола» С. Вольман (ЧССР), выяснение различных точек зрения на все эти вопросы было плодотворным, и в ходе обсуждения их наметились направления для дискуссий в будущем.

Подводя итоги конференции, председатель МАИРСК член.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков назвал киевскую встречу лабораторией огромного и представительного научного коллектива, объединившей ученых самых разных специальностей. Конференция продемонстрировала комплексный подход к исследованию культуры, зафиксировала достигнутые успехи в выработке общей методологии и конкретной методики изучения славянских культур, определила круг новых проблем, которые еще предстоит решить совместными усилиями. Безусловно положительным является тот факт, подчеркнул Д. Ф. Марков, что большинство ученых ориентируется на изучение современных культурных явлений, выяснение их сложной динамики; научный поиск освобождается от изолированности только одной дисциплины, ощущается потребность (и есть уже первые эффективные свидетельства) многомерного, междисциплинарного познания предмета. Киевская конференция обнаружила также возрастающий интерес к проблемам популяризации, пропаганды духовных ценностей социализма. Функция распространения социалистических славянских культур все более осознается как важная научная и социально-политическая задача, от решения которой в немалой степени зависит реальный вклад социализма в мировую культуру, в духовный прогресс всего человечества.

И. В. Пименова, О. А. Северная

ЗАСЕДАНИЕ БЮРО МАИРСК В г. КИЕВЕ (30—31 V 1979 г.)

30—31 мая 1979 г. в Киеве во время работы Международной конференции «Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст» состоялось расширенное заседание Бюро МАИРСК.

На заседании были обсуждены актуальные вопросы деятельности Ассоциации, а также намечены мероприятия по изучению и распространению славянских культур на ближайшие годы.

Бюро заслушало сообщение секретаря МАИРСК проф. В. И. Злыднева о работе Ассоциации за период, истекший между загребским (9 IX 1979) и киевским

(28 V 1979) заседаниями. Главным мероприятием в отчетный период была подготовка Киевской конференции по современным славянским культурам. Были изданы материалы Московской конференции 1974 г. «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв.» (М., 1978), материалы Варненской конференции 1975 г. «Славянские культуры и Балканы, т. I—II» (София, 1978). В серии «Выдающиеся деятели славянской культуры» вышла на французском языке книга о белорусском просветителе Ф. Скорине (Париж, 1979). Слависты ГДР под эгидой

МАИРСК выпустили коллективный сборник «Гердер и его восприятие в странах Восточной и Юго-Восточной Европы» (Берлин, 1978, на нем. яз.). Во Флоренции (Италия) под эгидой МАИРСК вышла книга американского слависта Р. Пиккио «Славяно-романские литературные отношения» (1978).

Рассмотрев вопрос о деятельности проблемно-тематических комиссий, Бюро рекомендовало в качестве председателей комиссий: акад. П. Динкова (Болгария) — комиссия по древним и средневековым славянским культурам; проф. С. Вуйчич (Венгрия) — комиссия по Ренессансу и Барокко в славянских культурах; проф. С. В. Никольский (СССР) — комиссия по славянским культурам XVIII—XIX веков; проф. И. А. Дзеверин (Украина) — комиссия по славянским культурам XX века. Бюро избрало в качестве куратора комиссии по распространению знаний о славянских культурах проф. С. Грачиотти (Италия) и поручило ему подготовить программу конкретных мероприятий по этой комиссии и рекомендовать ученого-слависта в качестве председателя комиссии.

Бюро единодушно поддержало мысль о необходимости более широкого развертывания локальных симпозиумов и коллоквиумов со специализированным приглашением ученых-славистов других стран. При этом имеется в виду их проведение как в славянских, так и особенно в неславянских странах.

Бюро приняло предложение о проведении следующих симпозиумов (коллоквиумов): «Духовное наследие Кирилла и Мефодия в Европе» (Болгарский и Итальянский Национальные комитеты); «Славянское Барокко» (Венгерский, Югославский и Итальянский комитеты); «Данте и славяне» (Югославский и Итальянский комитеты); «Герцен и европейские культуры» (Великобритания); «Роль науки в становлении и развитии славянских национальных культур» (Чехословакия); «Славянская архитектура. История и современность» (Румыния).

В качестве следующего (после Киевской конференции) крупного мероприятия

Ассоциации Бюро одобрило подготовку и проведение международной конференции «Славянские культуры и мировой культурный процесс» (1981—1983).

Бюро с удовлетворением приняло к сведению сообщение Президента МАИРСК проф. Д. Ф. Маркова о начале практической деятельности Группы информации и документации МАИРСК в Москве, а также о необходимости продолжать издание Бюллетеня МАИРСК.

Бюро единодушно приняло решение продолжить издание информационного Бюллетеня МАИРСК в Москве на базе Группы информации и документации. Члены Бюро являются одновременно членами редколлегия Бюллетеня и несут персональную ответственность за подготовку материалов для Бюллетеня и их своевременное представление. Секретари МАИРСК осуществляют координацию работы по изданию и контроль за выпуском Бюллетеня в свет. Бюро одобрило общий тип издания и утвердило «Положение об информационном Бюллетене МАИРСК».

По вопросу о деятельности Национальных комитетов МАИРСК Бюро заслушало сообщение проф. Г. Д. Вервеса (председатель Украинского комитета), проф. С. Грачиотти (Итальянский Национальный комитет), проф. С. В. Марцелова (председатель Белорусского комитета) и Ю. В. Богданова (зам. председателя Советского Национального комитета). Бюро рекомендовало отразить деятельность этих Национальных комитетов в очередном номере информационного Бюллетеня МАИРСК.

При обсуждении вопросов распространения знаний о славянских культурах было высказано предложение о необходимости издания в серии «Выдающиеся деятели славянской культуры» брошюры «А. Герцен». Бюро признало целесообразным просить проф. М. Партридж (Великобритания) согласиться выступить в качестве автора текста такой работы, предназначенной для широкого западного читателя.

На этом Бюро МАИРСК завершило свою работу.

Я. Ляткер

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1979 г.

СТАТЬИ

А в р у с А. И. Мопровские кампании против террора в Польше	№ 3
Б у ш у е в а Т. С. Из истории политработы Коммунистической партии Югославии в НОАЮ	№ 2
В а л е в а Е. Л. Борьба демократических сил Европы в защиту болгарских революционеров-политэмигрантов (1925—1929)	№ 6
В а п ц а р о в а Б о й к а (НРБ). Советская культура в жизни Николы Вапцарова	№ 5
В и н о г р а д о в В. Н. Лорд Каслри и Балканы	№ 1
В л а д ы к о Н. Н. К вопросу об историографии и новых источниках по истории национально-освободительного движения в Герцеговине в 50—60-х годах XIX в.	№ 5
Г а л а с Б. К. Рукописный украинско-русский словарь О. М. Бодянского Дарчевска Иоланта (ПНР). Старинные славянские азбуки и буквари	№ 1
З л ы д н е в а Н. Природа и миф в творчестве архитектора В. Богдановича	№ 4
И в а н о в В я ч. В с. Славянские названия металлов и проблемы восстановления ранних этапов истории у славян	№ 6
И в а н о в а Т. А. К истории древнеславянской звательной формы	№ 5
И г н а т ь е в а Т. В. Эволюция мелкобуржуазных представлений об общественно-экономическом развитии Болгарии	№ 1
К и ш к и н Л. С. Чешско-русские связи (от древних времен до середины XIX в.)	№ 4
К у з ь м и н А. Боевые действия авиагруппы под командованием А. Н. Витрука в сражениях за освобождение Югославии	№ 5
Л и п а т о в А. В. Теоретическая проблематика стыка литературных эпох (на примере польской литературы)	№ 6
Л и х а ч Е. В. Буржуазное общественное мнение Великобритании и югославянский вопрос в 1916—1918 гг.	№ 6
Л о й к о Л. В. Из истории трудового соревнования в ПНР	№ 5
М а к с и м о в а Е. В. Чешские народные песни на общеславянском эпическом фоне	№ 4
М а р а ш И. Я. Владыслав Спасовский — пропагандист ленинских идей в довоенной Польше	№ 6
М е ч е в К. (НРБ). Освободительная борьба болгарского народа в конце XII — начале XIII в.	№ 6
М и х у т и н а И. В. Вопросы борьбы против фашизма и угрозы войны в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1935—1939 годах	№ 2
М о з е р о в В. Д. Развитие трудовой активности рабочего класса в Болгарии (1958—1962)	№ 1
М о л о ш н а я Т. Н. О славянском типе адъективной сочетаемости	№ 3
М о р о з В. К. К 35-летию образования Народной Польши	№ 3
М у с и е н к о С. Ф. Мир и человек в прозе Зофьи Налковской 1920-х годов	№ 4
Н е ч у д а е в а Н. А. К лексической вариативности в древнеславянских переводах	№ 2
Н о с к о в а А. Ф. Фашистский оккупационный режим и позиции классов и социальных групп в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	№ 2
П о з о л о т и н М. Е. По пути социалистического развития	№ 3
П о н о м а р е в а Н. Н. Современная болгарская и советская драматургия (связь и типологическая общность)	№ 5
	№ 3

Прибылов В. И. Создание Лиги Наций и Польша	№ 5
Прокофьева Д. С. Из истории польского поэтического перевода	№ 4
Радевич Милорад (СФРЮ). Русский язык в белградских школах до 1878 года	№ 6
Решетников Л. П. Участие болгарских политэмигрантов в культурном строительстве в СССР в 20-х—30-х годах	№ 4
Саливон А. Н. К вопросу об образовании народности ободритов	№ 3
Свешникова Т. Н. Основные типы конструкций с отглагольным именем в балканских языках	№ 2
Славин Г. М., Сумарокова М. М. К истории образования Социалистической рабочей партии Югославии (коммунистов)	№ 2
Соловьева А. П. Литературные программы и развитие чешской национальной литературы	№ 3
Тельнов В. К вопросу о подготовке мирного договора с Болгарией (1946)	№ 1
Тесемников В. А. Революционное молодежное движение Югославии межвоенного периода (1919—1941) в исследованиях историков СФРЮ	№ 1
Тихомирова В. Развитие патриотических и интернационалистических традиций в современной польской поэзии	№ 1
30-летие Совета Экономической Взаимопомощи	№ 6
Фрейденберг М. М. Проблемы ранней истории Дубровника в новейшей югославской историографии	№ 2
Харциева Г. Ю. К вопросу о формировании национального самосознания словаков (по материалам газеты «Словенске народне novice» 1845—1847 гг.)	№ 6
Чекман В. Н. К типологии славянской протезы	№ 6
Чернецова Е. М. Позднеготическая скульптура в Чехии и Словакии	№ 2
Черных М. Ю. Мархлевский о советской внешней политике	№ 2

СООБЩЕНИЯ

Беляева В. И. Мюнхенский стовор и общественное мнение Великобритании в англо-американской буржуазной историографии	№ 3
Бухало Г. В. Польская историография о воссоединении Украины с Россией	№ 3
Дьяков В. А., Мыльников А. С. Изучение истории славистики чехословацкими учеными в 1968—1978 гг.	№ 3
Ищенко Д. С. Поучения Феодора Студита в рукописи Рыльского монастыря	№ 4
Костюшко И. Историко-славистические исследования в СССР (1971—1978)	№ 3
Павловский С. В. О попытке Г. С. Раковского создать политическую газету в Одессе (1858—1859)	№ 4

Из истории славяноведения

Воронков И. А. Кафедре истории южных и западных славян Московского университета — 40 лет	№ 5
Матковски А. Документальные данные о жизни и деятельности А. И. Яцимирского (1873—1925)	№ 1
Цайль Вильгельм (ГДР). Славяноведение в Германии (с конца XVII в. до 1945 г.)	№ 4

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Бегунов Ю. К. Ценное пособие по истории древних югославянских литератур	№ 1
Бегунов Ю. К. «Шестоднев» Иоанна Экзарха (к вопросу о задачах изучения болгарского памятника X в.)	№ 4
Берштейн С. Б. «Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich», I—XV	№ 4
Бибиков М. В. Из истории Нижнего Подунавья в X—XII вв.	№ 1
Билунов Б. Н., Москаленко А. Е., Хайретдинов Х. Х. «Вопросы истории славян»	№ 3
Будагова Л. Н. Плодотворное исследование	№ 2

- Валев Л. Б. «VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» . . . . . № 2
- Валев Л. Б. Йордан Венков. Революционната ситуация в България през Втората световна война . . . . . № 4
- Венедиктов Г. К. Важный труд по истории современного болгарского литературного языка . . . . . № 2
- Венедиктов Г. К. Новый болгарский лингвистический журнал . . . . . № 4
- Вознесенский В. В. К. Волков. Мюнхенский сговор и балканские страны . . . . . № 2
- Воронков В. И. J. R. Szaflik. «O rząd chłopskich dusz» . . . . . № 3
- Вышомирская - Кузьминская О. (ПНР). Е. А. Дудзинская. Международные научные связи советских историков . . . . . № 6
- Горенков А. «Под знаменем боевой дружбы» . . . . . № 3
- Горина Л. Л. Минкова. Осип Максимович Бодянски и българското възраждане . . . . . № 6
- Горский И. К. «Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX века» . . . . . № 1
- Жук В. А. Польско-восточнославянские исследования . . . . . № 6
- И. К. K. Górski. Tekstologia i edytorstwo dzieł literackich . . . . . № 4
- Калениченко П. М., Макарян Ю. И. «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» . . . . . № 2
- Калиганов И. И. Софроний Врачанский. Жизнеописание . . . . . № 1
- Калиганов И. Д. Богдановић. Житије Георгија Кратовца . . . . . № 4
- Королюк В. Д. Средневековое искусство Чехии и Моравии . . . . . № 6
- Л. К. Две славистические библиографии . . . . . № 1
- Лабынцев Ю. А. Комплексное исследование по истории старообрядчества на польских землях в XVII—XX вв. . . . . № 5
- Лаптева Л. П. Книга чехословацкого историка о болгарском национально-освободительном движении в 50—70-х годах XIX в. . . . . № 5
- Липатов А. В. У истоков польского барокко . . . . . № 2
- Липатов А. В. Z. Stefanowska. Próba zdrowego rozumu. Studia o Mickiewiczu . . . . . № 4
- Маковецкая Т. А. Велев. Главни реформи на земеделското правителство . . . . . № 1
- Матвеев Г. В. И. В. Михутина. Советско-польские отношения. 1931—1935 . . . . . № 4
- Мельничук А. С., Пешак М. М. «Словник староукраїнської мови XIV—XV столетия», т. I . . . . . № 4
- Мокиенко В. М. Две монографии о славянской фразеологии . . . . . № 5
- Молок Ф. А. Д. Марченко. Герой двух народов . . . . . № 2
- Мыльников А. С. J. Novotný. Slovanská lípa 1848—1849. K dějinám prvního českého politického spolku . . . . . № 4
- Наумов Е. П. Библиография исследований, посвященных Светозару Марковичу . . . . . № 3
- Наумов Е. П. Сербские источники XIV в. в новых югославских публикациях . . . . . № 6
- Пименова И. Интеллигенция как объект историко-социологического исследования . . . . . № 3
- Прокофьева Д. В. Zakrzewski. Fredro z paradyzu . . . . . № 1
- Пуцко В. Г. Српска графика XVIII века . . . . . № 4
- Салехов Н. «Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» . . . . . № 3
- Саливон А. Н. Н. Ф. Колесницкий. «Священная Римская империя»: притязания и действительность . . . . . № 6
- Семенова Л. Е. Записки янычара . . . . . № 4
- Спзова Т. И. A. Przygoński. Alfred Lampe . . . . . № 1
- Смирнов Л. Н. R. Krajčovič. Svedectvo dejín o slovenčine . . . . . № 4
- Соболева Н. А. S. K. Kuczynski. Herb Warszawy . . . . . № 5
- Струкова К. М. Манолова. Русия и конституционното устройство на Източна Румелия . . . . . № 6
- Табачников Б. И. С. Яжборовская, Н. И. Бухарин. У истоков польского социалистического движения . . . . . № 2
- Федорук А. К. Д. В. Степовик. Болгарське образотворче мистецтво. 1878—1978 . . . . . № 5
- Федорук А. К. «Художественные процессы в русском и польском искусстве XIX — начала XX века» . . . . . № 6
- Хевролина В. И. А. А. Улунян. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия . . . . . № 6
- Черных М. Н. Ю. Мархлевский. Литература, искусство, классовая борьба. Из литературного наследия . . . . . № 5

Чернявский Г. И. Книга о крестьянском движении в Болгарии в 80-х годах XIX — начале XX в.	№ 4
Чернявский Г. И. Ю. Мемшев. Участие на болгарските турци в борбата против капитализма и фашизма	№ 6
Штакельберг Ю. И. A. Příbyl, K. Liška. Znaky a pečetě středoeeských měst	№ 1

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Венедиктов Г. К. Конференция по вопросам языкового строительства в Болгарии	№ 3
В. М. Конференция по проблемам современной польской литературы в Варшаве	№ 2
Е. Н. Международный симпозиум по истории богомилства	№ 1
Е. Н. Совещание по вопросам координации исследований в области истории Турции и турецко-славянских отношений	№ 4
Злыднев В. В Ассоциации по изучению и распространению славянских культур	№ 1
Злыднев В. И. Генеральная ассамблея МАИРСК в Загребе	№ 2
И. К. В Институте славяноведения и балканистики АН СССР	№ 6
И. М. Советско-польский коллоквиум по проблеме «Фашизм и антидемократические режимы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1918—1945»	№ 3
И. П. 60-летие восстановления независимости Польши	№ 2
И. С. Советско-польский симпозиум «Польская культура XVIII—XIX вв. и русско-польские культурные связи»	№ 5
И. Ч. XIX съезд словенских историков	№ 2
К 100-летию со дня рождения В. И. Пичеты	№ 2
Леньшина М. 100-летие освобождения балканских народов от османского ига	№ 1
Ляткер Я. Заседание Бюро МАИРСК в Киеве	№ 6
Мороз В. К. Научная конференция, посвященная 60-летию образования Коммунистической партии Польши	№ 3
Пашаева Н. М. Освобождение Болгарии от османского ига (выставка в ГИИБ)	№ 1
Пименова И. В., Северная О. А. Международная конференция ЮНЕСКО по проблемам современных славянских культур	№ 6
Позолотин М. Е. Научная конференция во Львове	№ 5
Щербаков Ю. К 60-летию образования Чехословакии	№ 2

НЕКРОЛОГИ

Василий Дмитриевич Конобеев	№ 2
---------------------------------------	-----

CONTENTS

Thirty Years of the Council of the Mutual Economic Assistance. *Kuzjmin A. V.* Fighting Actions of the Air Group Under Command of A. N. Vitruk in the Battles for Liberation of Yugoslavia (1944—1945). *Marash I. Ya.* Władysław Spasowski as Propagandist of the Leninist Ideas in Pre-War Poland. *Valeva E.* Struggle of the European Democratical Forces for Support of the Bulgarian Revolutionaries — Political Emigrants (1925—1929). *Khartsijeva G. Yu.* To the Forming of the National Consciousness of Slovaks (on the Materials of the Slovenské národné noviny, 1845—1847). *Lipatov A. V.* Theoretical Problems of the Meeting Points of the Literary Epochs (Polish Literature Case). *Zlydneva N.* Nature and Myth in the Architect B. Bogdanovich's Memorials. *Maximova E. V.* The Czech Folk Songs on the All-Slavic Epical Background. *Radevic M.* The Russian at the Schools of Belgrade up to 1878. *Chekman V. N.* To the Typology of Slavic Prothetic Vowels. 3

REVIEW—ARTICLES AND REVIEWS

Vyszomirska-Kuzmińska O. E. A. Дудзинская. Международные научные связи советских историков. *Cherniavskii T. I.* Ю. Мемисhev. Участие на българските турци в борбата против капитализма и фашизма. *Strukowa K. M.* Манолова. Русия и конституционното устройство на Източна Румелия. *Khevroлина V. M. A. A.* Улунян. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия. *Gorina L. J.* Минкова. Осип Максимович Бодянски и българското възраждане. *Naoumov. E. P.* Serbian Sources of the XIV-th Century in Recent Yugoslavian Publications. *Salivon A. N. H. Ф.* Колесницкий. «Священная Римская империя»: притязания и действительность. *Zhuk V. A.* Polish-East Slavonic studies. *Fedoruk A. K.* Художественные процессы в русском и польском искусстве XIX — начале XX века. *Korolyuk V. D.* Medieval Art of Bohemia and Moravia 100

SCIENTIFIC LIFE

I. K. At the Institute of Slavic and Balkan Studies of the Academy of Sciences of the USSR. *Pimenova I. V., Severnaja O. A.* International Conference of UNESCO the Problems of Contemporary Slavonic Cultures. *Liatker Ya.* Session of the IASDSC Bureau in Kiev (30—31 May, 1979) 119
 Guide of articles and materials published in the Magazine in 1979 124

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 10.08.79	Подписано к печати 12.10.79	Т-17818	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆
Высокая печать	Усл. печ. л. 11,2	Уч.-изд. л. 12,4	Бум. л. 4
			Тираж 1200 экз. Зак. 2153
Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21			
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10			

Цена 1 руб.

Индекс 70891